

Полное Собраніе

Этнографическихъ трудовъ.

Александра Евгеніевича

БУРЦЕВА.

ТОМЪ I. -2

А. Е. БУРЦЕВЪ.

Русскія народныя сказки и суевѣрные разсказы про нечистую силу.

Изъ собранія **А. Е. Бурцева.**

С-. Петербургъ.

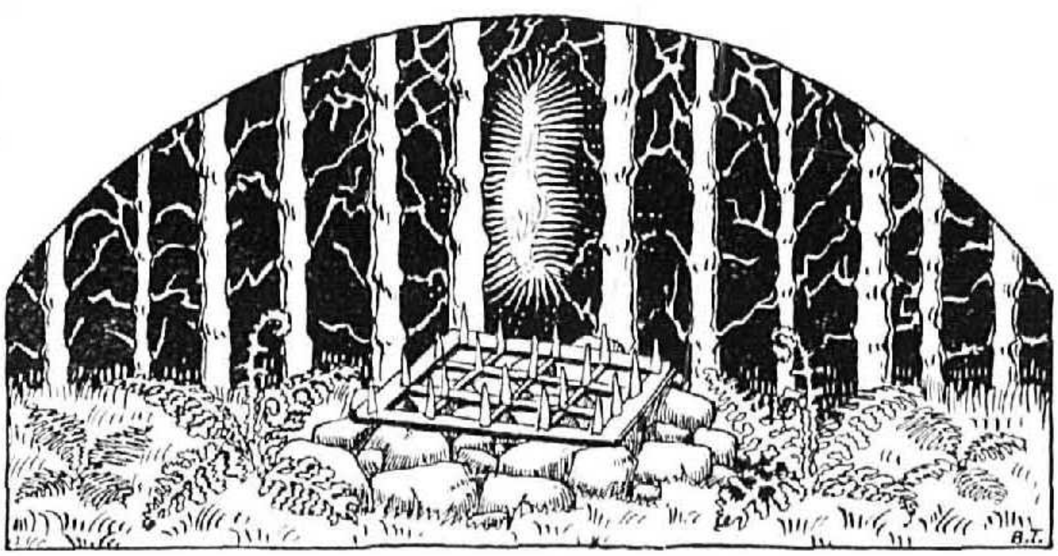
1910 г.

Изданіе
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ
А. Е. БУРЦЕВА.

Иллюстрировано художниками:
А. Альбрехтъ, М. Боскинымъ, М. Балунинымъ, А. Герардовымъ,
Н. Горенбургъ, А. Де Пальдо, Л. Злотниковымъ, В. Малышевымъ,
Г-жи Полторацкой, А. Третьяковымъ, И. В. Ткаченко.

Съ Портретомъ автора матеріаловъ и нѣкоторыхъ художниковъ.

Русскія народныя повѣрья, примѣты, предсказанія, предразсудки и обычаи вмѣщаютъ въ себѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ русскимъ народомъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ, когда наука заставляла указать народу на какія-либо вредныя послѣдствія.

Здѣсь мы предлагаемъ читателю тѣ изъ наиболѣе интересныхъ преданій, которыя содержатъ въ себѣ различныя сказанія о тайнахъ, доселѣ признаваемаго народомъ нашимъ, мнимаго чернокнижія.

А также помѣщаемъ здѣсь и тѣ многіе случаи изъ обыденной жизни народа, которые, на основаніи многократныхъ опытовъ, признаны народной мудростью за знаменательныя, и потому въ понятіяхъ простолюдина сложившіяся въ форму чего-то роковаго, неизбѣжнаго, и на основаніи таковаго понятія всѣ подобные случаи, въ глазахъ народной массы, являются уже не какъ простая случайность или обыкновенное стеченіе обстоятельствъ, а чѣмъ-то въ родѣ фатума, заранѣе предрѣшающаго то или иное положеніе человѣческой судьбы, а иногда и самой жизни человѣка, и вслѣдствіе такого рѣшающаго значенія, всѣ подобные случаи начинаютъ играть въ обыденной жизни народа одну изъ важныхъ ролей, которая всегда и вездѣ, въ мало культурныхъ населеніяхъ сводится къ всему фатальному и таинственному, чего не въ состояніи объяснить себѣ простой человѣкъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь же мы помѣщаемъ и все то, что такъ или иначе имѣемъ связь съ фатальнымъ или таинственнымъ; такъ какъ подобно случаямъ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, становящимся въ глазахъ народа примѣтою,—всѣ сказанія, повѣрья и обычаи, имѣютъ основаніемъ своимъ одинъ и

тотъ же корень, то есть все таинственное и фатальное,—и разъ гдѣ-либо привившись и войдя въ строй народной жизни,—потомъ уже всѣ эти примѣты, повѣрья и сказанія и т. п. какъ устно, такъ и письменно переходятъ изъ рода родъ и дѣлаются вѣчной и необходимой принадлежностью простаго русскаго человѣка.

А. Е. Бурцевъ.

Демонологія.

О происхожденіи чертей *разсказывается* среди народа такъ: давно, давно тому назадъ, еще когда земля не была сотворена Богомъ, однажды, главному вождю ангельскихъ полчищъ запала мысль завладѣть престоломъ Бога. Вождь возсталъ противъ Бога. Богъ, страшно разгнѣвавшись на бунтовщика, двинулъ на него всѣ громы небесные и самъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ горстью оставшихся вѣрными ангеловъ. Бунтовщики обратились въ поголовное бѣгство. Три дня и три ночи Богъ гнался за бѣгущими полчищами, но вотъ полчища остановились. *Впереди зіяла страшная* бездна „Отецъ нашъ, не губи своихъ дѣтей, *взмолились вожди*, мы каемся предъ тобою. Мы принуждены были и ослѣплены своимъ вождемъ, возьми его, отецъ". Но разгнѣванный Богъ не простилъ ихъ, а повелѣлъ имъ быть демонами, вождю же ихъ — сатаною. Затѣмъ, ударилъ на полчища съ удвоенною силою и столкнулъ ихъ въ зіяющую бездну.

Въ безднѣ павшіе ангелы основали свое царство – адъ, въ которомъ живутъ и понынѣ.

По мнѣнію народа численность демоновъ въ нѣсколько разъ превышаетъ

численность ангеловъ. Существуетъ повѣріе, что большая часть чертей женаты на утопленницахъ и удавленницахъ и, что у нихъ родятся такъ же, какъ и у людей, свои дѣти.

Столбъ пыли, поднимаемый вихремъ производится чертомъ во время бѣсовской свадьбы. Ножъ, шило, топоръ и прочія острыя орудія, кинутыя въ средину этого столба, падаютъ покрытыми кровью черта или вѣдьмы.

Существуетъ повѣріе, что черти соединяются со всѣми женщинами, допустившими себя до полнаго распутства. Отъ такого союза дѣти родятся странными, хотя нѣсколько и похожими на человѣческихъ дѣтей, такъ многіе увѣряютъ, что они родятся въ шерсти, съ копытами и хвостомъ. Дьяволъ является такимъ женщинамъ въ видѣ дороднаго мужчины.

Существуетъ такъ же повѣріе, что черти похищаютъ у людей дѣтей до ихъ крещенія и подмѣниваютъ ихъ своими дѣтьми.

Черти живущіе въ аду, по понятіямъ крестьянъ несутъ тысячи всевозможныхъ работъ: одни подвозятъ къ печамъ дрова, другіе кипятятъ воду въ котлахъ, третьи расправляются по распоряженіи сатаны съ новоприбывшими въ адъ грѣшниками и т. д. На землю черти являются по распоряженію сатаны исключительно для искушенія людей. Черти при этомъ принимаютъ большею частью виды какихъ нибудь животныхъ.

Дьяволъ любитъ принимать видъ черной кошки и черной собаки почему многіе изъ крестьянъ предпочитаютъ болѣе держать въ своихъ домахъ этихъ животныхъ какого-нибудь другого цвѣта, преимущественно рыжаго и бѣлаго.

Въ непокрытый сосудъ съ водою входитъ дьяволъ, какъ равно входитъ и въ ротъ зѣвающаго, если онъ его не перекреститъ.

По существующему повѣрію бѣсъ скрывается въ человѣка, если онъ не перекрестится во время грома. Произнести слово „чертъ“ не считается никакимъ грѣхомъ. Слово „чертъ“ въ весьма большомъ ходу среди крестьянъ нашей мѣстности. Оно встрѣчается почти во всѣхъ народныхъ выраженіяхъ: брани, похвалы, божбы и пр. Такъ напр.: „пошелъ къ черту“, „чертъ бы тебя побралъ“, „чертовъ сынъ“ и т. п.; „ай да чертовъ мазикъ“, „какъ вѣдь чертъ аккуратный“ и т. п.; „вынь сейчасъ чертъ мою душу, если я лгу“, „пусть я отнынѣ буду чертовымъ рабомъ, если лгу“ и т. п. Посылать ребенка къ черту есть великій грѣхъ, но на самомъ дѣлѣ, ребенокъ зачастую въ сердцахъ посылается къ черту. Существуетъ повѣріе, что дьяволъ похищаетъ такого ребенка.

Вино и табакъ по существующему повѣрію изобрѣлъ дьяволъ. Ходятъ среди народа даже разсказы на эти темы. Объ распространеніи вина среди крестьянъ разсказываютъ такъ: однажды къ богатому мужику зашелъ странникъ и попросилъ у него кусокъ хлѣба. Добрый мужикъ посадилъ странника за столъ, нарѣзалъ нѣсколько ломтей хлѣба, поставилъ солонку съ солью ковшъ съ

квасомъ и самъ, подсѣвши къ столу, сталъ распрашивать: „откудова идешь, куда правишься“...

Утоливши голодъ, странникъ вмѣсто того, чтобы поблагодарить хозяина за оказанное гостепріимство, досталъ изъ своего ранца дубовый боченочекъ и предложилъ тому выпить какого-то веселаго пойла“.

Какъ отвѣдалъ мужикъ этого веселаго пойла, такъ и почувствовалъ, словно по жиламъ вдругъ что разлилось.

Мужику такъ понравилось пойло, что онъ приступилъ къ страннику съ распросами: откудова, дескать, ты голубчикъ добылъ „эфто пойло“, какимъ способомъ варятъ пойло?

Странникъ сперва было не хотѣлъ сказывать про это, но послѣ долгихъ просьбъ, наконецъ разсказалъ. Мужикъ сталъ упрашивать странника остаться у него на нѣкоторое время для варки веселаго пойла, обѣщая большую поденщину (поденную плату).

Странникъ согласился и въ тотъ же день принялся за работу.

Дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а странникъ все не отставалъ отъ возложенной на него мужикомъ работы.

Открыто было нѣсколько кабаковъ, въ которыхъ продавались доселѣ невиданные и неслыханные крѣпкіе напитки.

Народъ „расчухалъ“ свойство веселаго пойла и сталъ часто посѣщать кабаки.

О происхожденіи табака разсказывается такъ: однажды молодой помѣщикъ, шляясь по лѣсамъ, встрѣтился съ неизвѣстнымъ охотникомъ. Неизвѣстный охотникъ попросилъ у помѣщика на нѣсколько зарядовъ пороху и дроби. Тотъ отсыпалъ, а неизвѣстный охотникъ за его услугу подарилъ ему коробку сигаръ и показалъ, какъ нужно курить ихъ. Помѣщикъ, какъ затянулся разъ другой, такъ и бросился къ охотнику на шею благодарить его и въ восторгѣ произнесъ слово „Боже“—глядь а неизвѣстнаго охотника, какъ не бывало, только подъ ногами валяется какая-то бумажка.

Поднялъ удивленный помѣщикъ эту бумажку и подпрыгнулъ отъ радости. Это было подробное описаніе о томъ, какъ растить табакъ.

По существующему повѣрію пьянымъ показываютъ дорогу черти, доводя иногда до погибели.

О самоубійцахъ народъ употребляетъ выраженіе „черту рабъ“. Народъ твердо полагаетъ, что человѣкъ совершаетъ преступленіе (поджогъ, убійство) подъ вліяніемъ бѣса. Неравновѣсіе душевныхъ силъ переходнаго возраста многіе объясняютъ вліяніемъ чертей и чертовокъ.

Существуетъ вѣрованіе въ духовъ, насылающихъ болѣзни.

Всѣ болѣзни, за исключеніемъ душевныхъ и проказныхъ происходятъ отъ Бога. Душевныя и проказныя болѣзни насылаетъ чертъ.

Дьяволъ входитъ въ того человѣка, который ведетъ свою жизнь въ небреженіи и бранится постоянно „демонскою бранью".

Записано А. Каменевымъ.

Домовой.

Домоваго считаютъ духомъ добрымъ и называютъ хозяиномъ дома, а также хозяиномъ какъ надъ человѣкомъ, такъ и надъ скотомъ и кромѣ того, называютъ: „батюшко домовой". Домовой ходитъ по всему дому, а мѣстопребываніемъ предпочитаетъ подполье. По народному убѣжденію, если онъ любитъ всю семью, то она будетъ жить богато и счастливо, а если же нѣтъ, то будетъ носить какую то тяготу и не будетъ зажиточна. Если полюбитъ дворъ и скотину, то въ домѣ будетъ большой приплодъ скота и онъ будетъ всегда здоровъ и сытъ, а если же нѣтъ, то не будетъ приплода на дворѣ; скотъ будетъ постоянно нездоровъ и часто будетъ околѣвать, по народному названію будетъ „ускотье". Если же не залюбитъ одну извѣстную скотину, то отгоняетъ ее отъ корму и валяетъ даже съ ногъ и всячески ее мучитъ, иногда до смерти.

Федотъ Кирилловъ деревни Глубокова разсказывалъ: „у моего отца Кирилла Александрова, домовой не залюбилъ бураго мерина и почти каждую ночь привязывалъ его къ яслямъ хвостомъ; когда отвяжутъ, то закатитъ подъ ясли. Такъ побились-побились съ этимъ мериномъ и продали.

У тестя моего Василія Сергѣева былъ на дворѣ хлѣвъ, въ который, если поставятъ корову или телушку, то за ногами у каждыя будетъ виться изъ соломы жгутъ и навьется до того, что нельзя будетъ ходить. Такъ случалось постоянно и отступились отъ хлѣва—не стали ставить никакую скотину. Должно быть мѣсто въ хлѣвѣ было не по домовому.

Кромѣ того, если домовой залюбитъ извѣстную лошадь, то заплетаетъ въ гривѣ косы, которыя, если выстрегутъ, то вскорѣ заплететъ новыя. Также случается и съ женщинами, у которыхъ домовой заплетаетъ косы. Про этотъ случай мнѣ разсказывалъ крестьянинъ дер. Тюшляева Иванъ Кондратьевъ слѣдующее:

„Домовой любилъ мою умершую мать, по ночамъ во снѣ заплеталъ ей косу въ волосахъ, особую отъ другихъ, которыя она дѣлала сама. Если она косу эту отстрижетъ, то заболитъ голова и косу онъ скоро заплететъ новую. Однажды спалъ я вмѣстѣ съ матерью и проснулся, ночь была мѣсячная и накинулъ на шею матери свою руку и подъ руку попала кошка, она сидѣла на затылкѣ—на во-

лосахъ и была не наша, а какая сѣрая. На другой день я спросилъ у матери о чужой кошкѣ и она мнѣ сказала: „полно дуракъ, это былъ домовой, заплеталъ у меня косу“.

Домовые, если залюбятъ на дворѣ скотину, то даютъ корму по ночамъ.

Ходитъ повѣрье, что домовой одного дома, побѣдивши домоваго другаго дома, уноситъ кормъ въ свой домъ. Такъ у одного мужичка стало пропадать въ повѣти сѣно и онъ объ этомъ сказалъ сосѣду, который на это ему отвѣтилъ, что надо узнать—не домовой ли изъ другаго дома уноситъ сѣно и научилъ мужика, какъ это сдѣлать. Мужикъ всталъ ночью съ уздою въ рукахъ въ тайное мѣсто и сталъ дожидаться прихода домоваго за сѣномъ. Дѣйствительно, пришелъ небольшаго роста человѣкъ и сталъ накладывать въ возжи сѣно; тогда мужикъ выскочилъ изъ засады и съ скверными матерными словами сталъ хлестать уздою домоваго, который сейчасъ же исчезъ и съ тѣхъ поръ сѣно не стало пропадать“. Домовой, какъ говоритъ народъ, можетъ принимать различные виды.

Домовой по народному понятію есть въ каждомъ домѣ, Для того, чтобы было счастье хозяевамъ и скотинѣ, при переходѣ въ новый домъ, существуетъ обычай зазывать домоваго съ собою въ новый домъ: кланяются на мѣсто, гдѣ былъ старый домъ до трехъ разъ и при каждомъ поклонѣ говорятъ: „батюшка домовой, пойдемъ со мной, я въ новый домъ и ты со мной“, а когда семья раздѣлится на двѣ, то вновь выдѣлившійся хозяинъ зазываетъ изъ стараго дома въ свой новый, своего домоваго: придетъ на дворъ, на то мѣсто, гдѣ стояла скотина, которая ему дана въ надѣлъ; беретъ эту скотину и кланяется тому мѣсту до трехъ разъ и при каждомъ поклонѣ говоритъ: „батюшко домой-мой, иди со мной, вашъ оставайся здѣсь“. Когда приведутъ на дворъ (вновь купленную) скотину, то во всѣ четыре угла двора кланяются и при каждомъ поклонѣ говорятъ: „батюшко домовой, прими мою скотинушку (называютъ если лошадь—то лошадушка, а если корова, то коровушка) пой, корми, люби и жалуй“. Случается, домовой приходитъ ночью къ спящему человѣку и наваливается на грудь, такъ что тяжело становится дышать, это къ перемѣнѣ жизни того человѣка. Небоязливые люди въ то время его спрашиваютъ: „къ худу или къ добру“, и онъ отвѣчаетъ то или другое. Это случается передъ большимъ несчастіемъ или счастіемъ и передъ смертью семейниковъ дома. Иногда домовой стонетъ въ подпольѣ, его спрашиваютъ: „къ худу“, или „къ добру“?, если къ худу, то онъ тяжело простонетъ, а если къ счастю, то перестанетъ стонать. Кромѣ того, случается, что послѣ смерти людей, особенно изъ любимыхъ, онъ въ подпольѣ еще реветъ ребяческимъ плачемъ.

Лѣсовой.

О лѣсовомъ крестьяне говорятъ: „было время, годовъ 20 или 30-ть тому назадъ, не проходило ни одной ночи, чтобы не похалестился лѣшій. Нельзя было выйти вечеромъ или рано утромъ въ лѣсъ на охоту: то поетъ пѣсни, то лаетъ собакой, то кричитъ птицей и перелещается всякими манерами, а то еще заведетъ, куда нибудь что и не выйдешь. Даже выйдешь на улицу вечеромъ и то непремѣнно услышишь, гдѣ нибудь ужъ онъ халестится, или выйдешь бывало молотить, а онъ давно ужъ дѣлаетъ свое дѣло, а нынѣ совсѣмъ его даже не слыхать; если и случится, то совсѣмъ рѣдко и то передъ какимъ нибудь несчастіемъ, а больше передъ покойникомъ—утопленникомъ, или удавленникомъ. А прежде сколько было колдуновъ,—почти въ рѣдкой деревнѣ не было, а нынѣ совсѣмъ почти не слыхать. А сколько прежде портили бабъ (кликушъ), такъ и сказать страшно: бывало въ одной деревнѣ вдругъ завопятъ бабъ 30-ть, а нынѣ и этого нѣтъ—все затихло. А отъ того нынѣ этого нѣтъ, что лѣшимъ и всѣмъ чертямъ ужъ нынѣ дѣлать стало нечего. Народъ сталъ умнѣе чертей, перехитритъ и дьяволовъ, да что говорить—творимъ во всемъ волю

діавола: другъ друга обманываемъ, другъ передъ другомъ заносимся и гордимся; что возьмемъ, стараемся не отдать и постоянно ругаемся и деремся. Совсѣмъ чертямъ стало дѣлать нечего и они лежать на покоѣ. Прежде народъ былъ гораздо честнѣе, а потому у нихъ и было всего довольно, да и пугали черти для того, чтобы сбить ихъ съ праведнаго пути и поставить на грѣхъ. Появись-ка нынѣ колдунъ, и испорти-ка бабу, такъ ему и башку-то отвернутъ на дому, а прежде ихъ боялись, какъ огня".

Лѣшіе по народному понятію могутъ принимать различные виды. Произошли они, какъ понимаетъ народъ изъ среды діаволовъ, упавшихъ съ неба. Лѣшихъ нѣкоторые видѣли въ образѣ человѣка и птицы.

Крестьяне деревни Жеброва Иванъ Мухинъ и Петръ Александровъ разсказывали: „Осенью въ третьемъ году мы словили рыбу на Шенгафѣ съ лучемъ (съ огнемъ)—острогой. Вдругъ явилась птица и залетала надъ самыми нашими головами и крыльями своими угасила нашъ огонь. Мы снова зажгли, она опять угасила и нѣсколько разъ мы зажигали, а она все гасила. Мы видимъ дѣло не ладно—вышли изъ воды, стали творить молитву и креститься, тогда защекотала сорока, а потомъ чертъ захохоталъ и когда мы побѣжали домой, онъ вскричалъ: „а—догадался".

Лѣшіе по повѣрію народа живутъ въ каждомъ лѣсу и переходятъ съ мѣста на мѣсто, сбивая съ пути прохожихъ и проѣзжихъ, причемъ оказываютъ свои дѣйствія больше въ такихъ мѣстахъ, которыя почему либо въ народѣ считаются нечистыми. (Народъ считаетъ нечистыми тѣ мѣста, гдѣ часто пугаютъ черти людей или на коихъ были прежде совершены убійства, или послѣдовала скоропостижная смерть человѣка.

Когда собьются съ пути, чтобы найти дорогу, нѣкоторые снимаютъ съ себя всю одежду, перетрясутъ ее съ молитвою и вновь одѣваютъ.

Кромѣ того, лѣшіе или черти вообще, какъ увѣряютъ крестьяне еще наводятъ страхи на людей, всякими манерами пугаютъ: хохочатъ, кричатъ птицей, поютъ пѣсни и проч. но только отъ крика ихъ, какъ убѣжденъ народъ не бываетъ по мѣстному названію раю (эхо) и даже случается иногда сводятъ людей съ ума.

Въ деревни Среднева Еликонида Григорьева разсказывала: однаждю шла я домой поздно вечеромъ изъ деревни Подгорнова и не дошла немного до своей деревни — вдругъ защекотала сорока и послѣ завизжалъ заяцъ, я перекрестилась,—не знаю, что дѣлать. Потомъ и загагайкалъ нечистой. Я добѣжала до своей деревни, а онъ все кричитъ разными голосами".

Деревни Среднева Авдотья Алексѣева: „разъ пошли мы зимой въ самую полночь съ товаркой Марьей Васильевной къ заутрени, и вдругъ за нами съ колокольцомъ ѣдутъ: мы стали дожидаться, а они ни взадъ, ни впередъ—не догоняютъ насъ, и когда мы дошли до крестовъ, гдѣ дороги расходятся въ разныя стороны, тогда нечистой загагайкалъ, защекоталъ сорокой, визжалъ зайцемъ и

всяко перелѣщался—разнымъ голосомъ. Мы прибѣжали къ приходу еще и огней ни у кого не было, едва-едва могли выпроситься въ избу — у насъ и языки не говорятъ".

Деревни Среднева Авдотья Алексѣева и проч. крестьяне деревни Гузарева разсказывали: у насъ въ деревнѣ Пузаревѣ была женщина Анна Дмитріевна, а у нея былъ ребенокъ годовой — все ревѣлъ и надоѣлъ ей и она стала бранить его нехорошею бранью: „лѣшій бы тебя унесъ". Вдругъ ночью въ тотъ разъ подходитъ къ ея окошку другая женщина—сусѣдка Марья Митревна, а это былъ самъ нехорошій и говоритъ: „давай ребенка я повожусь—тебѣ надоѣло водиться" и она хотѣла было отдать, но ее остановила свекровь: отстань, не давай, что ты съ ума что ли сошла, я сама повожуся". „Господи, что это будетъ". Вдругъ нехорошой такъ застукалъ въ стѣну, что чуть не разворотилъ всю избу; пошелъ прочь да и загагайкалъ: „а... га, га... га. до... га, да... ли... ся. На другой день спросили Марью Митревну—не бывала ли она, но та сказала: „что вы съ ума что ли сошли, почто я пойду къ вамъ въ полночь".

Крестьянинъ деревни Тюшляева Иванъ Кондратьевъ разсказывалъ что слышалъ въ лѣсу, какъ лѣшій кричитъ ребенкомъ и реветъ быкомъ.

Деревни Барскаго Иванъ Андреевъ: „у меня есть шатровая мукомольная мельница. Не очень давно—года три, а много четыре тому назадъ пошелъ я въ самую глухую полночь ее посмотрѣть, подхожу къ ней, вдругъ сдѣлался въ ей какой-то сильный шумъ и она отстала молоть. Пришелъ въ мельницу, поправилъ ее, а она все не мелетъ, такъ и оставилъ, заперъ и пошелъ домой. Вдругъ мельница замолола и нигдѣ взялся чертъ и давай гагайкать разными голосами и видимо было, что онъ пошелъ отъ мельницы. Я прибѣжалъ домой, затворилъ благословясь калитку и подумалъ: „не чертъ ли это остановилъ мельницу-то, оно такъ и вышло. Прихожу на другой день въ мельницу и оказывается, что вся мука изъ ларей разсыпана на полъ".

Деревни Глубокова Федотъ Кирилловъ: „разъ я косилъ на частомъ ляду—не далеко отъ рѣки Великой съ женой и свояченицей и до косились до потемокъ. Вдругъ кто-то звонилъ въ лѣсу разъ до трехъ, бабы и говорятъ: „видно лошадей ищутъ".—„Полноте дуры, я говорю имъ—это чертъ". Бабы до того у меня испугались, что даже заревѣли, а ему видно это было по мысли — сталъ подходить къ намъ ближе, а мы пошли тѣмъ временемъ ночевать въ избушку—версты за двѣ и шли берегомъ рѣки. Идемъ мы берегомъ, а чертъ очутился ужъ на другомъ берегу и идетъ имъ нѣсколько поодаль отъ рѣки и такъ играетъ, въ дудку, хоть пляши, слышно версты за три и все насъ провожалъ покуда мы не пришли въ избушку. Я его дразню: „славно — славно", а онъ того шибче играетъ, а бабы у меня ревятъ во все горло и нейдутъ ни съ задини съ переди. Когда мы пришли въ избушку, я разбудилъ другихъ ночевальниковъ и тѣ слушали, а чертъ дойдя до Роровватки (рѣчки, впадающей въ рѣку Великую, поворотилъ въ лѣсъ и пошелъ

вверхъ по ней, поигралъ еще немного и затянулъ пѣсню, но только у его словъ *не можно понять и нѣтъ раю*.

Крестьянка деревни Глубокова Кира Васильева разсказывала, какъ мужъ одной крестьянки „соломонился" сошелъ съ ума. Звали его Дмитріемъ. Былъ онъ кучеромъ въ городѣ Грязовцѣ и пришлось ему отвезти становаго пристава до деревни Дьяконова (50-ть верстъ отъ Грязовца). Привезъ онъ становаго на мѣсто и выпилъ водки примѣрно полъсороковки, которую ему поднесъ становой и поѣхалъ назадъ на прости. Отъѣхавъ больше 10 верстъ дорогой заснулъ за деревней Зимнякомъ, а когда проснулся, то увидѣлъ, что его вся тройка лежитъ на пласту; онъ заругался скверноматерно и началъ (лошадей) махать кнутомъ, чтобы встали, но онѣ не поднялись съ мѣста. Въ этотъ самый разъ настигаетъ его неизвѣстный человѣкъ и говоритъ ему: „погоди подсаблю поднять лошадей, и когда неизвѣстный взялся за ихъ, то лошади вдругъ вскочили и тогда Дмитрій сказалъ ему: „садись, я тебя подвезу" и когда тотъ человѣкъ сѣлъ, то Дмитрій сказалъ: „ты полежи, если не проспался, а я поправлю лошадьми Дмитрій задремалъ и пробудившись увидѣлъ, что лошади мчались, какъ вихрь и сразу пробѣжали нѣсколько верстъ. Тогда Дмитрій остановилъ незнакомца и матюшая (ругалъ скверноматерно) сказалъ: „если ты будешь гнать такъ лошадей, то мнѣ нельзя ихъ будетъ показать хозяину": Незнакомый человѣкъ въ тотъ мигъ исчезъ неизвѣстно куда, а лошади остановились и не могли пошевелиться съ мѣста, такъ что Дмитрію пришлось притащить къ хозяину одинъ тарантасъ, а лошадей оставить въ Грязовецкомъ полѣ (не доѣзжая верстъ 2-хъ до Грязовца) которыхъ потомъ привели другіе служащіе у Шорина и онѣ подохли черезъ одни сутки послѣ того. Дмитрія хозяинъ за это прогналъ и онъ вскорѣ лишился разсудка. Былъ онъ очень буйнымъ, и жена по наученію добрыхъ людей вызвала было Дмитрія въ Корниліевъ монастырь (недалеко отъ Грязовца) и хотѣла отпѣть молебенъ, но въ церковь его зазвать не могли и онъ тутъ же отъ меня скрылся и пропадалъ недѣли двѣ, такъ его не могли розыскать. Когда розыскали, его увезли въ деревню Канево, въ домъ матери, гдѣ онъ и жилъ перва недѣль 5-ть въ темномъ потаенномъ мѣстѣ) для того, чтобы поумнѣлъ, но онъ не измѣнился. Затѣмъ его взяли въ сумасшедшій домъ. Умершая Соломонида увѣряла, что Дмитрій забылъ Бога; къ нему присталъ на проѣздѣ нечистый духъ въ образѣ человѣка и загналъ его лошадей а также свелъ съ ума и его.

Кто перейдетъ слѣды лѣшаго и вообще нечистыхъ духовъ, какъ человѣкъ, такъ и скотъ, то тотъ по мнѣнію крестьянъ сейчасъ же впадаетъ въ тяжкую болѣзнь, а также заболѣваетъ и тотъ человѣкъ, и скотъ, котораго опахнетъ нечистымъ духомъ отъ діавола. Для исцѣленія отъ этихъ болѣзней крестьяне всегда обращаются къ мѣстнымъ знахарямъ и знахаркамъ, которые наговариваютъ на воду и его окачиваютъ, вспрыскиваютъ больныхъ и даютъ пить. Фельдшера и доктора по этимъ дѣламъ ничего не знаютъ — говорятъ всегда крестьяне. Для охраненія отъ опахиванія нечистымъ духомъ крестьяне всегда въ

первый разъ утромъ отворяютъ, благословлясь калитку у дома и благословясь выходятъ, а другіе еще ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ. Въ случаяхъ пропажи человѣка или скота, нѣкоторые изъ крестьянъ оставляютъ въ отводу хлѣбъ съ солью и икону Св. Николая Чудотворца и по нимъ узнаютъ—живъ или нѣтъ пропавшій человѣкъ или скотина. Дѣлаютъ это такъ: отрѣзываютъ отъ цѣлаго каравая ломоть хлѣба, кладутъ на него соли и берутъ его въ лѣвую руку, а въ правую икону Св. Николая Чудотворца и послѣ заката солнца на вечерней зарѣ выходятъ въ отводъ, чрезъ который прошелъ пропавшій изъ дома, ставятъ икону на правую сторону и кладутъ три земныхъ поклона и хлѣбъ съ солью положатъ на лѣвую сторону и тоже до трехъ разъ кланяются приговаривая при каждомъ поклонѣ: „батюшко домовой господинъ, на тебѣ мой хлѣбъ и соль--подай мнѣ скотину (или человѣка), а Св. Николая при земныхъ поклонахъ ему просятъ: „во дворъ введи или слѣдъ скажи". Послѣ совершенія этого обряда, икона и хлѣбъ съ солью оставляются на ночь тутъ же на мѣстѣ; на другой день (на утренней зарѣ) осматриваютъ хлѣбъ и, если его нѣтъ, то крестьяне увѣрены, что его взялъ лѣсовой и пропавшій живъ, а, если же окажется тутъ, то значитъ пропавшій не живъ. При этомъ крестьяне, дѣлавшіе этотъ обрядъ, увѣряли меня, что послѣ совершенія этого обряда пропавшая скотина непремѣнно придетъ домой или будетъ вскорѣ найдена. Здѣшній народъ не полагаетъ, что у лѣшихъ есть жена и дѣти, что похищаютъ они дѣвушекъ себѣ въ жены и дѣтей до ихъ крещенія, а также не ходитъ въ народѣ никакихъ разговоровъ и о томъ—чему учитъ лѣшій людей, имъ похищенныхъ и не становятся ли они знахарями и знахарками. Вызвать лѣшаго въ народѣ средства не оказывается.

Водяной.

1. Крестьяне признаютъ, что во всѣхъ большихъ рѣкахъ находится водяной, которому никакого другаго названія не существуетъ. Какой видъ имѣютъ водяные никто сказать не можетъ. Водяной тотъ же діаволъ, слетѣвшій съ неба въ числѣ прочихъ чертей можетъ принимать на себя различные виды, какіе онъ только захочетъ, а чаще всего показывается въ образѣ рыбы необыкновенной величины. Дѣйствія водяного въ отношеніи къ людямъ заключается въ отнятіи жизни у тѣхъ людей, которые забывъ Бога, купаются въ рѣкѣ или при переѣздѣ падаютъ въ воду.

Водянаго видалъ прежде крестьянинъ деревни Становаго Леонтій Никитинъ который уже умеръ и мнѣ разсказали съ его словъ про этотъ случай крестьяне деревни Становаго слѣдующее: „Леонтій Никитинъ при жизни разсказывалъ намъ про себя, какъ онъ увидѣлъ водянаго". „Пошелъ я за лошадью съ уздою, и изъ за такого изъ за зомочка увидѣлъ на берегу рѣки Лѣжи у воды какую то черную животину Подошедши по ближе. я заслонился за кусточекъ и сталъ разглядывать и мнѣ представилось животное, котораго я отъ роду не видалъ: самъ черный (не могъ различить, одежда ли

на немъ или просто шерсть), видъ его на подобіе человѣка, но только глаза красныя—большія съ ладонь; носъ, какъ сапогъ—не меньше. Когда я разглядѣлъ, что это злой духъ воскликнулъ внѣ себя: „Господи, что это такое, духъ исчезъ незамѣтно куда и только по водѣ я замѣтилъ, что въ воду, потому что на водѣ сдѣлались валы. Послѣ того, 16-го Іюня, въ праздникъ онъ пошелъ купаться и когда залѣзъ въ рѣку, тогда его водяной схватилъ за лѣвую руку и потащилъ было ко дну, но онъ и тогда не забылъ Бога—сотворилъ молитву и его онъ отпустилъ. Руку, за которую схватилъ его водяной многіе видѣли и на ней была, знать, вся пятерня руки водянаго, гдѣ захватилъ пальцами тутъ сдѣлались синевицы".

Купаться безъ шейнаго креста и вообще вечеромъ послѣ заката солнца крестьяне избѣгаютъ изъ за боязни водянаго. Есть ли жены и дѣти у водяныхъ и не женятся ли водяные на утопленницахъ и дѣвушкахъ проклятыхъ родителями, въ здѣшней мѣстности никакихъ разсказовъ и повѣрій нѣтъ. Крестьяне знаютъ, что всѣ злые духи суть безтѣлесные, а потому и не могутъ имѣть женъ.

Водяные, по мнѣнію крестьянъ живутъ вездѣ, но больше въ глубокихъ мѣстахъ и омутахъ. Большихъ болотъ здѣсь нѣтъ, а потому и никакихъ суевѣрныхъ разговоровъ про нихъ не существуетъ.

Русалки, боровики, моховики и т. п. здѣшнимъ крестьянамъ неизвѣстны.

2. Поля и болота принадлежатъ по мнѣнію крестьянъ къ вѣдомству лѣшаго. Овины и бани населяютъ черти называемые овинниками и банниками. Внѣшняго вида ихъ никто не знаетъ. Отношенія ихъ къ людямъ, а также и всѣхъ остальныхъ чертей по мнѣнію крестьянъ одинаковы. Про взаимное отношеніе ихъ никто изъ крестьянъ мнѣ отвѣта дать не могъ. Овинника никто не видалъ. Препятствій къ топленію овина изъ за существующаго въ немъ духа—овинника не существуетъ, а не топятъ крестьяне тогда, когда бываютъ большіе вѣтры. При первоначальномъ топливѣ овина, нѣкоторые изъ крестьянъ употребляютъ суевѣрный обрядъ, заключающійся въ просьбѣ овинника о дозволеніи имъ сушить овинъ, придя въ первый разъ въ овинъ, кланяются и говорятъ: „батюшко овинникъ пусти меня посушить".

Кликуши.

3. Кликушъ признаютъ бѣсноватыми. Для исцѣленія ихъ и изгнанія бѣса, поютъ въ церквахъ молебны. Во время припадка прикрываютъ имъ голову, надѣваютъ на шею поченый хомутъ и разрываютъ воротъ рубахи. Приближеніе священника кликуши, чувствуютъ издали и ругаютъ подъ вліяніемъ будто бы находящагося въ нихъ духа. Когда поютъ Херувимскую пѣснь, то кликуши чувствуютъ особен-

ное волненіе. Вотъ что мнѣ сказала про это одна женщина, бывшая кликуша: „когда запоютъ Херувимскую пѣснь, то потянетъ бывало во мнѣ всѣ жилы и ни за что не удержаться, чтобы не завопить, если товарки не зажмутъ правую руку и не заступятъ лѣвую ногу, а если это сдѣлаютъ, то отнимутъ вопль и я буду молчатъ. Бѣса въ кликушъ садятъ по мнѣнію народа колдуны, знающіеся съ чертями. Отчитываютъ кликушъ священники и служатъ отчетные молебны. Духъ, сидящій въ кликушахъ называетъ по имени и отчеству знахаря, причинившаго вредъ больной, время, когда и гдѣ онъ это сдѣлалъ и признаки тѣхъ вредныхъ вещей и способовъ, которые онъ приготовилъ для другихъ.

4. Банника никто не видалъ и никакихъ относовъ ему въ банѣ не оставляютъ. Что въ банѣ моются и парятся черти, повѣріе въ народѣ есть и даже нѣкоторые слыхали это.

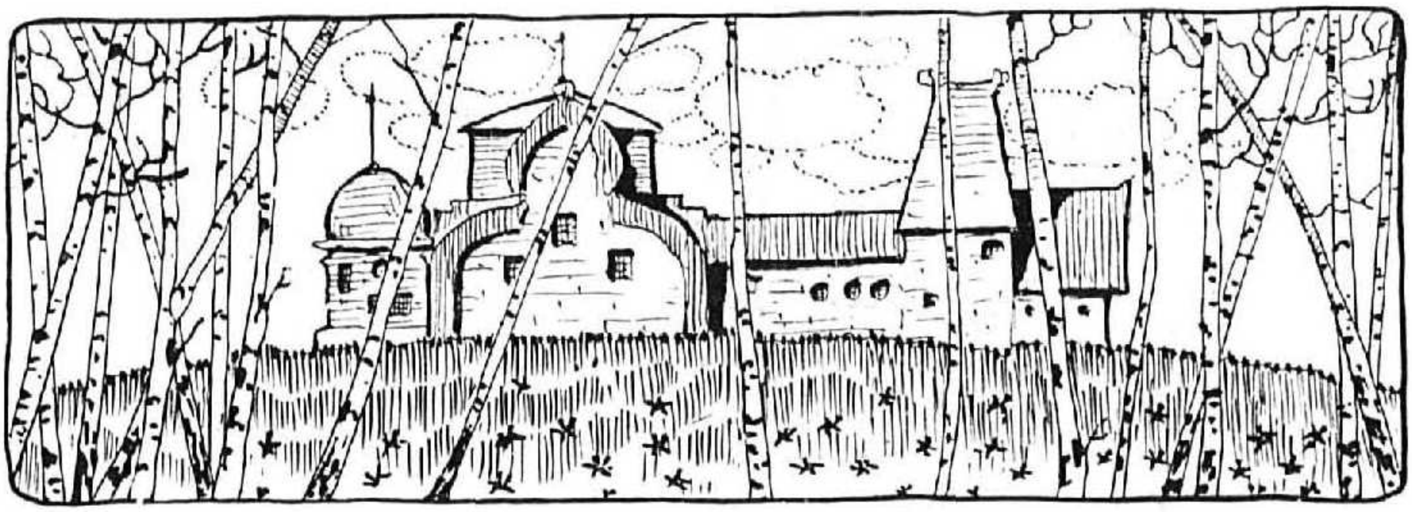
Федотъ Кирилловъ разсказывалъ: „когда я былъ еще холостой, около 30-ти лѣтъ тому назадъ шелъ въ глухую полночь изъ дома въ деревню Рогачево, и не доходя до деревни Долгова, поравнялся въ полѣ съ банею, въ которой и услышалъ шумъ вѣника и какое то жжужанье въ родѣ разговоровъ, но безъ словъ. Это парились черти. Я звопилъ: „поприбавьте“, и вдругъ все затихло, а по мнѣ пошелъ морозъ и волосы на головѣ встали дыбомъ“.

Въ баняхъ въ здѣшней мѣстности никогда не моются, а когда приходится ее топить для сушки льна въ первый разъ, то нѣкоторые изъ крестьянъ просятъ на то дозволенія у банника такъ: приходятъ въ баню и кланяются: „батюшко банникъ, пусти меня посушить“.

СКАЗКИ и РАЗСКАЗЫ.

А. Е.
БУРЦЕВЪ

Рис. Л. Злотниковъ

Небылицы.

ЛѢСНИКИ.

Двумъ лѣсникамъ пришлось ночевать въ лѣсу. Они увидали огонь. Одинъ изъ нихъ пошелъ къ этому огню и увидалъ тамъ старика, который лежалъ около костра.

Лѣсникъ сталъ просить у старика огня. А старикъ ему и говоритъ:

— Скажи небылицу, такъ дамъ тебѣ огня.

Лѣсникъ согласился, присѣлъ къ костру и сталъ сказывать небылицу.

— „Насъ было сорокъ братьевъ, — началъ разсказывать лѣсникъ. — Всѣ сѣли на сиваго коня, на которомъ было сорокъ пѣжинъ; на каждой пѣжинѣ сидѣлъ братъ. У средняго, сидѣвшаго въ серединѣ, былъ за поясомъ топоръ. Хлесталъ, хлесталъ онъ имъ своего коня и разрубилъ его пополамъ. Передняя часть и ушла отъ задней.

Потомъ я услышалъ, что на небѣ скотъ очень дешевъ. Я пошелъ туда, но оттуда не знаю какъ сойти. Тогда я сталъ бить скотъ, изъ кожи шить ремешки и по этимъ ремешкамъ сталъ спускаться. Но ремешковъ-то не хватило. Я спустился у деревни противъ гумна. На томъ гумнѣ крестьянинъ вѣялъ овесъ. Я мякину-то сталъ хватать да вить веревку, а потомъ, когда близко стало, я упалъ на гумно. Мужикъ испугался и убѣжалъ“.

— Вотъ тебѣ и небылица, — сказалъ лѣсникъ старику.

Старикъ далъ ему огня и онъ ушелъ.

О приключеніяхъ съ охотниками.

Въ одномъ домѣ жилъ дѣдушка Макаръ съ женой Варварой. У нихъ было два сына. Они занимались охотой. Однажды дѣдушка отправился съ своими сыновьями на охоту и, проходивъ весь день до самаго вечера, они набили порядочно кой-какого звѣрья. Наступила ночь. Они расположились ужинать. Вдругъ къ нимъ на огонь выходитъ звѣрь. Дѣдушка Макаръ взялъ ружье и выстрѣлилъ въ звѣря. Звѣрь свалился. Охотники сняли съ звѣря шкуру и повѣсили ее на древесину, а туловину они отбросили далеко въ сторону. Только что оно упало на землю, какъ вдругъ вскочило на ноги и словно живое побѣжало въ лѣсъ.

Сдивился такому чуду дѣдушка Макаръ и говоритъ своимъ сыновьямъ:

— Какъ это могло случится: шкуру со звѣря сняли, а туловино побѣжало?

— Нѣтъ, это что еще за диво,—отвѣчаетъ ему старшій сынъ, — вотъ у дѣдушка Герасима было такъ дѣйствительно большое диво.

У дѣдушки Макара разгорѣлось любопытство и ему страсть какъ захотѣлось узнать, что это было за диво такое у дѣдушки Герасима. И онъ рѣшилъ идти къ нему немедленно: — „Хоть и далеко живетъ Герасимъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою, — а все-таки пойду къ нему, узнаю, что это за диво такое у него было“.

Дѣдушка Макаръ отправился въ путь. Шелъ онъ два дня и только на третій дошелъ до Герасима. Зашелъ въ домъ. За столомъ сидитъ дѣдъ Герасимъ, бородка порядочная, а усиковъ нѣтъ.

— Вотъ, дѣдушко Герасимъ,—сказалъ Макаръ,—я до тебя пришелъ.

И онъ разсказалъ ему о случившемся.

А дѣдъ Герасимъ и говоритъ ему:

— Вотъ, Макаръ, и у меня было диво. Я тоже самъ охотникъ, этимъ занимаюсь. Ходили мы это въ лѣсъ. Проходили день до вечера, какъ и вы. Стали ужинъ варить. Только что огонь разложили,—подходитъ къ намъ чертъ и говоритъ:

— Дядя Герасимъ, я ѣсть хочу.

А я ему отвѣчаю:

— Чего ѣсть? Мы что сварили, то сами выхлебали.

Чортъ все свое твердитъ: ѣсть хочу.

— На, вотъ, бери когда собаку,—сказалъ ему.

Только ноги промелькнули собачьи—чортъ вмигъ ее слопалъ опять за старое:

— Герасимъ, я ѣсть хочу.

— Ну, когда бери другую,—сказалъ я ему.

Сожралъ чортъ и другую и снова твердитъ:

— Герасимъ, я ѣсть хочу.

— На, вотъ, бери сына, отвѣтилъ я.

Чортъ съѣлъ моего старшаго сына, а потомъ убралъ и младшаго. И все-таки ему окаянному мало: знай, твердитъ свое: „Герасимъ, я ѣсть хочу". Я подалъ ему ружье. Только сбрякнуло ружье, сожралъ чертъ и его. Я остался одинъ. Проходитъ съ часъ времени. Вдругъ поднялась сильная буря и чортъ подкатилъ ко мнѣ на тройкѣ и говоритъ:

— Садись, дядя Герасимъ.

Я и думаю про себя: сѣсть—не ладно, да и не сѣсть—тоже не ладно. Взялъ и сѣлъ. Опять задулъ вѣтеръ и поднялся сильнѣйшій вихорь; деревья такъ и гнутся. Я одной рукой держался за шапку, а другой за телѣгу. Долго каталъ меня чортъ по лѣсу, а потомъ и говоритъ:

— Видишь, дядя Герасимъ, вонъ ту деревину?

— Вижу,—отвѣчаю я.

— Держись—говоритъ—за эту деревину. Если не удержишься, то не бывать тебѣ больше на родинѣ.

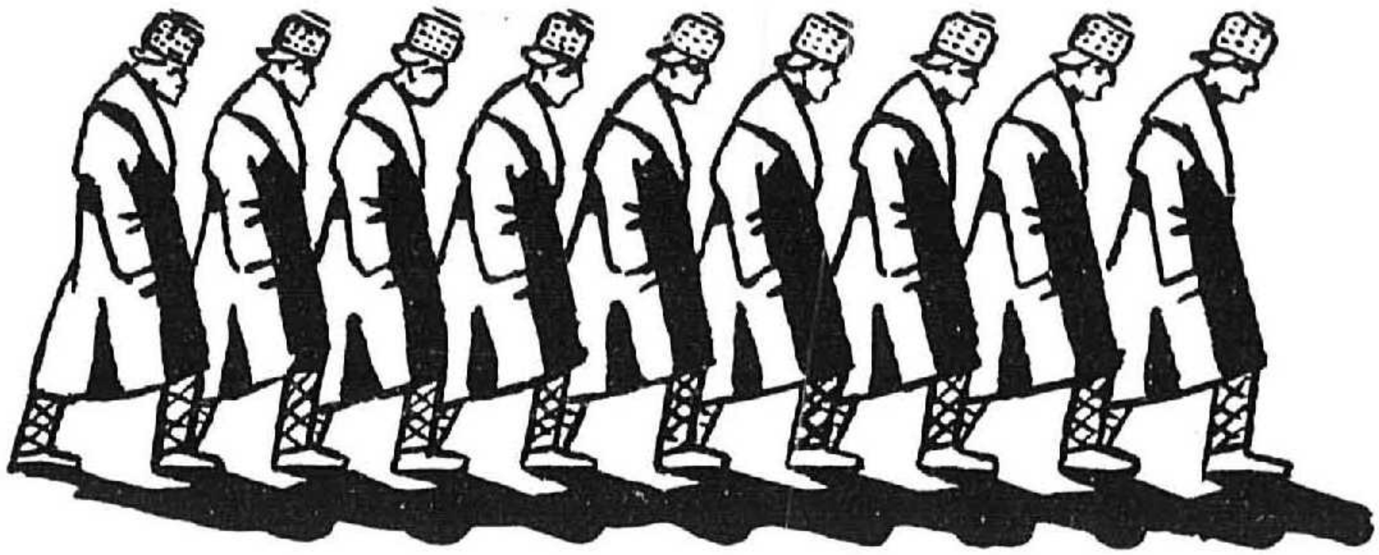
И вотъ, какъ только доѣхали до этого дерева, я и ухватился за него руками. Чортъ ускакалъ, а я остался висѣть на деревѣ. Держаться было очень трудно, а спуститься внизъ страшно. Да къ моему счастью ночь была такая лунная да свѣтлая. Я и давай глядѣть да поглядывать. Глядѣлъ это я, глядѣлъ да вдругъ и увидалъ на печи свою старуху. Потомъ оглядѣлъ и своихъ сыновей—спятъ они со своими женами, какъ и всегда. Далѣе вглядываюсь—лежатъ у дверей и собаки, и ружье цѣло виситъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на стѣнѣ. Я и закричалъ свою старуху: „Эй, старуха!" Старуха встала, освѣтила избу. Я отъ воренца оцѣпился, сѣлъ на лавки, сыновей разбудилъ и говорю:

— Что это со мною случилось?

— Не знаемъ,—отвѣчаютъ сыновья,—какъ ты тутъ очутился. Вчерашняго дня мы пошли одной дорогой, а ты ушелъ другой и домой не являлся.

Я разсказалъ сыновьямъ о своемъ событіи, что со мною случилось.

— Навѣрно надъ тобой чортъ подшутилъ,—сказали сыновья.

Присказки.

Это пока не сказка, а присказка; вѣдь *присказка передъ сказкой, что верста* торчитъ въ дорогѣ полосатая; безъ нее не узнаешь далеко-ли прошелъ и длиненъ-ли еще путь остается

Засказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, въ *горшокъ ляпнуло; течи, потечи,* идетъ добрый молодецъ изъ-за печи на свиньѣ въ сѣдлѣ, топоромъ подпоясался, ноги за поясомъ: квашня старуху мѣситъ. Я ей сказалъ: спорынья въ старуху!—она какъ схватитъ изъ за лопаты печь, меня печью хлесь; я побѣжалъ, черезъ портки приступокъ и изорвалъ.

За бѣлы руки принимали, за столы *бѣлодубовы сажали, за скатерти бран*ныя, за явства сахарныя, за питья медовыя.

На морѣ, на окіянѣ, на островѣ на *Буянѣ, стоитъ быкъ печеный:* въ заду чеснокъ толченый, съ одного боку-то рѣжь, а съ другаго—мокай да ѣшь.

Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, за темными лѣсами, за зелеными лугами, за быстрыми рѣками, за крутыми берегами.

Я самъ тамъ былъ, медъ и пиво пилъ, *по усамъ текло,* а *въ ротъ не попало;* на душѣ пьяно и сытно стало.

Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ бѣлыми облаками, подъ частыми звѣздами и пр.

Шапка-невидимка. Сапоги-самоходы. Скатерть-хлѣбосолка. Сума—дай пить и ѣсть. Коверъ-самолетъ и проч.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей полымя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ (или полымя изъ ноздрей, дымъ изъ ушей).

На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣлъ-горючъ камень Алатырь.

Свиснулъ, гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ богатырскимъ покрикомъ.

Подъ темными лѣсами, подъ ходячими облаками, подъ частыми звѣздами, подъ краснымъ солнышкомъ.

Попрыски (слѣдъ) молодецкіе, изъ-подъ копытъ комья богатырскія.

Утка крякнула, берега звякнули, море вболталось, вода всколыхалась.

По локоть въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ.

Доселѣ русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ русскій духъ во-очью является.

Хвостомъ слѣдъ устилаетъ, долы и горы промежъ ногъ пускаетъ.

Стань, бѣлая береза, у меня назади, а красна дѣвица напереди!

Вправо поѣдешь (или — по раздорожью) — коня потеряешь, влѣво поѣдешь—самому живу не быть.

Семи пядей во лбу, Промежъ глазъ калена стрѣла укладывается.

Мертвой водой окропитъ — плоть и мясо состаются; живой водой окропитъ— мертвый оживаетъ.

Мечъ кладенецъ. Калена стрѣла. Тугой лукъ. Копье булатное, мурзамецкое.
Свинка-золотая щетинка. Конекъ-горбунокъ. Змѣй-горынычъ. Сивка - бурка, вѣщая каурка.

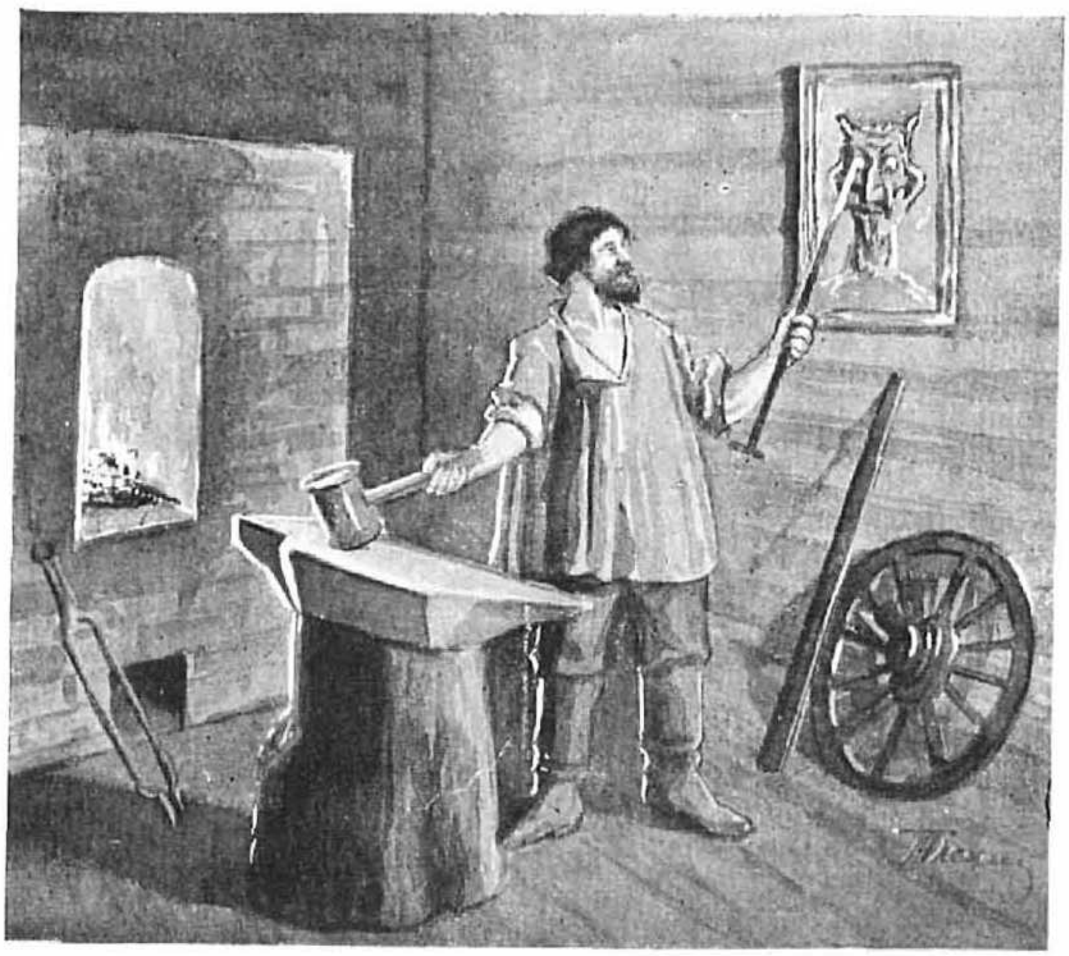

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшной, чорной съ рогами и съ хвостомъ. „Ишь какой!“ подумалъ онъ, „дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ“. Вотъ и нашелъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: „здорово, землякъ!“ А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ, потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Прійдетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ, раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходитъ онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту прійдетъ, и плюнетъ въ глаза. Прошли цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; не въ моготу стало. „Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! Дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю“.

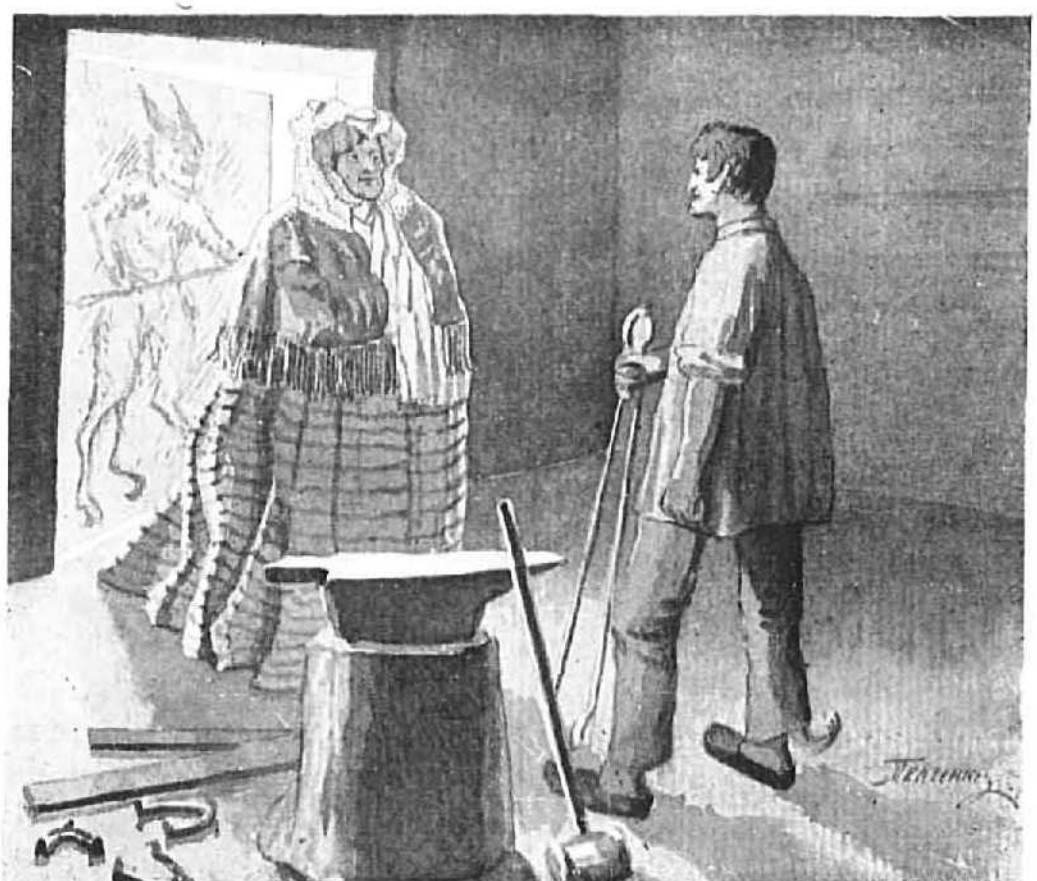

Кузнецъ и художникъ. Рисунокъ Ткаченко.

Кузнецъ. Рисунокъ Ткаченко.

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. „Здравствуй, дядя!“ — Здорово. „А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? Буду тебѣ хоть уголья таскать, да мѣха раздувать“. Кузнецъ тому и радъ: „отчего не взять! Вдвоемъ все скорѣй“... Пошелъ чортъ въ науку, пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяйна: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо—дорого посмотрѣть. Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ нейдетъ въ кузницу — надѣется на работника: онъ всѣмъ управитъ. Разъ какъ то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ— ѣдетъ мимо старая барыня, высунулъ голову изъ дверей и давай кричать: „Эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа открывается; старые въ молодыхъ передѣлываются“. Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. „Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли?“ спрашиваетъ парня.—Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коли-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы. „А что стоитъ?“ спрашиваетъ барыня.—Да всего пятьсотъ рублей. „Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую“. Нечистой взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: „ступай, говоритъ, притащи сюда два ушата молока; а самое барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю до чиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, собралъ всѣ косточки и по-

Барыня и чортъ. Рисунокъ Ткаченко.

бросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красавица!

Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. „Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу,

Кузнецъ и кучеръ. Рисунокъ Ткаченко.

пускай и тебя перекуютъ въ молодаго... а то и знать тебя не хочу!" Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

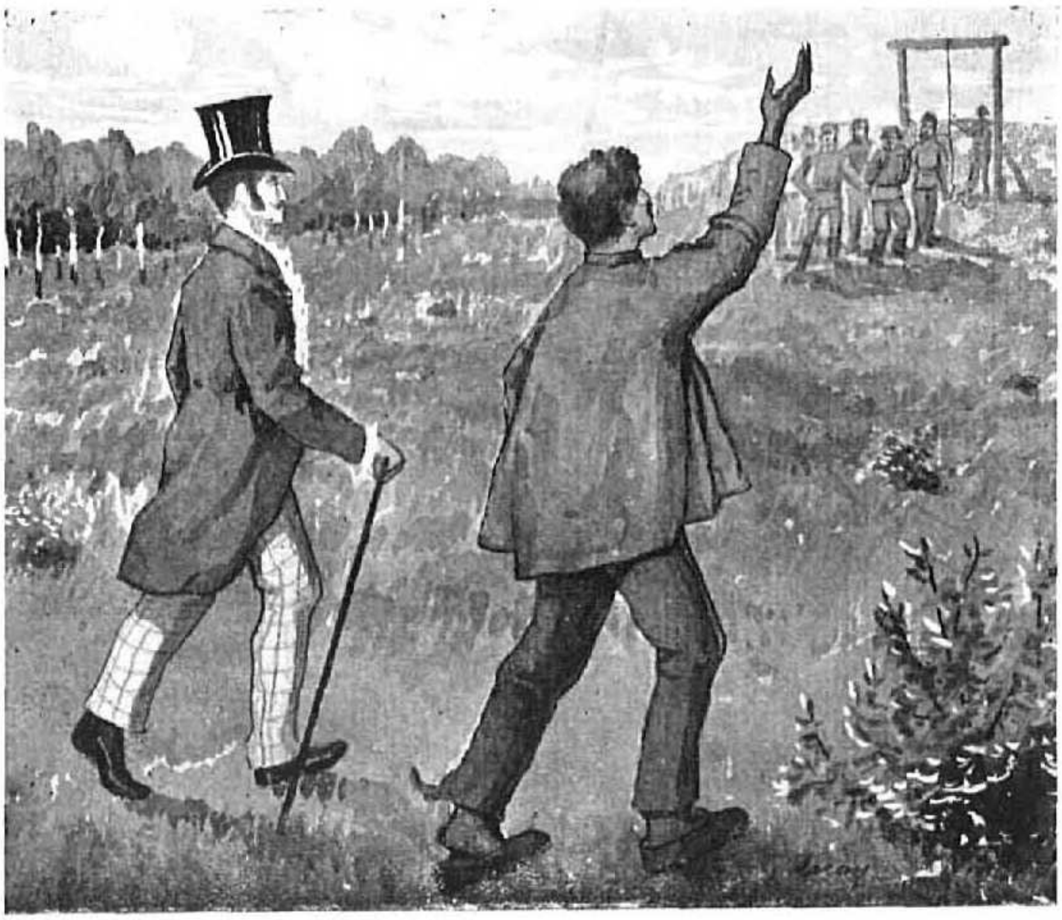
А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу: смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ, спрашивалъ-спрашивалъ, —нѣтъ какъ нѣтъ и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: „сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодаго".— Въ умѣ ли ты, баринъ? Какъ сдѣлать изъ тебя молодаго? „Ну, тамъ какъ хочешь!"—Я ничего не знаю. „Врешь, мошенникъ! Коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ"...—Да я твоей барыни и въ глаза не видалъ. „Все равно, твой работникъ видѣлъ. Если онъ съумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани". Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать ба-

Минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня. Живая да молодая, да красивая.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

рина. Распросилъ потихоньку и кучера, какъ и что сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: *куда ни шло! Стану* тоже дѣлать; попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай поддувать мѣхами: сжегъ всего въ пепелъ. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ—скоро ли выскочитъ *оттуда молодой баринъ*. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку—однѣ косточки плаваютъ, и то обгорѣлыя... А барыня шлетъ пословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ,

Молодой баринъ. Рисунокъ В. Ткаченко.

что баринъ приказалъ долго жить; поминайте какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. *Сказано сдѣлано. Побѣжали* слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ *работникахъ, и спрашиваетъ*: „куда ведутъ тебя, хозяинъ?"—Хотятъ повѣсить, отвѣчаетъ кузнецъ, и разсказалъ все, что съ нимъ сталося. „Ну дядя! молвилъ нечистой поклянись, что никогда не будешь бить *меня своимъ молотомъ*, а станешь ко мнѣ такую же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и баринъ сейчасъ

будетъ живъ и молодъ". Кузнецъ забожился, заклялся, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу, и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ бариномъ: „стой, кричитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!" Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его, скрылся и больше на глаза не показывался; а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живутъ, коли не умерли.

Михайла Рахкъ.

Михайла Рахкъ уроженецъ Архангельской губ. изъ Верховажья и потому прозывался Ваганомъ. Во время какой то смуты на Руси онъ бѣжалъ и поселился у озера Рагнозера въ деревнѣ Чуревѣ. Тогда былъ тутъ погостъ. Женился на крестьянской дѣвушкѣ, которая ему понравилась; занимался крестьянствомъ. Силу онъ имѣлъ необыкновенную. Когда вздумаетъ заготовлять дрова, идетъ въ лѣсъ и несетъ оттуда сырья, березовыя полозья, вязья не на одни, и семь дровней. Случилось быть изъ той деревни двумъ бурлакамъ въ Москвѣ, гдѣ тогда былъ такой борецъ, что никто его не могъ одолѣть. Если же кто осмѣливался съ нимъ потягаться, то былъ всегда поборотъ или даже убитъ. Бурлаки, видя такого богатыря, говорили межъ собою; Мишка можетъ со всякимъ богатыремъ справиться. Слышали это посторонніе, стали у нихъ спрашивать: кто таковъ Мишка вашъ и гдѣ живетъ. Они объяснили, что въ такомъ мѣстѣ есть крестьянинъ, который можетъ побороть. Это дошло до царя. Царь послалъ за нимъ солдатъ. Когда пришли они въ Рагнозеро, Рахка былъ въ лѣсу. Онъ привезъ на семеры дровни и оставилъ его во дворѣ. Посланные, видя его, испугались, думая, что чертъ пришелъ, а не человѣкъ, но все же по царскому приказу, стали звать его въ Москву. Онъ отвѣчалъ: вы отправляйтесь, а я буду тамъ раньше васъ

Въ Москву. Рисунокъ В. Ткаченко.

Они отправились. Рахка по утру всталъ позавтракалъ и отправился прямымъ путемъ на лыжахъ. Дѣло было зимою. Онъ пришелъ въ Москву. По прибытіи затруднился куда положить свои лыжи, чтобы ихъ не унесли. Увидалъ большой деревянный домъ, приподнялъ его за уголъ и засунулъ туда лыжи. Потомъ явился къ царю и спросилъ о чемъ Ваше Царское Величество къ себѣ звали на лицо меня простого мужика. Царь и говоритъ: поди закуси да отдохни съ дороги, а потомъ и дѣло дамъ. Рахка отвѣчалъ: не зачѣмъ даромъ царскаго хлѣба тратить, надо прежде заработать, а потомъ и ѣсть. Въ это время на площади стояла толпа народу; тутъ же и борецъ, онъ былъ не русскій. Подошелъ къ нимъ Михайла Рахка. Стали они судить да рядить кому начинать. Рахка говоритъ: ты борецъ сильнѣе всѣхъ, тебѣ и начинать. Московскій борецъ, сколько не старался, а одолѣть Рахка не могъ. Рахка же такъ хватилъ борца о землю, что тотъ тутъ же и умеръ. Рахки этого мало. Онъ просилъ еще дѣла: говоря: я за нѣсколько сотъ верстъ пришелъ сюда, такъ пусть ходьба моя даромъ не пропадаетъ. Царь захотѣлъ узнать вполнѣ его силу, подарилъ ему кафтанъ вышитый золотомъ и отправилъ его въ городъ, а вслѣдъ за нимъ послалъ сильнаго солдата съ приказомъ отнять у него кафтанъ. Солдатъ подошелъ къ Рахкѣ и сказалъ: какъ ты смѣлъ украсть этотъ кафтанъ у царя. Рахка сказалъ, что кафтанъ подаренъ

Засунулъ туда свои лыжи. Рисунокъ В. Ткаченко.

Царь говоритъ.

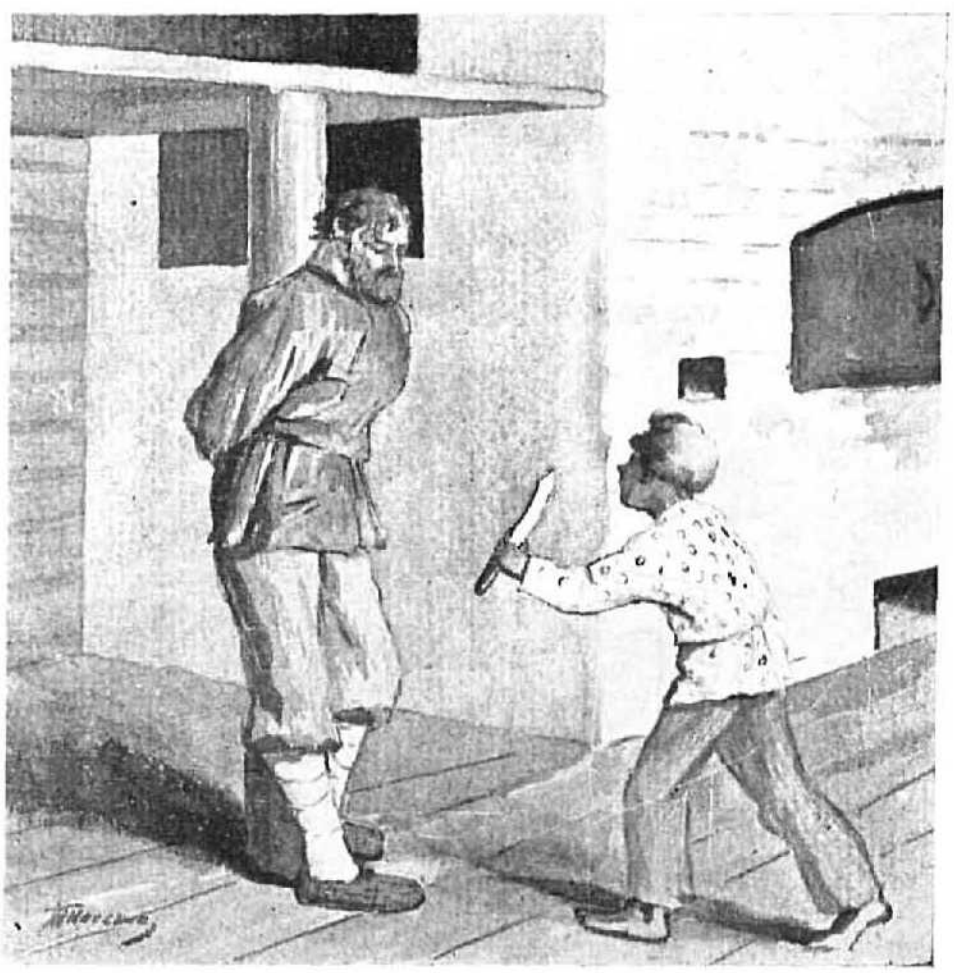
Рисунокъ В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Московскій борецъ и Рахка.

Рисунокъ В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

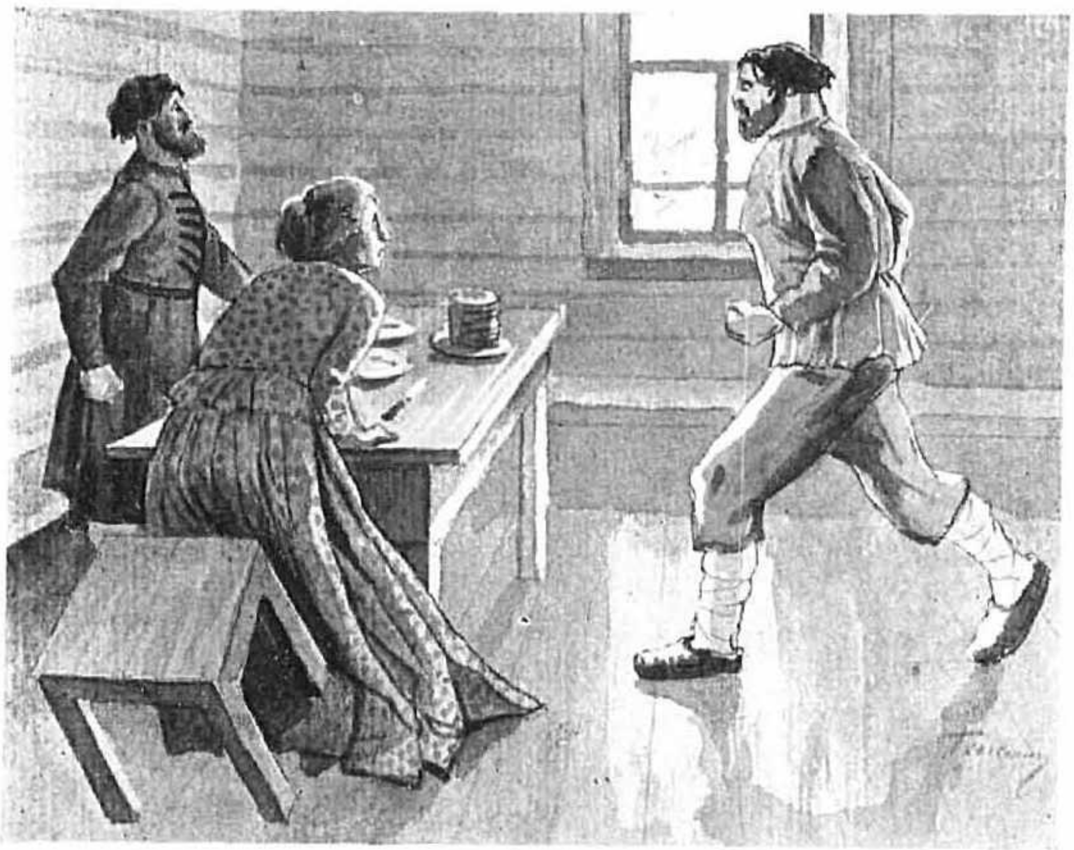
царемъ. Солдатъ не вѣритъ. Тогда Рахка сказалъ: если ты этому не вѣришь, то бери кафтанъ, чертъ съ тобой, мнѣ его и не надо, пусть мои труды даромъ пропадаютъ! Пошелъ приподнялъ уголъ дома, гдѣ спрятаны были лыжи, взялъ ихъ и покатилъ во свояси. Когда же онъ ходилъ въ Москву, въ Рагнозеро пришли разбойники, разорили погостъ и всѣ деревни. Пришли въ деревню Чурневу и поселились у Рахкѣ въ домѣ. Атаману разбойниковъ прилюбилась Рахкова жена и онъ остановился у нея. Узнавъ что хозяина дома нѣтъ. Гдѣ твой мужъ? Онъ ушелъ въ Москву пробовать свою силу съ борцомъ, такъ онъ чрезвычайно силенъ. Упросилъ атаманъ ее, чтобъ она узнала, когда у ея мужа силы бываетъ меньше, чтобъ убить его и потомъ самому жениться на ней. Она обѣщала все исполнить. Рахка явился; она стала разспрашивать о здоровьѣ и дѣлахъ. Онъ хвасталъ, что его никто побороть не могъ и никому съ нимъ не справиться. Она стала его спрашивать, какъ своего мужа, когда у него бываетъ меньше силы. Рахка долго отговаривался, но потомъ сказалъ. Когда выпью вина, тогда и силы у меня меньше. Когда онъ ослабъ, разбойники, по приказанію атамана, схватили его и привязали къ столбу. Пришла ночь. Рахкова жена ушла къ своему другу атаману. Рахка, привязанный къ столбу попросилъ у своей дочери ножъ, чтобы разрѣзать веревку, но она ножа не дала и постращала, что скажетъ атаману. Онъ уговорилъ не сказывать. Дочь куда то вышла, а сынъ и подалъ ножъ. Рахка не теряя

Сынъ подаетъ отцу ножъ. Рисунокъ В. Ткаченко.

Обрушилъ свою баню. Рисунокъ В. Ткаченко.

При этихъ словахъ онъ отскочилъ отъ стѣны. Рисунокъ В. Ткаченко.

времени перерѣзалъ веревку, сходилъ на рѣчку, умылся и узналъ отъ сына всѣ проказы матери. Узнавъ, что народу въ банѣ много, подошелъ къ банѣ, приподнялъ и обрушилъ ее, передавивъ всѣхъ разбойниковъ. Возвратившись въ избу, сталъ на прежнее мѣсто къ стѣнѣ. Жена утромъ явилась, стала печь блины и кормить атамана. Онъ ѣлъ и подсмѣивался надъ Рахкиной силой. Потомъ разсказалъ сонъ, что будто бы шелъ лѣсомъ-тропою и поймалъ мошника. На это Рахка отвѣтилъ: я тоже видѣлъ сонъ, будто бы сорокъ рябчиковъ попали въ одну мою пасть; еще леталъ одинъ мошникъ и того хочу изловить. При этихъ словахъ онъ вдругъ отскочилъ отъ стѣны схватилъ атамана и убилъ его; жену и дочь разорвалъ пополамъ и бросилъ въ поле на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, а съ сыномъ сталъ жить поживать и добра наживать. Таковъ то былъ Михайла Рахкъ.

Городъ кривосудъ.

Одинъ мужикъ изъ Вологодской губерніи услыхалъ, что есть гдѣ то городъ кривосудъ. Онъ захотѣлъ узнать этотъ городъ, сходить въ него и узнать всѣ диковинки. Утромъ всталъ ранымъ ранешенько, навязалъ котомку и пошелъ искать города кривосуда. Шелъ онъ день, шелъ другой, шелъ недѣлю, наконецъ дошелъ до города кривосуда. Подходитъ къ одной избушкѣ и попросился ночевать у старухи. Проспалъ ночь и спрашиваетъ, какъ бы получше высмотрѣть городъ. Старуха говоритъ ему: добрый человѣкъ, поди на улицу и увидишь городъ кривосудъ и всѣ его диковинки. Мужикъ одѣлся и пошелъ шататься по улицамъ. Идетъ онъ по одной улицѣ. Къ нему подскакиваетъ женщина, хватаетъ его за руки и называетъ своимъ мужемъ Ты убѣжалъ изъ дому, оставилъ меня съ маленькими дѣтьми и у нихъ взялъ денегъ 500 рублей, отдавай, а не то поведу къ городничему. Она схватила его и повела. При поворотѣ въ другую улицу встрѣчается имъ купецъ. Тотъ захватываетъ мужика за горло и говоритъ: ты взялъ у меня 5000 рублей денегъ, взялъ и не отдаешь, пойдемъ къ городничему. Мужикъ идетъ съ женщиной и купцомъ, связанный по рукамъ и по ногамъ и думаетъ: зачѣмъ Господь допустилъ до этого города. Господи не дьявольское ли это напущеніе! Что это за люди? И думаетъ умертвить себя. Идутъ они по горѣ около озера. Мужикъ бросился съ горы, чтобы убиться. Случилось въ это

„Ты укралъ у меня 500 р. пойдемъ къ Городничему."

Рисунокъ Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„Ты взялъ у меня 5000 р. и не отдалъ пойдемъ къ Городничему."

Рисунокъ Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Мужикъ кинулся въ озеро. Рисунокъ Л. Полторацкой.

время монастырскимъ работникамъ ловить рыбу. Онъ убилъ одного изъ нихъ, а самъ остался цѣлъ и невредимъ. Что ты сдѣлалъ? закричали работники, побѣжали къ своему настоятелю и разсказали про случившееся. Тотъ, выслушавъ ихъ доносъ, присоединился къ идущемъ съ жалобою. Вотъ ужъ подходятъ они къ дому городничаго. Лавочникъ останавливаетъ идущихъ. Увидавъ плачущаго мужика, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ объ его горѣ. Тотъ разсказалъ прослучившееееся и просилъ купца защитить его. Жалко было купцу бѣднаго мужика, но какъ помочь ему? У городничаго было двѣ дочери; имъ нужны были куньи воротники. Въ городѣ такихъ воротниковъ ни у кого не было, какъ у того купца, который остановилъ обвиняемаго мужика. Но такъ какъ у городничаго съ этимъ купцомъ была ссора, то одному не хотѣлось купить или попросить воротники, а другому подарить или продать. Купецъ сказалъ: изволь, я тебѣ помогу, сколько могу; возьми эти двѣ куницы, снеси къ городничему, но денегъ не бери, скажи что эти двѣ куницы, баринъ тебѣ, только не оставь меня. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Городничій, увидавъ давно желаемыхъ куницъ, обрадовался, побѣжалъ къ дочерямъ и гововоритъ: дочурки мои милыя, вотъ вамъ и кукушки. Выходитъ потомъ къ мужику и спрашиваетъ про цѣну. Мужикъ наученый купцомъ, не говоритъ, не объявилъ цѣны и не взялъ денегъ, а попросилъ о своемъ дѣлѣ. Онъ разсказалъ городничему про все случившееся съ нимъ и просилъ защитить. Городничій же довольный подаркомъ, велѣлъ бѣдному мужику съ обвинителями явиться къ нему для разбирательства дѣла. На дру-

„Двѣ куницы избавили мужика отъ своихъ преслѣдователей."

Рисунокъ Л. Полторацкой. Изъ собранія А. Е. Бурцева.

гой день явились просители и подсудимый къ городничему. Онъ увидавъ мужика, подозвалъ къ себѣ, вывелъ въ другую комнату и научилъ, что говорить на судѣ. Когда выступила женщина, признавшая его за своего мужа и обвинявшая въ кражѣ 500 рублей, городничій обратился къ мужику. Это твоя жена? Да отвѣчалъ тотъ; моя, ваше благородіе, но убѣжала изъ дому, оставила мнѣ маленькихъ дѣтей; ни помилуйте, всѣ наши власти притѣсняютъ меня изъ за нея и говорятъ, что я ее убилъ. Городничій приказалъ принесть пучокъ розокъ и высечь ее. Когда ее хотѣли наказывать, она закричала помилуйте, ваше благородіе, онъ мнѣ не мужъ, а я ему не жена и денегъ онъ у меня не бралъ, я солгала. Но было уже поздно. Мужъ ли не мужъ, я тебѣ говорилъ мужикъ, ты мнѣ давай деньги 500 рублей, не то пойдемъ со мною въ мою сторону. Женщина обрадовалась этимъ словамъ, обѣщала отдать, только бы онъ не тревожилъ ее болѣе. Потомъ подошелъ купецъ, обвинявшій мужика въ томъ, что онъ взялъ у него 5000 рублей денегъ. Городничій выслушавъ жалобу, спросилъ мужика, бралъ ли онъ денегъ 5000 рублей. Мужикъ отвѣтилъ: да я бралъ у него 5000 рублей, только оставилъ ему въ залогъ 10 драгоцѣнныхъ камней; если отдастъ мнѣ камни, я сейчасъ же выдамъ ему деньги. Купецъ остолбенѣлъ, началъ клясться и божиться, что не бралъ у него камней, а деньги давалъ. Городничій видя упорство купца, говоритъ ему: да развѣ ты могъ дать столько денегъ мужику, не взявъ съ него залогу; отдавай ему камни, а если утратилъ ихъ, то цѣнность ихъ должна быть отдана мужику. Купецъ почесалъ въ затылкѣ и видя, чта навернулся на гуся, долженъ былъ вытащить кошелекъ и вытрясти 5000 рублей, Когда же онъ отдалъ мужику деньги, то сказалъ: я былъ гусь,

а ты почище его. Наконецъ приходитъ настоятель монастыря съ жалобой на мужика. Городничій выслушавъ жалобу, спросилъ мужика: ну, что правду говоритъ про тебя настоятель? Да правду, да вѣдь не нарочно убилъ его работника; я самъ хотѣлъ съ такого горя лишить себя жизни; случилось тутъ его рабочимъ ловить рыбу, когда я летѣлъ; вотъ и все. Да говоритъ городничій: за то что ты разсказалъ чистосердечно, я прощаю тебя, только ты проси прощенія у о. настоятеля, если онъ проститъ, тогда все покончимъ. Онъ увелъ настоятеля въ другую комнату и уговорилъ его, вышелъ на судилище. Настоятелъ простилъ мужика. Мужикъ, обрадованный окончаніемъ дѣла, сунулъ мало талику городничему, а самъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать изъ дома городничаго. Попути зашелъ къ купцу, давшему ему куницъ, поблагодарилъ его за нихъ денежно и отправился домой. Приходитъ домой и разсказываетъ своей волости. Самъ онъ сталъ жить да поживать, да богатѣть. Смотря на его поступокъ, другимъ захотѣлось побывать въ городѣ кривосудѣ; но не такъ счастливо побывали они. Кто пришелъ безъ носа, кто безъ глаза, кого приведутъ, кого привезутъ и стали всѣ поговаривать: ну, братъ, только тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, а намъ и на печи тепло.

„Мужикъ у отца настоятеля выпросилъ прощеніе."

Рисунокъ Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Заселеніе Кондушъ.

Разсказываютъ, что когда то очень давно пришелъ изъ какихъ то далекихъ мѣстъ мужикъ прозываемый Варзамай. Родъ его и до сихъ поръ существуетъ и носитъ ту же фамилію. Онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ теперь деревня мостовая, лѣсъ и глушь въ этомъ мѣстѣ были страшные, чащи изрѣдка пересѣкались тропами дикихъ звѣрей и оленьими, водившимся здѣсь во множествѣ. Ему понравилось это дикое уютное мѣсто и онъ возлѣ ручья протекавшаго въ оврагѣ построилъ первую хату и тутъ сталъ жить. Разъ онъ отправился въ лѣсъ по своимъ дѣламъ и зашелъ очень далеко отъ своего жилища, запутался въ лабиринтѣ елей и вѣковыхъ сосенъ и никакъ не могъ выйти. Проходивши болѣе двухъ сутокъ и сбившись окончательно съ пути, онъ упалъ на землю и далъ обѣщаніе

,,Онъ упалъ на землю.''

Рисунокъ В. Ткаченко.

если онъ найдетъ свой домъ и не погибнетъ въ этой глуши, то построитъ часовню во имя Николая Чудотворца и закажетъ написать его образъ. Только что онъ произнесъ свой обѣтъ, какъ услышалъ далеко гдѣ то голосъ пѣтуха, разносившійся по зарѣ. Забывъ свою усталость, мужикъ идетъ на голосъ пѣтуха и скоро узнаетъ знакомыя мѣста. Онъ былъ уже невдалекѣ отъ своего

Старецъ принялся за работу.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

дома. Не откладывая даннаго обѣта, Варзамай выбралъ высокій холмъ близъ ручья и занялся постройкой часовни. Скоро часовня была готова, но иконы Святителя нигдѣ и никакъ не могъ заказать. Проходитъ годъ или два, но иконы нѣтъ въ часовнѣ. Но въ одинъ ненастный вечеръ глубокой осени, когда

Постройка часовни. Рисунокъ В. Ткаченко.

все семейство Варзамая ложилось уже спать, кто то постучалъ въ окно его избушки и просилъ пріюта. Мужикъ пустилъ въ избу нежданнаго гостя. Оказалось, что это былъ старикъ почтенной наружности и къ удивленію хозяина не только не изябшій и не обмокшій, несмотря на дождливую и холодную погоду. Въ разговорахъ старецъ сказалъ между прочимъ, что онъ живописецъ. Этого то и ожидалъ Варзамай. Онъ тутъ-же подрядилъ живописца написать икону святителя Николая. Старецъ согласился и тутъ же принялся за работу. Къ утру икона была готова. За работу незнакомецъ взялъ три горошины; за деньгами же обѣщался зайти въ другой разъ, но его съ той поры около благочестиваго перваго поселенца стали группироваться и прибывать новые выходцы, чему много способствовало то, что образъ написанный незнакомцемъ сталъ источать чудеса и слава о немъ разнеслась далеко по окрестности. Теперь на

томъ же самомъ мѣстѣ построена новая часовня, окруженная тѣнистой рощей, считающаяся народомъ за святыню. Образъ Николая Чудотворца вынесенъ въ мѣстную церковь. На мѣстѣ жительства Варзамая находится полуразвалившійся домъ безъ потолка. Преданіе говоритъ, что и тотъ домъ четвертый.

Разсказъ о Лѣшемъ.

„Такимъ обнаковеннымъ разсказамъ не вѣрить, такъ чему же и вѣрить? прежде еще не такія дѣла бывали: ухъ, только подумаешь, такъ кожу обдираетъ.

Ты дядя Василій, поди, много знаешь страшнаго то? разскажи пожалуйста".

— „Какое много, кое що знаю".

— „Разскажи, Василій Александровичъ намъ що нибудь.

— „Ну ладно, разскажу вотъ я про свово родителя, какъ онъ мнѣ святки проводилъ, да съ лѣшимъ шушукался. Дѣло было въ святки на пятой день Рождества Христова я вздумалъ гытъ опустить мельницу на Васильевъ день, христьянамъ муки помолоть. Одѣлся гыть (вмѣсто говоритъ) въ шубу и пошелъ. У насъ гытъ въ тотъ вечеръ была посидѣнка, робята то то и кричатъ гытъ не ходи дядя Александръ, смотри лѣшій шапкой по головѣ помажетъ. Какъ это они сказали, я гытъ и сказалъ: „я лѣшему то гытъ сама рога переломаю". А баба услыша—гытъ съ печи, що говоритъ мужъ то ее и молвила гытъ ему: „благословесь хошь Лександръ иди то, вѣдь святки типерь, мало ли що можетъ наблазнить? Я гытъ былъ немножко выпивши, изруталъ ихъ всѣхъ трусами и пошелъ гытъ на мельницу. Идутъ гытъ себѣ и въ усъ не дую, що можетъ поблазнить. Выхожу за деревню и въ думушкѣ не думаю що нибудь нечистое. Подхожу я гытъ такъ къ банѣ и только хотѣлъ гытъ пройти, вдругъ двери то въ банѣ какъ хлопнутъ, такъ що вся баня то и запрыгала. Я и подумалъ гытъ, это навѣрно банника лѣшій донимаетъ, постой, гытъ, я ево выручу и подошелъ къ банѣ. Хотѣлъ отпереть защевку то (запоръ) да не тутъ то было, я давай толкать ногою, щобы отворить дверь то, но тоже гытъ ничего не могъ подѣлать и уперся изо всей силы плечами, дверь трещитъ, но не отворяется—гытъ. Вдругъ я и слышу, що лѣшій то стонетъ, погоди, гытъ я тебя уважу, и опять гытъ давай плечами то отворять двери

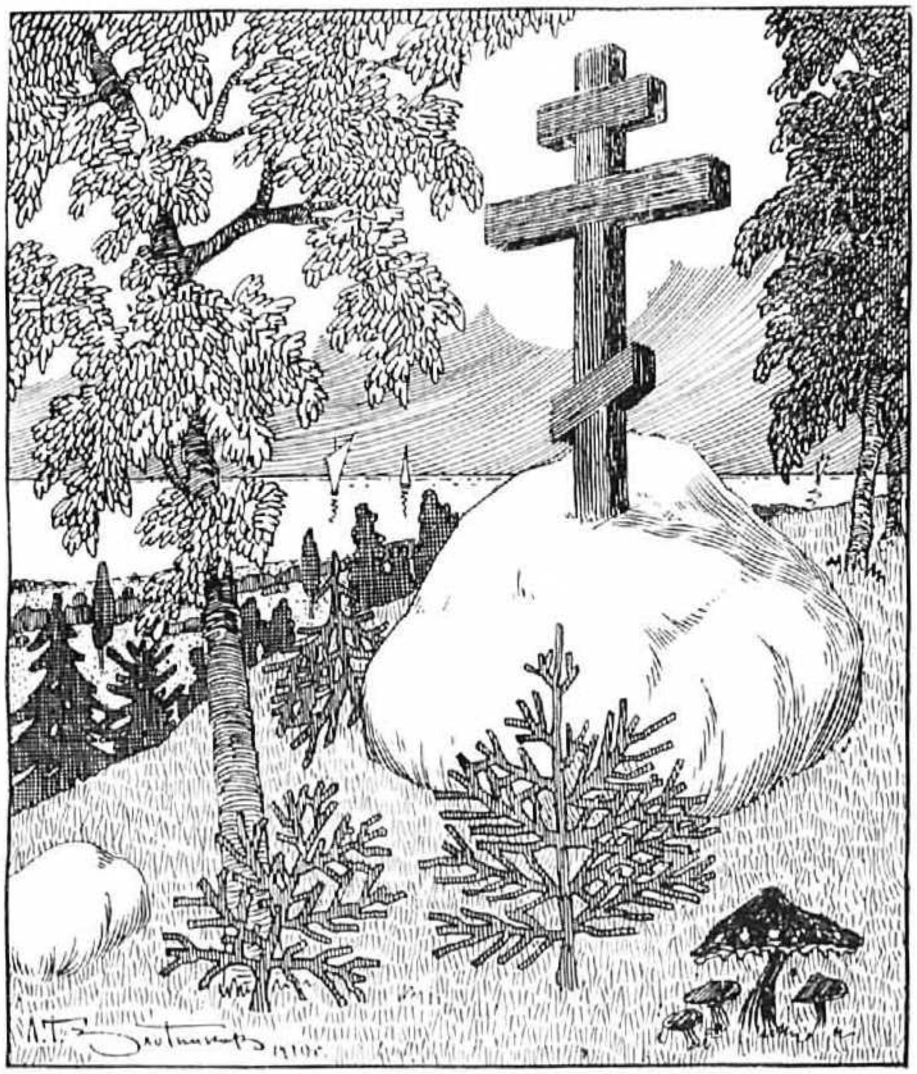

Давай толкать ногою, что бы отворить дверь.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.

то опять слышу лѣшій во какъ прохрипитъ, но не поддается. Я гытъ плюнулъ да и пошелъ ужо, гытъ, тебѣ лѣшій, я шею то накостыляю. Прихожу гытъ на мельницу (на столбянку) опустилъ (вынялъ изъ подъ колесъ и машинъ подставки) ее и покуриваю себѣ гытъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вдругъ гытъ слышу що подъ мельницею то кто то свиститъ, да такъ рѣзко, що тебѣ рожокъ нашего пастуха Ваньки, куда гытъ ему еще до этого. Свиститъ гытъ это онъ лѣшій то а я думаю: свисти, я вѣдь не испугаюсь. Посвисталъ, посвисталъ это такъ да и замололъ. А я думаю, лѣшій то хайло то видно надорвалъ. Анъ и ошибся я гытъ, онъ это воздуху то *пыхалъ да пыхалъ* да какъ дунетъ въ машины то мельницы, ну думаю лѣшій взялся ужъ за дѣло мельничье такъ не быть гытъ добру. А машины то гытъ машины какъ замахаютъ, такъ що кругу не знать. Ну и полѣзъ я съ мельницы то долой гытъ, да и давай отворачивать, такъ що силушки ужъ не стало, а мельница все еще вертится. Ну думаю, гытъ,

заохотился видно бѣсъ то. Тутъ то я припомнилъ, що онъ лѣшаго можно отговориться, я давай читать заклятье на лѣшаго. На морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ бѣлъ, горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ, Алатырѣ, стоитъ крестъ, крестомъ крестъ человѣкъ родился, крестъ водрузился, а сатана

На камни алатырѣ стоитъ крестъ.

Рисунокъ Л. Злотникова.

связался, Богъ прославился. Замыкаю свой заговоръ семью-десятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Океанъ море, подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣй меня взыщется, кто перетаскаетъ песокъ изъ всего моря, тотъ освободитъ лѣшаго. Только що я проговорилъ, гытъ, хайло то у лѣшаго ровно кто глиной замазалъ, онъ заскрежеталъ зубами и давай опеть пыхать въ себя воздухъ то гытъ. А я въ то время успѣлъ таки запереть мельницу то. Ну теперь думаю, лѣшій я съ тобой то хоть въ рукопашную пойду. Только гытъ я это подумалъ, какъ вдругъ гытъ лѣшій то побѣжалъ, да какъ схватитъ у меня съ башки то шапку, да дери, да дери отъ меня, такъ вѣдь гытъ и убѣжалъ. Прихожу гытъ я домой, такъ и ковды увидали що я

„Схватилъ у меня съ головы шапку да деру.“

Рисунокъ Л. Злотникова.

меня на башкѣ то нѣтъ шапки, то и спросили, меня гытъ: „гдѣ шапка у тебя дядя Олександро?—„Лѣшій унесъ. Всѣ захохотали и умолкли. Я себѣ легъ на печку, да и думаю гытъ: какъ я то прозѣвалъ, на ко лѣшій шапку унесъ. Всталъ я утромъ гытъ, да и налаживаюсь въ городъ (Вологду) ѣхать, купить себѣ новую шапку. У меня опять гытъ спрашиваютъ куда ты дядя Олександро шапку то дѣвалъ?—„Да лѣшій у несъ я вѣ-дѣ гытъ вамъ говорилъ. Всѣ стали распрашивать, какъ это такая оказія случилась. Ну гытъ я имъ разсказалъ. Я ужъ рѣшилъ, що мнѣ не придется больше носить мою шапку. Думаю лѣшій унесъ, такъ отдасъ ли назадъ. Ѣду гытъ это я въ мясное заговѣнье къ тещѣ барана доѣдать (обычай) подъѣзжаю къ Бревновскому отводу и вижу гытъ на отводу то гытъ виситъ моя шапка. Ну я гытъ и сказалъ: „видно лѣшему то тяжела показалась моя шапка то? Взялъ свою шапочку, надѣлъ гытъ на свою башку и поѣхалъ гытъ къ тещѣ барана доѣдать. Вѣдь пошутилъ лѣшій то гытъ надъ шапкой, да отдалъ. Вѣрно вѣрно гытъ люди, ковды що потеряютъ, то просятъ

чорта: чортъ, чортъ, чортъ, поиграй да отдай.

— „Не ушо это правда дядя Василій?

— „А що мнѣ врать то? вѣдь не деньги брать. Другіе всѣ соглашаются, что это правда. Какой паре онъ былъ небоязливой то, слышатся замѣчанія крестьянъ.

Записано Аристарховымъ.

Вологодской губ.

Привожу подлинный разсказъ содержателя Дьяконовской земской станціи Николая Николаева Малкова.

Уже начинало темняться, когда я подъѣзжалъ къ деревнѣ Дьяконову. Въѣхавъ въ паскатину, я пустилъ лошадь шагомъ. На дасугѣ досталъ кошелекъ съ табакомъ и сталъ набивать трубку. Вдругъ лошади остановились, я оглянулся, какой то пьяный мужикъ держалъ за подоуздъ коренника.

Я всю ночь бредилъ.

Рисунокъ Л. Злотникова.

— Эй, прохожій человѣкъ, что тебѣ надобно, отваливай! — закричалъ я на него подбирая возжи.

Мужикъ не отходилъ. Я разсердился.

— Отваливай же, говорю, нѣтъ, держись!—Я огрѣлъ мужика кнутомъ. Послышался какой то стонъ — мужикъ исчезъ. Вдругъ надъ моею головою послышался страшный шумъ. Кони зафыркали и шарахнулись въ сторону. Я едва не вывалился изъ саней. Въ воздухѣ бѣшенно пронеслась тройка, которою правилъ тотъ самый мужикъ...

Не помню, что было дальше, потому что я тутъ же лишился памяти. Очнулся лишь на другой день у себя въ постели и жена увѣряла, что я всю ночь бредилъ.

Разсказъ пономаря.

„Пришли мы съ батюшкомъ Рождество славить къ колдуну Ивану Степанычу. И только мы вошли, братецъ ты мой въ избу, видимъ никого нѣтъ; не успѣли и перекреститься, вдругъ съ напыльника полетѣли на насъ полѣнья. Мы испугались, подхватили свои пожитки да дралова. Выбѣжали на мостъ, да и кричимъ: „Степанычъ, Степанычъ“ А онъ со двора откликается: „У тебя кто то кидается дрова съ напыльника“. Говоримъ мы на его приглашеніе войти въ домъ. „Ахъ они черти лысые, я вотъ имъ дамъ работу“. Взялъ потомъ лукошко сѣмени и разсыпалъ по двору: пусть ихъ подбираютъ“. Послѣ этого пригласилъ въ избу, выставилъ штофъ водки, кулебяку и порядочно угостились.

И порядочно угостились. Рисунокъ Л. Злотникова.

Былъ одинъ колдунъ, который раздавалъ пастухамъ приводы для скота. Одинъ пастухъ, по имени Василій и обратился къ нему дать приводъ. Колдунъ далъ ему зайца и велѣлъ каждое утро выпускать его на мѣсто, куда онъ же-

„Колдунъ далъ ему зайца.“

Рисунокъ Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

лаетъ, чтобы вышли коровы. Пастухъ такъ и дѣлалъ. Въ одно время старушка и говоритъ ему: „Васька, что ты не ходишь въ коровами то?“ А онъ спроста и скажи: „у меня заяцъ пасетъ“. Разгорѣлось въ старушки любопытство посмотрѣть его этого зайца и каждый день пристаетъ къ Василію показать зайца. Какъ то вечеромъ Василій приноситъ зайца въ избу старухи, но не успѣлъ онъ выпустить изъ рукъ, какъ онъ кидается въ переборку и разбиваетъ тамъ горшки, кринки, плошки однимъ словомъ все, что возможно разбить. На другой день все стадо ночевало въ лѣсу и оставалось тамъ 4 дня на пятый явилось домой. Прожилъ Василій до Покрова и пошелъ домой, но чертъ и тутъ не даетъ покоя водитъ его по различнымъ дорогамъ 2 недѣли вмѣсто 3 дней пути. А дома тоже то и дѣло проситъ работы. Наканецъ, Василій рѣшился разстаться съ зайчикомъ и отнесъ его обратно къ колдуну.

Про купеческаго сына Ивана.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ знаменитый купецъ. Онъ имѣлъ семь магазиновъ да восемь лавочекъ. Дѣтей у него было всего только одинъ сынъ, по имени Иванъ. Когда Ивану исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ его умеръ, и онъ сталъ полнымъ хозяиномъ всего отцовскаго имущества. Жилъ онъ скромно, потому что никакой привязанности къ женщинамъ не имѣлъ, ни въ клубы, ни въ маскарады никогда не ѣздилъ. Такъ онъ продолжалъ жить послѣ смерти отца нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ Ивану исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ это время ему приснился сонъ: будто какая-то неизвѣстная дама неописанной красоты показалась въ его спальнѣ и поцѣловала его три раза.

Однако молодому Ивану это сонное видѣніе было ни къ чему, потому что онъ попрежнему не имѣлъ никакой привязанности къ женщинамъ.

Но вотъ прошло времени съ мѣсяцъ, и онъ, мало по малу, сталъ чувствовать въ сердцѣ какую-то перемѣну: онъ началъ страдать объ этой, поцѣловавшей его во снѣ, дамѣ. Ему захотѣлось узнать, гдѣ находится эта дама.

И вотъ, въ одно прекрасное время, неизвѣстная особа опять предстала предъ нимъ въ сонномъ видѣніи и объяснила ему, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ находится она.

Ивану снится сонъ. Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Мать охотно его отпустила изъ дома. Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Иванъ рѣшился на обманъ своей матери, для того чтобъ имѣть возможность подъ благовиднымъ предлогомъ отлучиться изъ дому.

— Милая моя маменька,—обратился онъ къ своей матери,—у меня давно уже суленъ молебенъ одному угоднику. Отпусти ты меня, пока жива, отправить молебенъ. Да въ дорогу припаси мнѣ пожалуйста хлѣбныхъ сухарей.

Мать весьма обрадовалась такому благочестивому намѣренію своего сына и охотно его отпустила изъ дому, насушивъ ему въ дорогу сухарей.

Иванъ собрался и пошелъ прямо на то мѣсто, которое указано ему было во снѣ красивою дамой. Приходитъ онъ туда и видитъ—стоитъ небольшая избушка. Онъ зашелъ въ избушку и увидѣлъ тамъ одиноко сидѣвшаго старичка.

— Здорово, дѣдушко!—сказалъ ему Иванъ.

— Здорово, Иванъ! — отвѣтилъ старичекъ.—Далеко-ли ходишь?

— А вотъ, дѣдушко, я скажу тебѣ всю правду: я пошелъ искать ту даму, которая мнѣ во снѣ приснилась,—признался Иванъ чистосердечно.

— Послушай, Иванъ, меня,—сказалъ старичекъ—не ходи ни куда.

— Нѣтъ, дѣдушко, — возразилъ ему Иванъ, — не разговаривай. Скажи-ка лучше: не знаешь-ли гдѣ эта особа находится?

— Какъ не знать—знаю,—отвѣтилъ дѣдушко.—Пойди по этой дорогѣ—началъ онъ ему разсказывать—и дойдешь до перекрестка. Дорога здѣсь идетъ вправо. Тутъ находится небольшое озеро и стоитъ ракитовъ кустъ. Ты сядь подъ кустъ. Прилетятъ двѣнадцать лебедокъ. Онѣ будутъ купаться; а передъ тѣмъ, какъ войдти въ воду, снимутъ и оставятъ на берегу свое лебединое одѣяніе. Ты же, какъ можно половчѣе, возьми это одѣяніе и уйди подъ кустъ. Одинадцать лебедокъ улетятъ, а двѣнадцатая будетъ искать платье. А ты никакъ не отдавай. Хоша она будетъ плакать и просить, ты ни почемъ не отдавай.

Вотъ по сказанному, какъ по писанному Иванъ пошелъ и дошелъ до озера и спрятался за кустъ. Вскорѣ прилетѣли двѣнадцать лебедокъ, сняли свое одѣяніе и стали купаться. Одинадцать лебедокъ раздѣвались и купались всѣ вмѣстѣ, а двѣнадцатая въ сторонкѣ отъ нихъ, отдѣльно. Какъ только эта послѣдняя раздѣлась и вошла въ воду, Иванъ мигомъ подскочилъ и схватилъ ея лебединое одѣяніе и опять усѣлся подъ кустъ. Одинадцать лебедокъ выкупались, вышли изъ воды, надѣли свое одѣяніе и улетѣли, а двѣнадцатая все еще купалась. Потомъ и она вышла изъ воды и хотѣла было одѣваться, но платья на мѣстѣ не оказалось. Вотъ она и стала говорить:

— Если старъ старичекъ взялъ одѣяніе мое, — то будь мнѣ дѣдушко. Если ровня мнѣ, — то будь мой нареченный мужъ.

Иванъ вышелъ изъ-подъ куста. Она стала просить его, чтобъ онъ отдалъ ея одѣяніе. При этомъ они заревѣла, что есть мочи.

А Иванъ ей и говоритъ:

— Ни почемъ не отдамъ, хоть обревись вся.

Вотъ пошли они вмѣстѣ. Дошли до селенія. Она заревѣла еще пуще прежняго и говоритъ ему:

— Какъ я могу нагая идти селеніемъ? Ты смѣешься надо мной!

Ивану стало жалко ее, онъ и отдалъ ей ея одѣяніе. Она одѣлась и улетѣла, а Иванъ остался какъ ракъ на мелѣ. Пошелъ онъ опять къ старику. А старикъ ему и говоритъ:

— Ну, Иванъ, пойди домой. Мать твоя лежитъ уже въ постели.

— Это одинъ обманъ, — возразилъ Иванъ, — Нѣтъ, дѣдушко не разговаривай, а скажи-ка мнѣ лучше, гдѣ она находится.

— Она теперь за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, на мукомольной мельницѣ,—отвѣтилъ ему старикъ.— Пойди ты туда,—продолжалъ онъ.—Тутъ управляютъ нечистые духи. Ну, увидаешь, который за старшаго, ты и спроси у него: гдѣ живетъ приказчикъ? На, вотъ, я дамъ тебѣ письмо, ты и отдай его приказчику,—закончилъ старикъ свое наставленіе Ивану.

Иванъ пошелъ. Долго-ли, коротко-ли шелъ, но все-таки дошелъ до той мельницы, зашелъ въ нее и спросилъ старшаго, гдѣ живетъ приказчикъ. Ему указали. Онъ отправился къ приказчику. Тотъ не мило посмотрѣлъ на него; взялъ отъ него стариково письмо, прочиталъ его, написалъ записку и подалъ ее Ивану, сказавъ ему:

— На, отнеси старшему на мельницу.

Въ той запискѣ было сказано, чтобъ Ивана зашили въ мѣшокъ. И, потому какъ только старшой прочиталъ записку, то распорядился, чтобъ приказаніе приказчика было исполнено. Ивана схватили, запихали въ мѣшокъ, который наглухо зашили, снесли на сарай и поставили тамъ къ стѣнѣ.

Настала полночь. Иванъ слышитъ, что на сарай пришли, что-то взяли и понесли неизвѣстно куда. А это приходили тѣ самыя одинадцать лебедокъ, которыхъ онъ раньше на озерѣ видѣлъ; они взяли по мѣшку муки, а двѣнадцатая лебедка взяла его и понесла тоже неизвѣстно куда.

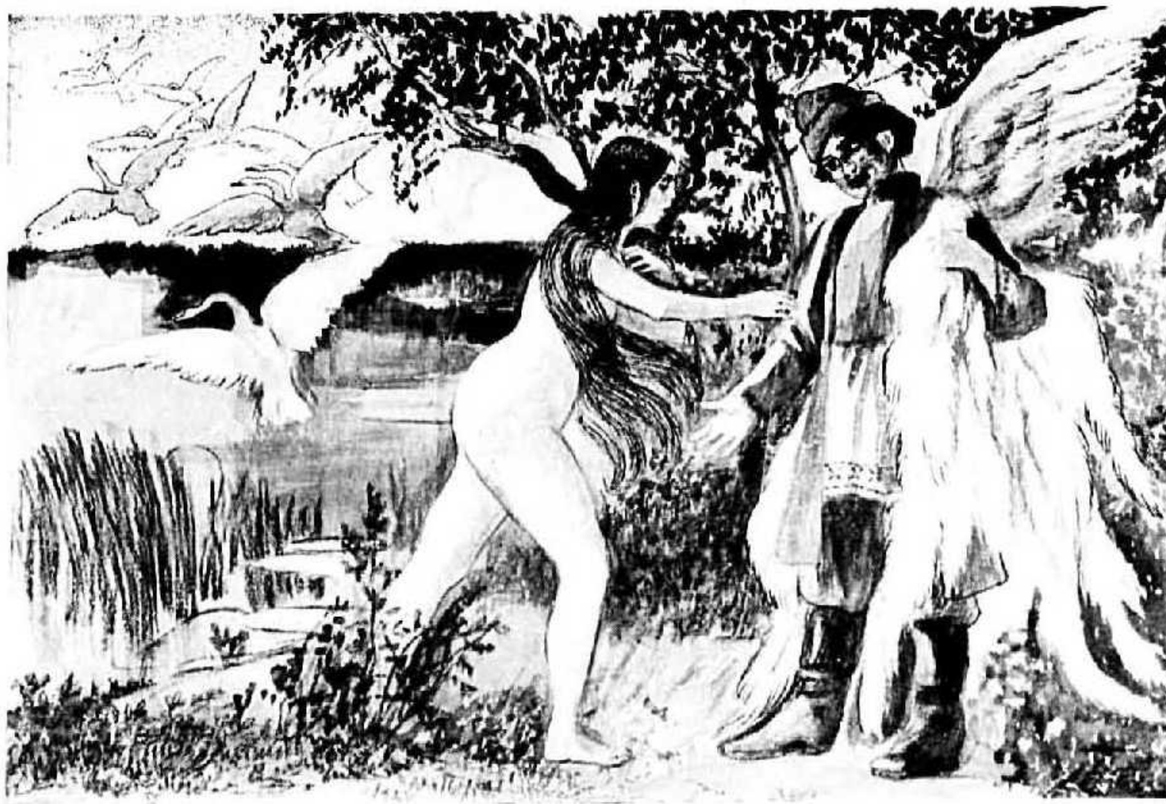
Вотъ слышитъ Иванъ, что несетъ она его черезъ озеро, такъ какъ отъ тяжести низко надъ водой летитъ и крыльями за воду задѣваетъ. Однако она всетаки его перенесла на другой берегъ и свалила на землю. Потомъ слышитъ онъ, что она стала купаться въ озерѣ. Иванъ взялъ и ножомъ распоролъ мѣшокъ, выскочилъ изъ него и схватилъ ея платье.

— Ну, теперь ужъ не уйдешь, — сказалъ онъ ей.

А она ему на это въ отвѣтъ:

— Я хошь какъ стану просить, а ты мнѣ платье нипочемъ не отдавай.

Вотъ пошли они вмѣстѣ. Дошли до одного селенія. Она и заревѣла, что есть мочи. Иванъ просто потерялъ разсудокъ. Она ему и говоритъ.

Иванъ мигомъ подскочилъ и схватилъ ея лебединое одѣяніе.

Рисунокъ художника А Де Пальдо.

Прости меня, маменька, что я безъ твоего дозволенія могъ избрать себѣ нареченную.

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

— *Что ты надо мной смѣешься что-ли?* Развѣ можно обнаженной женщинѣ идти селеніемъ?

Иванъ подумалъ, подумалъ и не зналъ, что ему дѣлать. Потомъ онъ и сказалъ ей:

— Согласись меня поцѣловать, такъ тогда отдамъ тебѣ твое одѣяніе.

Дѣвушка-лебедка стала было вертываться, но какъ она не старалась отвертѣться отъ поцѣлуя, — дѣлать было нечего пришлось ей поцѣловать Ивана. Онъ ей платье отдалъ.

Однако послѣ поцѣлуя она не улетѣла. Она пошла вмѣстѣ съ нимъ и по дорогѣ стала говорить ему:

— Я пойду съ тобой въ твой домъ и тамъ останусь. Ты возьми и убери мое платье и впредь нипочемъ мнѣ не отдавай, какъ-бы я ни просила, и сколько-бы ни ревѣла; потому что на меня такіе часы находятъ, когда мнѣ охота бываетъ опять стать лебедью.

Долго-ли, коротко-ли шли они, наконецъ пришли къ Ивану въ домъ. Мать вышла встрѣтить ихъ. *Они оба пали на* колѣни передъ ней. Иванъ сказалъ ей:

— Прости меня, маменька, что я безъ твоего дозволенія могъ избрать себѣ нареченную.

Мать радушно приняла ихъ, и вскорѣ сыграли свадьбу. Иванъ зажилъ со своей *молодой душа въ душу. Ходилъ онъ со* своей Машей, такъ звали молодую, по магазинамъ да по лавкамъ и жили въ въ свое удовольствіе. Они такъ полю-*били другъ друга, что и часу не могли* быть одинъ безъ другаго.

Такимъ образомъ дожили наши молодые до пасхи. Наканунѣ праздника Иванъ собрался въ церковь и сталъ звать съ собой жену:

— Пойдемъ, Маша, ко Спасу, — сказалъ онъ ей.

— Иди, а я сряжусь и тотчасъ приду, — отвѣтила она ему.

Иванъ ушелъ, а Маша стала сряжаться. Вдругъ ни съ того ни съ сего она заревѣла и залилась горькими слезами. Мать испугалась, не знаетъ, что и дѣлать съ ней. Она стала спрашивать ее:

— Маша, что съ тобой? Иванъ тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ?

А Маша ей отвѣчаетъ:

— Какъ мнѣ, маменька, не плакать— отвѣчаетъ Маша:—онъ взялъ мое платье, что досталось мнѣ отъ батюшки моего и спряталъ въ сундукъ и не даетъ мнѣ его поносить никогда. Какъ же мнѣ не плакать?

— Ахъ, какой онъ глупый! — сказала мать и стала подбирать къ сундуку под-*ходящій ключь.*

Вскорѣ имъ удалось подыскать одинъ подходящій къ сундуку ключь и достать *оттуда Машино платье. Та несказанно* обрадовалась этому, сейчасъ-же срядилась и пошла.

Лишь только вышла она на крыльцо, ударилась о сыру землю, и стала лебедью, а потомъ улетѣла неизвѣстно куда.

Тѣмъ временемъ Иванъ стоялъ въ церкви и все поглядывалъ къ дверямъ— не идетъ-ли его Маша. Но напрасно онъ ждалъ ее,—такъ и не дождался.

Какъ только окончилась служба, Иванъ тотчасъ-же побѣжалъ домой. Прибѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ Маша?

А мать ему и говоритъ:

— Я, Иванъ, браню тебя: зачѣмъ ты, глупый, не отдаешь Машѣ ея платья, что досталось ей отъ батюшки. Я насилу ключъ къ сундуку прибрала.

Тутъ Иванъ вышелъ изъ себя и говоритъ матери;

— Ну, маменька, коли ты сунулась въ чужое дѣло такъ живи какъ знаешь, а я пойду, куда глаза глядятъ.

И въ тотъ-же день Иванъ ушелъ изъ дому. Онъ прямо направилъ путь свой къ тому старику, который раньше ему помогалъ.

Пришелъ Иванъ къ старику, а тотъ и говоритъ ему:

— Напрасно, Иванъ, пришелъ ко мнѣ. Пойди домой, у тебя мать осталась одна.

— Нѣтъ, дѣдушко,— отвѣчалъ Иванъ, —и не разговаривай. а скажи мнѣ: гдѣ находится моя Маша?

— Она теперь находится за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, у короля Шадрина, у котораго въ одну шадрину закатывается по пушечному ядру. Она у него въ наложницахъ живетъ. Ну, Иванъ, — добавилъ старикъ, — послушай меня: пойди домой, мать твоя въ постели лежитъ.

— Нѣтъ, дѣдушко, не разговаривай. Лучше скажи: не можешь-ли какъ-нибудь помочь мнѣ,—сказалъ ему Иванъ.

— Есть у меня одно средство,—отвѣтилъ старикъ.—Я дамъ тебѣ костылекъ, который можетъ у него всю силу положить. Какъ махнешь,—такъ полка самаго отборнаго войска какъ не бывало. Хошь не отставай маши, такъ все и будутъ падать, пока всѣ не попадаютъ.

— Ну, дѣдушко, спасибо тебѣ. Прощай.

Поѣхалъ Иванъ въ путь дорогу. Долго-ли коротко-ли, а доѣхалъ онъ до короля Шадрина. Остановился въ заповѣдномъ лугу, раскинулъ шатеръ. Увидалъ это король Шадринъ въ подзорную трубочку и послалъ вѣстоваго узнать, кто смѣлъ не спросясь заѣхать въ его заповѣдный лугъ.

Пріѣзжаетъ вѣстовой и говоритъ Ивану:

— Какъ ты смѣлъ не спрося короля заѣхать въ наши заповѣдные луга? Кто ты такой?

— Я пріѣхалъ въ вашъ городъ,— отвѣчалъ Иванъ,—и всѣхъ васъ сживу и все головней покачу.

Вѣстовой вернулся и разсказалъ королю, что слышалъ отъ незнакомца. Король приказалъ въ барабаны бить, въ рога трубить.

И повалило силы и глазами не окинешь. Атаковали они лугъ и давай стрѣлять со всѣхъ концовъ въ шатеръ.

Вотъ выходитъ Иванъ изъ шатра и начинаетъ махать своимъ костылькомъ. Какъ махнетъ,—полка солдатъ какъ не бывало, всѣ до единаго падаютъ мертвыми.

Не прошло и двухъ часовъ, а Иванъ все войско перебилъ и самъ поѣхалъ прямо въ городъ.

Выходитъ на встрѣчу Ивану король Шадринъ и несетъ на серебряномъ блюдѣ ключи отъ крѣпости. Подошелъ онъ къ Ивану и палъ передъ нимъ на колѣни.

„Выходитъ на встрѣчу Ивану король Шадринъ и несетъ на серебряномъ блюдѣ ключи отъ крѣпости.“

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Иванъ и говоритъ ему:

— Ты какъ смѣешь чужой женой владѣть. Хошь я тебѣ за это голову снесу?

— Заклиная я себя,—отвѣтилъ король,—впередъ такой не буду.

Иванъ получилъ жену и они отправились въ дорогу. Прошли они половину пути, Маша и говоритъ Ивану:

— Какъ ты могъ такое несмѣтное войско въ короткое время перебить?

— А у меня есть костылекъ, которымъ я-бы могъ и втрое больше перебить.

Прошли они еще немного и оба устали, а въ особенности съ такой передряги захотѣлось Ивану отдохнуть. Они и прилегли въ сторонкѣ отъ дороги. Иванъ костылекъ положилъ подъ изголовье. Когда Иванъ крѣпко заснулъ, Маша его поскатила немного и забрала къ себѣ костылекъ да съ нимъ и лататы.

„Когда Иванъ крѣпко заснулъ, Маша его поскатила съ ковра." Рисунокъ художника А. Де Пальдо

Проснулся Иванъ: ни Маши ни костылька. Остался онъ какъ ракъ на мелѣ и не знаетъ, куда ему идти. Подумалъ да и пошелъ опять прямо къ старцу. Пришелъ и разсказалъ ему обо всемъ случившемся. Старецъ и говоритъ ему:

— Ну, вотъ, я предупреждалъ тебя, что это одинъ обманъ. Пойди лучше домой, твоя мать лежитъ въ постели.

— Нѣтъ, дѣдушко,—отвѣчаетъ Иванъ,—я скорѣе согласенъ умереть, а не отстану; пойду на смерть!

— Ну, Иванъ,—началъ старикъ,—есть у меня средство. Можешь ты все это получить, да только будетъ одинъ обманъ. Вотъ даю я тебѣ коврикъ—самолетикъ. Ты прилетишь на немъ въ заповѣдный лугъ. Какъ войдетъ король Шадринъ съ войскомъ, такъ ты залетай выше, да и налаживайся того, который командуетъ костылькомъ, и только на сторону да на другую маши,—такъ и полетятъ въ одну и другую сторону сорокапудовые каменья. Ты все войско можешь побить въ два часа.

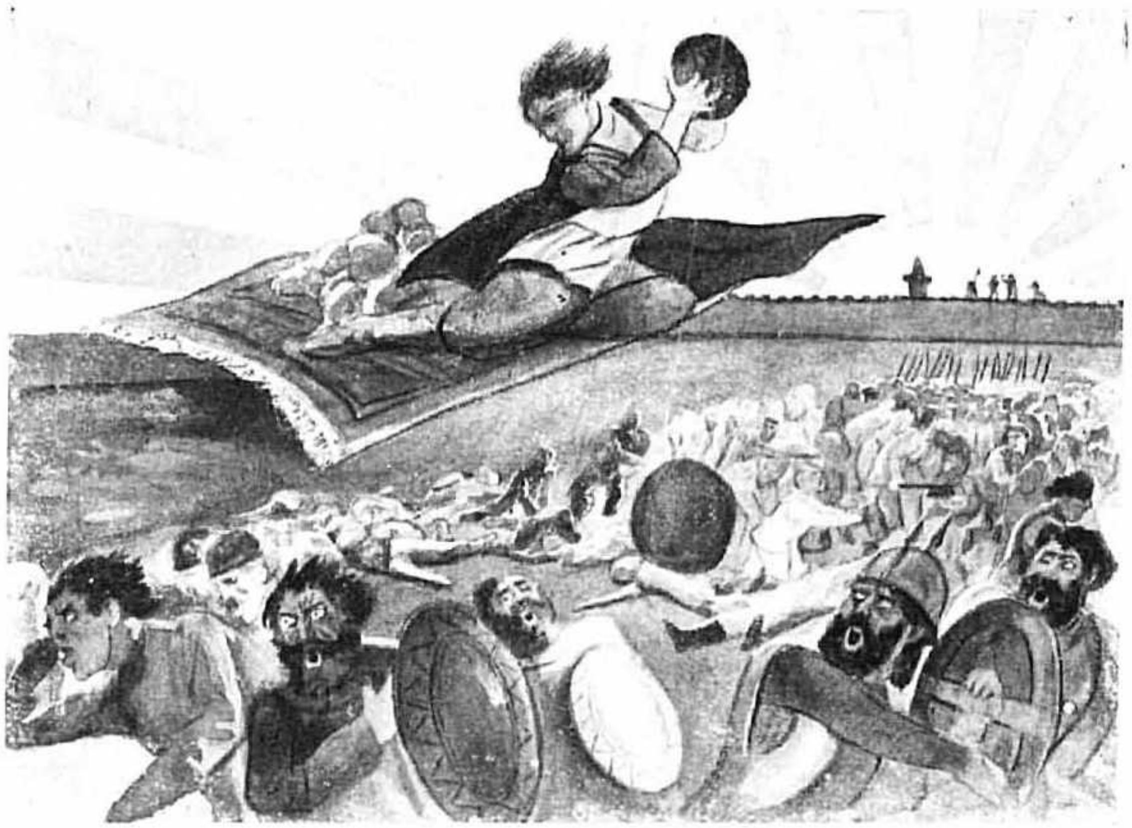
— Ну, вотъ, дѣдушко, спасибо,—сказалъ, Иванъ и палъ ему въ ноги.

Поѣхалъ Иванъ въ путь, въ дорогу и доѣхалъ до короля Шадрина и прямо въ заповѣдные луга. Увидалъ его король со своей Машей. Она и говоритъ ему:

— Это опять мой мужъ прiѣхалъ. Надо послать одинъ отрядъ. Пусть его поколотятъ.

Король приказалъ тотчасъ бить въ барабаны и трубить въ рога. Привалило силы, что и глазомъ не окинешь. Атаковали они Ивана со всѣхъ сторонъ и начали въ него стрѣлять перекрестнымъ огнемъ.

Видитъ Иванъ, что стало тѣсно, вышелъ онъ изъ шатра, сѣлъ на свой коврикъ и полетѣлъ прямо на середину войска и началъ спускать каменье,—такъ и повалилось все войско. Онъ залетѣлъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ командовалъ начальникъ костылькомъ,—и тотъ вмигъ сбитъ былъ съ ногъ и на смерть уложенъ повалившимися на него каменьями.

„Иванъ сѣлъ на свой коврикъ и полетѣлъ прямо на средину войска."

Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Послѣ того полетѣлъ Иванъ въ городъ и началъ спускать каменья надъ домами. И въ короткое время проломалъ почти во всѣхъ домахъ и въ королевскомъ дворцѣ крыши.

Видитъ король, что дѣло плохо, вышелъ съ своей Машей изъ дворца, вынесъ знамя и ключи на серебряномъ блюдѣ и сталъ передъ Иваномъ на колѣни.

Иванъ сталъ всячески ругать его:

— Ахъ, ты, обманщикъ. какъ же ты смѣешь владѣть чужой женой, нарушать свою клятву. Не оставлю я тебя живаго!

Король сталъ слезно просить Ивана:

— Не губи меня: болѣе таковъ не буду.

— А ты, негодная, что дѣлаешь?—накинулся Иванъ на жену.

Маша ничего не отвѣтила ему и стала жалобно ревѣть. Иванъ пожалѣлъ ее и не сталъ на этотъ разъ колотить ее. а только взялъ ее съ собою, захватилъ унесенный у него костылекъ и сѣвъ

вмѣстѣ съ Машей на коврикъ, они полетѣли обратно, къ себѣ домой.

Пролетѣли они почти половину пути и захотѣлось Ивану отдохнуть. Спустились они на землю и легли съ Машей спать. Лишь только Иванъ заснулъ. Маша скотила его съ коврика, достала изъподъ сголовья, положенный туда ея мужемъ костылекъ, сѣла на коврикъ и улетѣла.

Пробудился Иванъ и видитъ, что Маша опять сшутила надъ нимъ скверную шутку: похитила костылекъ съ коврикомъ и улетѣла отъ него. Не вытерпѣлъ бѣдный малый такой обиды и съ досады даже заревѣлъ.

— Охъ, потерялъ я всѣ свои вещи, а съ ними и свою вѣроломную Машу!— сказалъ онъ самъ себѣ и снова направился къ своему благодѣтелю старику.

— Вотъ, дѣдушко, я опять къ тебѣ пришелъ,—сказалъ онъ, войдя въ домъ старичка.

— Охъ, Иванъ, что ты надѣлалъ? Вѣдь ты потерялъ у меня такія вещи, что и оцѣнить невозможно. Теперь нѣтъ ужъ больше никакого способа помочь тебѣ. Ступайка ты лучше домой, къ матери она, бѣдная, едва жива,—сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, дѣдушко,—я хоть умру тамъ, а всетаки пойду опять доставать свою Машу.

— Ну, ужъ ладно, ступай,—проговорилъ старикъ.—Еще, пожалуй, я тебѣ вотъ что скажу—началъ онъ:—если ты не сумѣешь получить обратно своего, то самъ погибнешь. Поэтому впредь будь осмотрителенъ и поступай такъ, какъ я тебѣ велю. Ты иди къ королю. Не доходя трехъ верстъ до столицы, есть селеніе, расположенное на два порядка. Въ концѣ селенія, на правой рукѣ, самый крайній домъ принадлежитъ мужику Кузьмѣ. Ты попросись у него ночевать. У него есть старая кобыла; такъ ты скажи ему: хозяинъ, у тебя есть кобыла бережа и тебѣ принесетъ онъ на ночь жеребенка, который въ одну ночь сдѣлается не менѣе матки. Ты его продай, а не то онъ исчезнетъ.

— Ну, вотъ, дѣдушко, спасибо тебѣ,— сказалъ Иванъ и тотчасъ отправился въ дорогу.

Долго ли, коротко ли шелъ онъ, но всетаки добрался до той деревни, о которой говорилъ ему старикъ. Онъ скоро отыскалъ тотъ домъ, куда ему велѣно было попроситься ночевать. Взойдя въ избу, онъ сталъ просить хозяина позволить ему переночевать. Хозяинъ позволилъ. Онъ раздѣлся и вышелъ во дворъ, гдѣ увидѣлъ грязную, лохматую кобылу, которой красная цѣна была—три рубля. Иванъ вернулся въ избу и говоритъ хозяину:

— Хозяинъ, у тебя кобыла бережа. Она на ночь родитъ жеребенка, который въ одну ночь сдѣлается не менѣе матки.

Хозяинъ разсмѣялся и говоритъ ему:

— Что ты, братецъ: кобылѣ двадцать пять годовъ, а ты говоришь, что она жеребенка родитъ.

Легли спать. Переночевали. По утру встають, а Иванъ опять про жеребенка заговорилъ съ хозяиномъ:

— *Хозяинъ, ты продай своего жеребенка, а не то онъ у тебя исчезнетъ.*

Послѣ того Иванъ сердился и пошелъ. Только вышелъ онъ и тотчасъ сдѣлался жеребенкомъ, да такимъ красивымъ и статнымъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Хозяинъ по уходѣ и говоритъ своей женѣ въ видѣ шутки:

— Надо сходить посмотрѣть своего жеребенка.

И смѣясь онъ вышелъ изъ избы во дворъ. Выходитъ и видитъ, что у него и на самомъ дѣлѣ появился жеребенокъ, да въ добавокъ еще такой хорошій. Обрадовался онъ и бѣжитъ къ своей старухѣ.

— Шестьдесятъ лѣтъ живу,— сказалъ онъ,—а такого красиваго жеребенка еще отродясь не видалъ. Пожалуй и вправду не исчезъ бы онъ,—добавилъ хозяинъ,—пойду, продамъ его въ столицѣ.

Приходитъ онъ опять во дворъ, а жеребенокъ, что звѣрь мечется изъ стороны въ сторону.

— Ахъ,—старуха, и узды-то у насъ нѣтъ,—сказалъ онъ своей женѣ.

Глянулъ старикъ на стѣну,—а на стѣнѣ виситъ узда. Взялъ онъ узду, а подойти не смѣетъ. Но всетаки обматалъ жеребенка и повелъ его въ столицу. Привелъ онъ его въ столицу,—тамъ народъ кругомъ обступилъ его, любуется жеребенкомъ. А въ это время король Шадринъ вышелъ на прогулку и, увидавъ собравшійся въ кучу народъ, онъ тоже подошелъ и спрашиваетъ: что тутъ такое. Ему сказали, что вотъ мужикъ привелъ изъ деревни продавать жеребенка.

„Король Шадринъ покупаетъ жеребенка." Рисунокъ художника А. Де Пальдо.

Увидалъ король жеребенка—и тоже залюбовался имъ.

— Кузьма, — спрашиваетъ король у старика, котораго зналъ раньше, — это твой жеребенокъ?

— Мой—отвѣтилъ Кузьма.

— Сколько возьмешь?—спрашиваетъ король.

— Шесть тысячь,— не долго думая бухнулъ старикъ.

Король приказалъ своему лакею отсчитать и отдать Кузьмѣ деньги, а жеребенка приказалъ онъ старику привесть во дворецъ. Послѣ чего король уѣхалъ.

Вернулся Шадринъ во дворецъ и говоритъ своей Машѣ.

— Ахъ, душечка моя, я купилъ какого жеребенка! Погляди-ка: вонъ, ведутъ его.

Маша глянула въ окно и говоритъ:

— Это мужъ мой злодѣй. Я приказываю его сейчасъ же заколоть и сжечь на огнѣ.

Жеребенка тотчасъ закололи, разрубили на мелкія части, склали на дрова, сожгли и пепель развѣяли по вѣтру.

Прошла ночь. У полисада, гдѣ кололи и рубили жеребенка, осталась капля крови; изъ нея въ одну ночь выросла яблонь, такая красивая, духами кормитъ. Рано по утру встала дѣвка чернавка. вышла на улицу и сдивовалась, какая въ одну ночь выросла пріятная яблонь, духами кормитъ. Она и говоритъ сама себѣ:

— Всѣ спятъ. Сорву-ка я хоть одинъ яблочекъ, а то послѣ мнѣ ужъ не видать.

Взяла и сорвала да въ карманъ и положила.

Проснулся король Шадринъ и говоритъ своей Машѣ:

— Душечка моя, погляди-ка, как у насъ фрукты выросли.

А Маша ему отвѣчаетъ:

– Это капля крови осталось послѣ злодѣя—мужа моего. Эту яблонь надо сейчасъ же срубить и коренья выкопать и сжечь на огнѣ, а пепелъ разсѣять по вѣтру.

Яблоню немедленно срубили, выкопали коренья и все вмѣстѣ сожгли на огнѣ, а пепелъ по вѣтру разсѣяли.

Вотъ дѣвка-чернавка ходитъ съ яблокомъ въ карманѣ и не знаетъ куда и дѣвать его. Наконецъ пошла она въ садъ и кинула его въ прудъ. Какъ только она его бросила, яблоко тотчасъ превратилось въ утку, да такого красиваго селезня.

Выходитъ изъ дворца въ садъ король Шадринъ и видитъ, что по пруду плаваетъ такой красивый селезень. Залюбовался имъ король. Подошелъ къ пруду близко и хотѣлъ утку поймать, видя что она такая ручная. Но лишь онъ подошелъ поближе, утка отскочила отъ берега и поплыла по пруду. Король пошелъ за ней. Когда же утка отплыла на далекое разстояніе, то встрепенулась и по-

летѣла на берегъ. Вылетѣлъ селезень изъ пруда, ударился о землю и сталъ добрымъ молодцомъ Иваномъ купеческимъ сыномъ.

Не успѣлъ король Шадринъ опомниться, какъ Иванъ въ одно мгновеніе выхватилъ изъ-за пояса у короля Шадрина его-же пистолетъ и наставилъ его прямо въ грудь королю, онъ выстрѣлилъ—и сразу убилъ Шадрина.

Послѣ того Иванъ кинулся во дворецъ, отыскалъ тамъ свой костылекъ и махнулъ имъ. Вмигъ явился полкъ солдатъ и спрашиваютъ Ивана:

— Что прикажете?

— Я вамъ приказываю,—проговорилъ Иванъ,—эту злодѣйку,—указалъ онъ на Машу—изсѣчь въ куски и сжечь на огнѣ.

Сейчасъ же схватили солдаты Машу, изрубили въ куски и сожгли на огнѣ, а пепелъ развѣяли по вѣтру.

Послѣ того Иванъ взялъ дѣвку-чернавку за себя замужъ и поѣхалъ съ къ своей матери.

„Никола Дуплинскій."

Прежде народъ былъ совсѣмъ темный, вѣрилъ во всѣ нелѣпые слухи.

Въ небольшой деревнюшкѣ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній жилъ-былъ старикъ со своею старухою. Жили они очень бѣдно. Дѣтей не имѣли. Старикъ ходилъ всѣ дни за охотою, а старуха пряла дома пряжу. Сосѣди часто говорили старику, что его старуха „гуляетъ" съ молодымъ парнемъ; но онъ этому не вѣрилъ, говоря, что людская молва, что морская волна—набурлитъ и много.

Вздумалъ онъ старуху самъ провѣрить. Въ одинъ прекрасный день онъ ушелъ изъ дому за охотою, нашелъ въ лѣсу дуплистую осину, влѣзъ на нее, посмотрѣлъ: дупло было настолько велико, что въ него можно было спрятаться всему человѣку. Слѣзъ старикъ на землю сдѣлалъ изъ сухаго дерева крестъ, повѣсилъ его на сукъ осины и пошелъ домой.

Возвратившись изъ лѣсу, старикъ сталъ говорить своей старухѣ:

— Послушай-ка, старуха, что сегодня увидалъ и услыхалъ я въ лѣсу: набрелъ я тамъ на какое-то дуплистое дерево на немъ виситъ деревянный крестъ. Я остановился и смотрю на него. Какъ вдругъ слышу изъ того дупла раздался голосъ

„Я Никола Дуплинскій! Что хочешь, то и сдѣлаю для тебя."

Услыхала старуха объ этомъ и подумала про себя: „Эхъ, хорошо бы было,

еслибъ можно было, упросить Николу Дуплинскаго извести моего старика." Ужъ очень не любила она своего мужа.

— А гдѣ находится это чудесное древо? — стала она разспрашивать старика.

— А недалеко отъ того мѣста, гдѣ, знаешь, есть тамъ въ лѣсу ключикъ съ большимъ камнемъ, — отвѣтилъ старикъ.

Старуха не сказала больше ни слова.

На другой день рано утромъ старуха стала сряжаться по дрова; одѣвшись, взяла топоръ и отправилась въ лѣсъ; а старикъ въ это время полѣзъ на печь.

Тотчасъ же по уходѣ старухи, старикъ живо слѣзъ съ печи и бѣгомъ пустился бѣжать другой дорогою къ тому дуплу, которое высмотрѣлъ наканунѣ. Прибѣжавъ туда впередъ старухи, онъ быстро влѣзъ въ дупло и сталъ поджидать тамъ прихода старухи.

Немного спустя является туда же и старуха. Увидавъ, висѣвшій на сукѣ крестъ, она помолилась на него, а потомъ обратилась къ дуплу и стала говорить:

— Батюшка, Никола Дуплинскій, скажи вправду; какъ извести-бы мнѣ моего старика?

„Батюшка, Никола Дуплинскій, скажи вправду: какъ извести-бы мнѣ моего старика."

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

А старикъ изъ дупла и отвѣчаетъ ей:

— Завтра рано по утру ты напеки блиновъ, да смажь ихъ поволожнѣе масломъ и сметаной и накорми его,—такъ онъ сразу тутъ ослѣпнетъ и оглохнетъ и вскорѣ же у   ретъ.

Услыхавъ это, старуха очень обрадовалось, что такъ скоро и легко она избавится отъ нелюбимаго мужа,

Быстро нарубивъ дровъ, она отправилась домой,

По уходѣ старухи, старикъ вылѣзъ изъ дупла, спустился на землю и поскорѣе побѣжалъ, чтобы опередить жену. Придя домой, онъ живо опять забрался на печь и сталъ ожидать возвращенія своей бабы, которая тоже вскорѣ же вернулась изъ лѣсу.

Старикъ не подалъ ей ни малѣйшаго вида, что онъ безъ нея уходилъ изъ дому. Какъ бы ничего не зная, онъ сталъ разспрашивать ее, гдѣ она рубила дрова.

— Недалеко отъ дому,—отвѣтила ему старуха.

— Да ты бы дура сходила къ тому дереву и попросила чего тебѣ надо.— сказалъ ей старикъ.

Ладно, старикъ,—отвѣтила она,—вотъ ужъ завтра поѣдимъ блинковъ я и схожу потомъ къ Николѣ Дуплинскому и попрошу у него овсяной мучки и масла, и станемъ мы съ тобой поживать на блинки поѣдать,—ласково проговорила старуха.

Старикъ замолчалъ и ни слова больше не сказалъ въ отвѣтъ ей. А старуха

„Старикъ съ аппетитомъ уплетаетъ за обѣ щеки блины."

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

между тѣмъ стала блины затворять, чтобъ можно было начать печь ихъ съ утра пораньше.

И дѣйствительно, съ наступленіемъ утра другаго дня старуха принялась хлопотать около блиновъ, стараясь какъ можно скорѣе накормить ими своего мужа, и тѣмъ желая добиться того чуда, какое было обѣщано ей голосомъ изъ дупла. И какъ только блины были напечены, сметана и масло припасены тотчасъ старуха стала звать мужа поѣсть ея блинковъ.

Старикъ слѣзъ съ печи, сѣлъ за столъ и началъ съ аппетитомъ уплетать за обѣ щеки смачно приготовленные его женою блины.

Видя, что мужъ такъ охотно принялся за ея блины и съ такимъ аппетитомъ и такъ много поѣдаетъ блиновъ, старуха очень обрадовалась этому, полагая, что чѣмъ больше онъ съѣстъ блиновъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе исполнится надъ нимъ обѣщанное изъ дупла ослѣпленіе, и даже гибель его. А поэтому она всячески старалась угодить ему въ настоящую минуту и поощрить его аппетитъ.

— Ѣшь, ѣшь, старикъ. — говорила вѣроломная старуха, подчуя своего мужа,—да бери крупы-то больше: все равно, у Николы Дуплинскаго еще выпросимъ.

Долго и много ѣлъ старикъ; когда же онъ наѣлся до-сыта, то вдругъ закричалъ:

— Старуха, я вѣдь ослѣпъ!

— Полно врать-то, старикъ, проговорила жена—Гдѣ же видно или слышно было, чтобъ отъ блиновъ можно было ослѣпнуть?—

— Да что ты говоришь мнѣ: вѣдь я и оглохъ ничего не слышу. Сведи-ко скорѣе меня на печь,—попросилъ старикъ свою бабу.

Старуха, горячо поблагодаривъ въ душѣ Николу Дуплинскаго за такую скорую его милость, взяла старика за руку и отправила его на печь.

Какъ только старикъ немного поутихъ на печи, жена его тотчасъ же одѣлась и отправилась съ радостной вѣстью къ своему любовнику. Привела его къ себѣ въ избу и давай его угощать виномъ и блинами, говоря при этомъ:

— Ты теперь мой, дорогой другъ. Можешь жить теперь безбоязненно со мною, старикъ мой ослѣпъ и оглохъ. и скоро совсѣмъ помретъ. Намъ теперь нечего бояться его.

Любовникъ взглянулъ на печь и спрашиваетъ свою любовницу:

— Да какъ это такъ ты ухитрилась извести его?

Старуха чистосердечно разсказала обо всемъ, что произошло, своему любовнику.

Любовникъ взглянулъ еще разъ на печь да и говоритъ.

— Вотъ что, милая: сведи-ка ты и меня къ тому чудному дереву, да попросимъ мы съ тобою Николу Дуплинскаго чтобъ онъ сдѣлалъ насъ богатыми; тогда мы съ тобой будемъ жить да поживать, да добра наживать.

Старуха охотно согласилась, живо собралась и они пошли въ лѣсъ. А старикъ, какъ будто и на самомъ дѣлѣ ничего не слышитъ и не видитъ: знай себѣ лежитъ на печкѣ.

„Они пошли въ лѣсъ.“ Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Но лишь только старуха вмѣстѣ съ любовникомъ вышла изъ избы старикъ тотчасъ-же спрыгнулъ съ печи, живо одѣлся и бѣгомъ пустился бѣжать окольною дорогою къ тому дуплу, куда направилась и его жена со своимъ любовникомъ.

Прибѣжавъ въ лѣсъ впередъ ихъ, онъ быстро влѣзъ на осину и запрятался опять въ дупло, ожидая тамъ прихода жены съ ея милымъ, которые тоже пришли туда въ скоромъ-же времени.

— Видишь этотъ крестъ? — указала старуха своему любовнику. — Ему надо молиться, — наставительно добавила она.

И вотъ они вмѣстѣ стали передъ осиной и давай молиться и просить мнимаго чудотворца о богатствѣ:

— Батюшко, Никола Дуплинскій! будь милостивъ: сдѣлай насъ богатымъ и знатными.

А старикъ изъ дупла и говоритъ имъ:

— Вы теперь идите домой, старика уже нѣтъ въ живыхъ: онъ умеръ и тѣло его унесли съ собой духи. Вы возьмите большую бочку, что изъ подъ муки, поставьте ее сверху дномъ и сами влѣзьте подъ нее. Сидите до тихъ поръ, пока не услышите на сараѣ стукъ. Вы не шевелитесь. Отворится дверь въ избу, войдетъ человѣкъ, принесетъ вамъ лукошко золота, поставитъ на дно бочки и будетъ спрашивать у васъ три раза кое-что. Вы должны говорить ему правду, а не то все ваше золото пропало.

Этими словами старикъ закончилъ свое наставленіе и любовники пошли домой, а онъ остался пока въ дуплѣ.

Какъ только вернулась старуха съ любовникомъ домой, тотчасъ принялась исполнять данное старикомъ изъ дупла наставленіе: принесла изъ подъ муки бочку, поставила ее кверху дномъ и затѣмъ вмѣстѣ съ любовникомъ она забралась подъ нее, и они стали ожидать, какъ и было сказано, прихода человѣка съ золотомъ.

Сидятъ они подъ бочкой и разсуждаютъ промежъ себя:

— Какъ ты думаешь, моя дорогая,— говоритъ любовникъ старухѣ,— я хочу сказать всю истинную правду, когда спроситъ меня тотъ человѣкъ, который придетъ къ намъ съ золотомъ?

— Конечно, надо говорить всю истину. Я тоже скажу ему одну только правду. Да чего намъ и стѣсняться: старика ужъ нѣтъ больше на свѣтѣ, а больше намъ нѣкого бояться. Получимъ обѣщанное золото и заживемъ съ тобой вдвоемъ припѣваючи.

Въ это время послышался на сараѣ стукъ.

— Тише,— сказалъ любовникъ старухѣ.

Та прижалась къ нему, обняла его руками за шею и шепнула:

— Вотъ теперь скоро мы поживемъ съ тобой богато!

Любовникъ ничего не отвѣтилъ ей на ея радость, а только поцѣловалъ ее.

Оставшійся-же въ лѣсу старикъ, спустя нѣкоторое время послѣ ухода оттуда его старухи съ ея любовникомъ, вылѣзъ изъ дупла, спустился на землю и пошелъ домой. Идетъ старикъ дорогою и думаетъ самъ про себя:

— Погоди-жъ ты у меня: я васъ теперь выучу! не будетъ и онъ у меня ходить на чужой сарай да ѣсть чужое сѣно!—

Съ этими сердитыми мыслями возвратился старикъ изъ лѣсу, пришелъ къ себѣ на сарай, взялъ тамъ два ведра съ водою, которыя здѣсь стояли на случай пожара, отворилъ въ избу двери, вошелъ въ нее и поставилъ ведро съ водой на бочку, подъ которой сидѣли старуха и любовникъ; потомъ, измѣнивъ голосъ свой на грубый, сталъ строго спрашивать ихъ:

— Вѣрно-ли, добрый мотодецъ, что люди про тебя говорятъ: будто ты старуху любишь?

— Вѣрно, - робко отвѣтилъ любовникъ.

— А вѣрно-ли, бабушка, что про тебя говорятъ, будто ты любишь добра молодца?

— Вѣрно—тоже робко отвѣчала старуха.

— Ну, скажите вы теперь оба вмѣстѣ: будете-ли вы любить другъ друга и впредъ?

Оба отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Теперь до смерти не разстанемся другъ съ другомъ.

— Ну, ладно, посидите немного, я принесу вамъ еще молодости.

И послѣ этого старикъ изъ избы вышелъ.

А старуха послѣ его ухода и говоритъ своему любовнику:

— Какъ хорошо намъ будетъ жить, когда мы будемъ оба молоды и богаты: тогда и люди не будутъ смѣяться надъ нами.

— Да,—согласился съ ней любовникъ.

И они стали съ нетерпѣніемъ ожидать молодости.

А старикъ между тѣмъ, войдя изъ избы и захвативъ на сараѣ котелокъ, пошелъ въ лѣсъ, разложилъ тамъ огонь и сталъ корюкать сѣру съ деревьевъ и класть ее въ котелъ. Наклавши его полный, онъ пошелъ опять домой, куда придя, тотчасъ поставилъ сѣру въ печурку, чтобъ она не остыла, а самъ сталъ опять спрашивать сидящихъ подъ бочкой.

— Нѣтъ-ли у васъ наверточки чтобы провернуть на днѣ дыру, чтобы пропустить къ вамъ молодость.

А старуха и говоритъ ему:

Вонъ тамъ, на передней стѣнѣ, въ щели.

Старикъ провертѣлъ дыру на днѣ бочки и сказалъ:

— Раздѣлите ваши головы и сидите смирно, сейчасъ помолодѣете.

Затѣмъ взявъ изъ печурки котелокъ съ теплою сѣрою, вылилъ ее на дно бочки.

Сѣра ручьемъ побѣжала имъ на головы и облѣпила ихъ всѣхъ. А они молчатъ и смирно ждутъ молодости. Такъ они просидѣли довольно долго и сѣра на нихъ совсѣмъ застыла.

Тогда старикъ вышелъ изъ избы и позвалъ сосѣдей. Когда тѣ пришли, то онъ сказалъ имъ:

„Я покажу вамъ честную парочку.“ Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

— Вы раньше говорили мнѣ про невѣрность моей старухи, и я не вѣрилъ вамъ, а вотъ теперь убѣдился въ этомъ на самомъ дѣлѣ. Вотъ теперь я покажу вамъ честную парочку и совѣтую впредь и вамъ такъ дѣлать.

Съ этими словами онъ составилъ ведра съ бочки и поднялъ самую бочку.

И сосѣди увидѣли старуху съ любовникомъ, сидѣвшихъ обняйшись въ ожиданіи молодости.

Парню стало совѣстно и онъ опрометью выбѣжалъ изъ избы, а старикъ принялся учить ремнемъ свою старуху.

Еврей винокуръ.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Разсказъ крестьянина.

Вознесенской волости, Вологодск. губ.

Одинъ еврей винокуръ разсказывалъ про себя, что онъ когда станетъ навеселивать первый тшанъ для спирта спускаетъ туда змѣинова яду, для этого

нарочно кормитъ змѣю цѣлый мѣсяцъ, послѣ чего змѣя вырыгиваетъ свой ядъ, который вымываетъ въ чашѣ. Когда все это переночуетъ, тогда еврей со своей бабой моютъ въ этомъ свое бѣлье и помои эти выливаютъ въ чанъ. Безъ этого ни одинъ винокуръ еврей не навеселиваетъ.

Въ другой разъ разсказывали про одного попа Вятской губерніи котельническаго уѣзда. У попа былъ работникъ онъ посылаетъ его по приходу

„**Поповъ работникъ.**" Рисунокъ художника Л. Злотникова.

звать на помощь рожь жать. Работникъ садится на коня верхомъ, идетъ къ рѣкѣ а за нимъ бѣжитъ человѣкъ въ догонку, поповъ работникъ переѣзжаетъ рѣку на плотѣ а человѣкъ за нимъ въ одинъ скачекъ перескочилъ рѣку. Работникъ объѣхалъ двѣ деревни позвалъ крестьянъ къ попу на помощь возвращается къ той же рѣкѣ, переѣзжаетъ рѣку на плотѣ, а человѣкъ тоже самое перескочилъ рѣку въ одинъ скокъ. Работникъ поповъ догадался щьте это за человѣкъ за нимъ бѣжитъ, понудлилъ свою лошадь и шьто есть силы поскакалъ въ село. Пріѣхавъ къ воротамъ не успѣлъ слись, какъ этотъ человѣкъ

схваталъ его и давай ись. Попъ выбѣжалъ, отворилъ ворота, гледитъ а переднимъ работникъ и лошадь мертвые а около ихъ лежитъ осиновое полѣно. На утре собрались помоцяна спрашиваютъ шьте съ лошадью и работникомъ приклюцилось. Попъ разсказалъ какъ дѣло было шьто кто то схватилъ работника и давай ись, прибѣжалъ онъ, а лошадь и работникъ уже мертвые и возлѣ ихъ осиновое полѣно. Тутъ одинъ изъ помочанъ и говоритъ попу вотъ шьто, батюшко, ономедни ты похоронилъ колдуна дакъ надо его осмотрѣть не онъ ли самой и есь колдунъ. Посмотрити могилу на могилѣ большая дыра. Этотъ помоченинъ который призналъ въ осиновомъ полѣнѣ колдуна, велѣлъ раскопать могилу и посмотрить есь ли шьте въ могилѣ. Раскопали мо-

Раскопали могилу открыли гробъ, въ гробу колдуна не оказалась.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

гилу открыли гробъ въ гробу колдуна не оказалось. Мужичекъ велѣлъ бросить осиновое полѣно въ гробъ шьте жо вдругъ въ гробу очутился тотъ самый колдунъ которова недавно хоронилъ попъ. Вдругъ является поповъ работникъ совершенно здоровой и баетъ попу батюшко проклени ты это ва колдуна. Попъ проклелъ колдуна могилу зарыли и помочане всѣ пошли жать. Послѣ обѣда попъ только шьте лекъ заснуть и видитъ во снѣ является къ нему этотъ колдунъ и гъворитъ ладно тебя научилъ работникъ меня проклести а то бы я въ 40 день весь твой приходъ передушилъ бы.

„Послѣ обѣда попъ только уснулъ и во снѣ является къ нему этотъ колдунъ."

Рисунокъ Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„Немытикъ“ (чертъ) задавилъ.

Дѣло случилось въ нашей деревнѣ на святкахъ; у нашего родственника жила гостья изъ другой деревни. Вотъ по одну ночь она сдѣлала примѣту легла спать неблагословясь на полати, одну ногу сунула въ хомутъ, а въ головы положила гребень да такъ и уснула. Многія изъ спавшихъ въ избѣ слышали сквозь сонъ что она сильно храпѣла. По утру встали хозяева, а эта гостья мертвая лежитъ испугались поѣхали за батюшкомъ, привезли его, а батюшкѣ что дѣлать когда она ужъ померла, а на шеѣ то у нея и знать какъ пять пальцевъ, а на горлѣ опухоль, ну и догадались, что ее немытикъ задавилъ.

„Поглумъ“

(Болѣзнь отъ нечистой силы).

Ѣхалъ я въ мясное воскресенье въ церковь къ обѣднѣ, вдругъ у меня заболѣла нога такъ сильно, что я закричалъ на голосъ — ногу причнуло къ брюху такъ и не разгибается—пріѣхалъ домой у меня еще хуже; четверо меня вынесли и рѣшили что это поглумъ. Надо идти къ знахаркѣ Лизаветѣ, ну послали сестру за водкой, купили водки поѣхали къ ворожеѣ. Наговорила ворожея на водку, мазали ею ногу и пилъ я эту водку, а лучше небыло, потомъ я спросилъ какой же наговоръ а вотъ читаютъ надъ водкой двѣнадцать разъ воскресную молитву, многимъ эти наговоры помогутъ, а мнѣ не помогло.

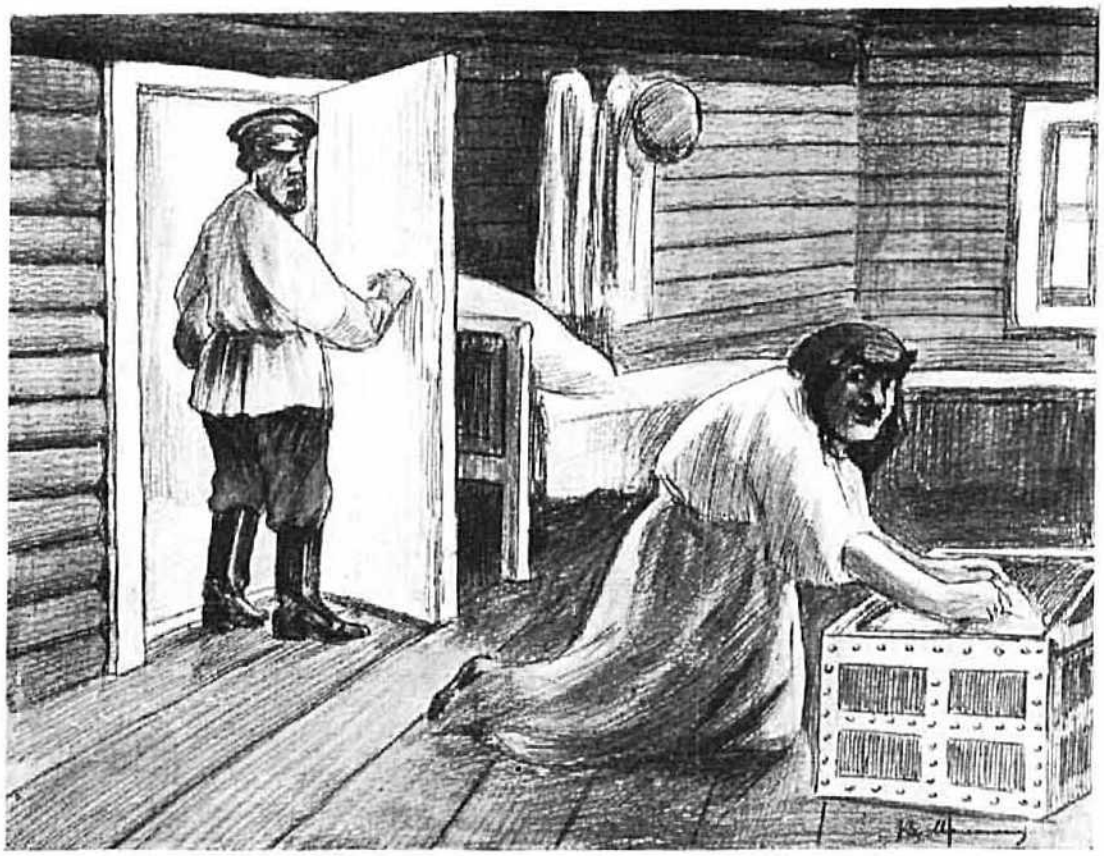
Поглумъ. (Болѣзнь отъ нечистой силы). Рисунокъ В. Малышева.

„Дворовой“ (Домовой).

Мой мужъ Михайло ушолъ подъ вечеръ на сходъ. Спустя время я пошла до вѣтру на мостъ, вдругъ онъ мимо меня туда и лупитъ (мочится), а я и говорю, что это Михайло отойди прочь вѣдъ мнѣ стыдно, а онъ хрюкнулъ, что бы я не испугалась и пошелъ къ лошади, у насъ то время была лошадь хорошая прехорошая, я такъ на мосту и немогла дождаться его, прихожу въ избу, а его еще съ сходу нѣту, тутъ ужъ я и догодалась что это былъ не онъ. Потомъ онъ приходитъ, а я ему объ видѣніи несказываю. Послѣ ужъ разсказала, а енъ и говоритъ: несказывай никому, а то не залюбитъ дворовой такъ у насъ и лошадь задавитъ.

Домовиха.

Я жила со своимъ мужемъ; дѣло было въ субботу. Я собралась въ баню и ушла мужъ остался дома; привычка у меня была такая: какъ только приду въ

„Домовиха.“ Рисунокъ художника В. Малышева.

баню, дверь въ предбанникъ сейчасъ открою и начинаю мыться. Когда я ушла, мужъ заходитъ въ спальню и видитъ что я у сундука и выбираю бѣлье онъ и слова не сказалъ мнѣ, а пошелъ въ баню; приходитъ и видитъ, что я моюсь на полкѣ, онъ такъ испугался, поблѣднѣлъ и побѣжалъ домой и спрашиваетъ у дочки: „гдѣ матка"—да что ты тятя вѣдь мама ушла въ баню—„какъ ушла, когда я пошолъ такъ она оставалась у сундука и выбирала бѣлье, а прихожу въ баню она тамъ моется". Конечно я была въ банѣ, а дома былъ мой двойникъ или домовиха въ моемъ образѣ. Послѣ за чаемъ мужъ подробно все разсказалъ, какъ онъ меня видѣлъ и прибавилъ: „вѣдь это не къ добру матка, ты часто хвораешь—какъ-бы не умереть". Но я слава Богу и теперь жива, а онъ только и пожилъ полъ года послѣ этого да и померъ.

Лѣсовой Дѣдко.

Нашъ пастухъ любилъ ходить въ лѣсъ за своимъ стадомъ съ гармоніей, усядется гдѣ нибудь и цѣлый день играетъ. Вотъ однажды подходитъ къ нему лѣсовой и говоритъ: „дайко пастушокъ твоей гармоніи поиграть, а пастушокъ:—„нѣтъ недамъ мнѣ самому нужно" — „такъ ты мнѣ сдѣлай такую-же гармонію какъ у тебя" — „ладно пойдемъ вонъ тамъ стоитъ большая береза я самъ тебѣ и сдѣлаю гармонію", подходятъ къ березѣ пастухъ и говоритъ: „ну подсовывая руки, а я буду рубить зту березу". Вотъ дѣдушка лѣсовой подсунулъ руки, хрясь береза только руки затрещали у дѣдка; пастухъ убѣжалъ. Приходитъ лѣсовиха на дѣдкинъ крикъ: „что такое съ тобой случилось, кто тебя обидѣлъ". „Самъ" да какъ зто самъ, да какъ ты уронилъ эту березу. Да самъ хотѣлъ сдѣлать изъ нее гармонію,—уронилъ да руку себѣ и отдавилъ". Такъ вотъ какой пастухъ-то у насъ хитрый былъ—самого бѣса обманулъ.

Лѣсовой-Людоѣдъ.

Сама-то ужъ я теперь стара, а мнѣ бабушка покойница разсказывала, что въ ее время около насъ стояли большія лѣса. Въ одномъ лѣсу жилъ караульный съ женой, самъ куда-то отлучился на долго, оставивъ ее беременной скоро она принесла дѣвочку, а крестить ее некому. Вдругъ навернулся какой-то незнакомый старикъ, она его и позвала въ божатки (крестный отецъ) и тутъ-же окрестили. Прощаясь съ женщиной старикъ сказалъ гдѣ живетъ и какъ его найти. Дѣвочка

сдѣлалась подросткомъ и стала спрашивать мать: „гдѣ живетъ мой божатушко“. Мать отвѣчаетъ: „что онъ живетъ далеко и тебѣ его ненайти“, дѣвочка настойчиво запросилась къ нему мать ей разсказала дорогу и отпустила. Шла дѣвочка долго попадается ей на встрѣчу обозъ весь бѣлый: лошади бѣлыя, телѣги, кладь и извощики—все бѣлыя. Она спрашиваетъ „откуда вы ѣдите“. „Мы ѣдемъ отъ твоего божатки съ кладью и разстались, приходитъ она наконецъ въ большой лѣсъ и видитъ стоитъ домъ ея крестнаго отца; приближается къ дому и видитъ что дверь приперта человѣческой ногой. Отворивъ дверь входитъ въ домъ—никого нѣтъ, бросается ей въ глаза чанъ, полный кровью, смотритъ на печку—тамъ подвѣшены голова и руки человѣческія, заглядываетъ въ голбецъ и видитъ тамъ брюшину и кишки осматриваетъ въ печкѣ и замѣчаетъ, что тамъ жарятся въ плошкѣ женскія титьки. Вдругъ входитъ крестный, дѣвочка обращается къ нему: „здравствуй божатушко“—„здорово крестница“—„а я безъ тебя все высмотрѣла въ домѣ“—ну и ладно“ говоритъ старикъ.—„А для чего это у тебя божатушко нога у двери“. Онъ отвѣчаетъ: „это у меня золотой замочикъ“—„а голова и руки на печкѣ“—„это вялиться говядина“—„а брюшина въ голдцѣ“—„это солонина къ лѣту“—„а кровь въ чану“—„это квасокъ“—„а титьки въ печкѣ зачѣмъ“—„а это жаркое мнѣ на обѣдъ,—не хочешь-ли и ты поѣсть, она согласилась. Онъ вынулъ изъ печки маркое и стали ѣсть, она осторожно, а онъ съ жадностью хватать началъ; окончивъ титьки, а потомъ тутъ-же за столомъ съѣлъ и свою крестницу. Гораздо любилъ молодое женское тѣло старый дѣдко лѣсовой.

„Лѣсовая свадьба." Рисунокъ В. Малышева.

Свадебный поѣздъ лѣсовыхъ.

Разъ мою мамку позвали на свадьбу верстъ за 10, а время было позднѣе идти не близко, а семейные то и говорятъ: „какъ ты мамка пойдешь—смотри не попадись на лѣсовую свадьбу"—„ну такъ что и попадусь за то и нагляжусь". Только она отошла версты три вдругъ слышитъ такой шумъ, гамъ и свистъ, она и догадалась, что ѣдетъ лѣсовая свадьба, гоготанье и голденье все ближе и ближе; вдругъ поднялся вихрь и ее головой-то въ канаву чубырахъ и стоитъ она на головѣ, платье все спустилось, а ноги голыя къ верху; хохотъ и гамъ усилился и сталъ затихать. Она встала на ноги, а они ужъ проѣхали—такъ ей и не удалось увидать свадьбу лѣсоваго дѣдушки—они только подшутили надъ ней. Она очень испугалась, и прибѣжавши на званую свадьбу только и говоритъ: „натеко посмотрите есть-ли у меня сердце-то. Смотрятъ, а у ней сердце-то такъ и прядаетъ.

На родахъ у лѣсовихи.

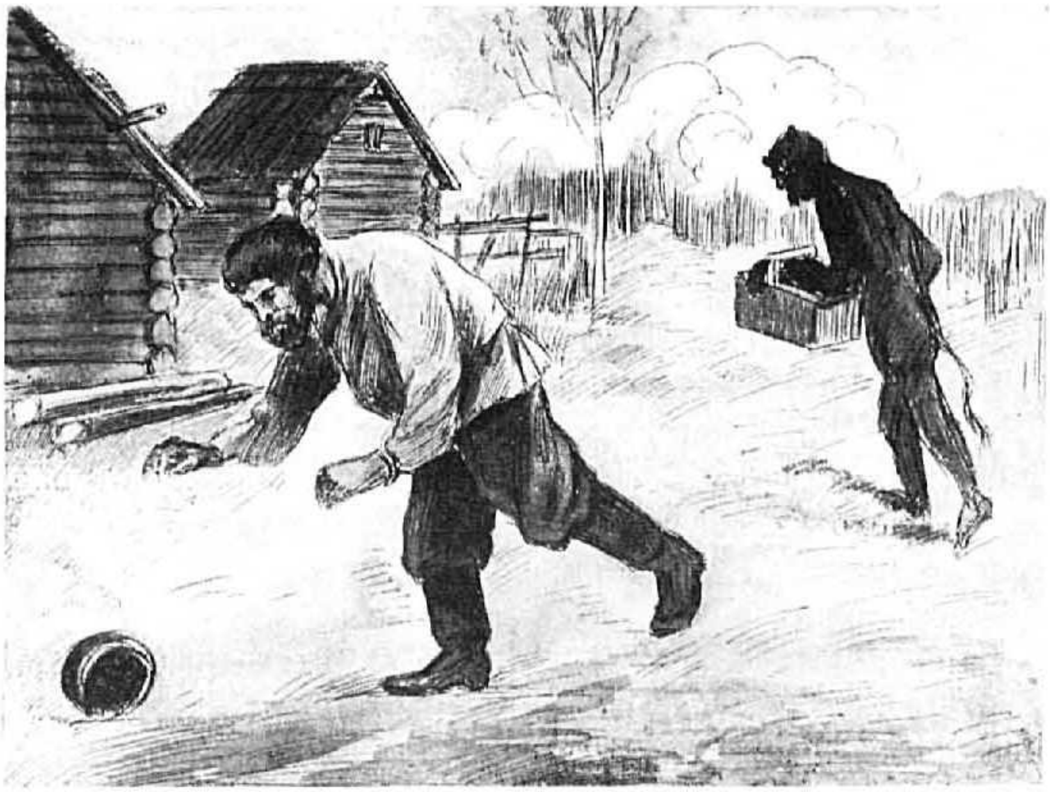
Однажды нашей старухѣ-повитухѣ Бузаковской (деревня) захотѣлось въ гости, „чтобы пріѣхали поменя въ гости— хоть съ Перекладнаго ручья“ (находится въ большомъ лѣсу это урочище. Вдругъ подъѣзжаютъ, входятъ и кажется ей сосѣдомъ, „сбирайся“ говоритъ на спѣхъ въ гости. Она собралась и поѣхала да все упирается и баетъ: „да не поѣду, да не поѣду“. Пріѣхали къ Перекладнему, довезли къ хорошему дому; она вошла въ избу—онъ лежитъ рожонка у порога, она принялась и обабила ребенка; рожонка змолилась что обабила, спасиба говоритъ бабушка. Стала собираться назадъ, а мужикъ-то лѣсовой набивается ей съ деньгамъ — она взяла, ну онъ взялъ да домой ее назадъ и отвезъ. Все говорятъ что какъ у нихъ за это дѣло возьмешь деньги, такъ назадъ и неворотишся—обратятъ въ вѣчнаго и подневольнаго слугу.

Въ гостяхъ у лѣсового.

Нашъ дѣдушка Петръ и сосѣдъ Алексѣй Лысановъ были въ гостяхъ въ с. Кисовѣ на праздникѣ—выпили тамъ изрядно, а Лысановъ славился какъ хорошій охотникъ, знающій заговоры. Ну идя домой дѣдушка Петръ и говорить: „какъ бы мы еще хорошо погуляли— жалко что рано домой пошли“, а Алексѣй то Лысановъ и предлагаетъ: „хочешь зайдемъ къ лѣсовому дѣдушкѣ въ гости“ — „ладно зайдемъ“. Они очутились въ лѣсу у заброшенныхъ угольныхъ ямъ; видятъ стоитъ хорошій домъ, въ окнахъ свѣтъ; входятъ они въ домъ въ кухню и видятъ сидитъ тамъ старуха, а въ углу стоятъ два жернова. Старуха сердито спрашиваетъ: „что имъ надо. Не успѣли они отвѣтить какъ входитъ самъ дѣдушка лѣсовой и говоритъ: „ну замолчи, это они пришли ко мнѣ въ гости“ и обращается къ нимъ „ну милости просимъ садитесь“ нанесъ пива и вина, началъ ихъ угощать, пироговъ наставилъ; вотъ они тутъ гулять и начали пошумливать и робость прошла, а дѣдко лѣсовой и говоритъ: „ну полно—теперь отправляйтесь, чтобы васъ сейчасъ не было“. Они только спустились съ крыльца не стало ни дому ничего тѣже ямы которыя и раньше видѣли, такъ и пошли домой. Пришолъ нашъ дѣдушка домой и разсказываетъ намъ гдѣ они были въ гостяхъ и всему этому онъ очень дивился и убѣдился что Лысановъ знается съ лѣсовымъ дѣдушкомъ и что по милости его и ему Петру удалось побывать въ гостяхъ у лѣсоваго, а мы и говоримъ: что же вы мало погостили. „Да какъ гостить то, когда онъ насъ чуть не вытурилъ, а стеруха-то его и сразу не пускала насъ въ домъ, а онъ оказался добрымъ—не всегда же дѣвуется надъ людямъ“.

Лѣсовой воръ.

У насъ въ д. Чаевѣ Омельянъ Вонинъ шолъ изъ кузницы съ гвоздьемъ домой часовъ въ 7 вечера. Вдругъ дунулъ вѣтеръ — у него счилнуло шапку съ головы; онъ коробецъ съ гвоздьемъ поставилъ на землю, а шапка-то покатилась, онъ побѣжалъ за ней — шапку нашолъ, приходитъ на то мѣсто гдѣ поставилъ гвоздья въ корзинѣ — только мѣсто знать—корзинки съ гвоздьемъ то и нѣту; по всей деревнѣ искали — не могли найти и это приписали нечистой силѣ. Дядя этого Омельяна — Афанасій и говоритъ: „давай снимай крестъ съ шеи — я тебѣ не вѣрю что потерялись гвозди—можетъ быть ты куда нибудь ихъ снесъ и продалъ, я схожу съ твоимъ крестомъ къ ворожеѣ на деревню

„Лѣсовой надъ нимъ подшутилъ."   Рисунокъ художника В. Малышева.

Мартыново—она узнаетъ куда ето гвоздье дѣвались". Пошолъ, а ворожея и сказала: „счастливъ что гвоздье поставилъ, а то надъ самимъ бы что нибудь сдѣйствовало, какъ сойдешъ домой выходи на крыльцо когда солнце закатиться и слушайте съ правой стороны въ темномъ лѣсѣ какъ имутъ домъ окалачивать". Какъ въ то время въ которое у него потерялось гвоздье они и вышли и все слышатъ какъ во много, во много молотковъ домъ окалачиваютъ въ лѣсу, а Омельянъ въ ту пору пришолъ на бесѣду и все вылъ, да вылъ, — вишь его дядя ругаетъ гораздо за пропавшее гвоздье, а енъ развѣ виноватъ — лѣсовой надъ нимъ подшутилъ.

„Вольной“ (лѣсовой) Царь звѣрей.

Въ селѣ у Стараго Николы кабакъ то находился на отставѣ, т. е. не подалеку отъ села; въ то время былъ сидѣльцемъ покойный Забродинъ. Вотъ однажды къ нему кто-то входитъ въ кабакъ онъ думалъ, что повѣренный; „давай говоритъ четверть вина“, онъ подалъ ему, тотъ заразъ и высадилъ всю четверть и деньги на столъ положилъ, потомъ и говоритъ: „пойдемъ я тебѣ мелкую и крупную скотину покажу“,—они вышли за двери.—Забродинъ и увидалъ множество бѣлокъ, лисицъ, куницъ, зайцей, медвѣдей, волковъ какихъ какихъ и нѣту звѣрей, а потомъ онъ какъ свиснетъ и погналъ всѣхъ звѣрей въ лѣсъ, тутъ Забродинъ и догадался, что это былъ вольной, какъ извѣстно ему подвластные всѣ лѣсные звѣри.

На родахъ у водянихи.

Одинъ разъ ночью къ нашей деревенской бабушкѣ-повитухѣ подъѣзжаетъ кто-то и зоветъ ее съ собой, она думаетъ что куда нибудь на роды въ другую деревню. Сѣли и поѣхали, только она замѣчаетъ подъѣхали къ Карповскому озеру, которое отъ насъ не подалеку; остановились у проруби, провожатый и говоритъ полѣзай въ воду за мной, она нейдетъ упирается, онъ сердится: „и да чего нейдешь на что ты“ бабушка, ну она и пошла, какъ только въ воду ступила, та и очутилась на лѣстницѣ хорошей; вошла въ домъ, рожонка лежитъ въ углу; бабушинька, говоритъ обабь ты меня“ она и обабила. Самъ то водяной за труды денегъ тоже ей даетъ — она не взяла — пошла домой, а рожонка-то и говоритъ: „бабушинька какъ бы мнѣ-то домой попасть — вѣдь я руськая“, а ты возьми комкай ребенка-то, цѣлыя шесть недѣль комкай, ребенокъ-то покою водяному и не станетъ давать“. Ребенокъ то сталъ вячеть да вячеть, покою-то и не даетъ, онъ осердился да и говорить: „ступай ты окаянная домой со своимъ ребенкомъ“ она и ушла. Потомъ какъ-то заходила къ той бабушкѣ, которая у нея принимала и благодаритъ ее со слезамъ, что она научила ее отдѣлаться отъ водяного мужа.

Въ полѣ «приманило» (Причудилось).

Это было лѣтъ 15 тому назадъ, я была въ гостяхъ на родинѣ, пробыла тамъ цѣлый вечеръ; часовъ около 12 я собралась и поѣхала домой, мнѣ дали въ про-

вожатые работника Егора, ѣхать намъ было верстъ 7. Это было зимой на святкахъ, недоѣзжая до деревни версты полторы, вдругъ видимъ, что недалеко отъ насъ въ сторонѣ въ мелкомъ лѣсочкѣ разложенъ огонь и кругъ этого пожарка народъ — нѣсколько человѣкъ мы оба смотримъ въ ту сторону вдругъ видимъ что изъ лѣсу къ намъ катится какой-то игоръ величиною съ голову и какъ разъ лошадь наша запнулась объ этотъ игоръ и запуталась—мы видимъ что этотъ игоръ разсыпался въ огненныя искры; завертки у оглобель и саней какъ не бывало, будто кто ихъ нарочно обрубилъ, мы до такой степени оба съ работникомъ перепугались, не можемъ слова выговорить. Кой какъ одну завертку кушакомъ привязали, а другую оглоблю работникъ держалъ въ рукахъ, пока доѣхали до поля, тутъ ужъ кое какъ черезседѣлешникомъ привязалъ и другую завертку и доѣхали до дер. Б.-Двора, а тутъ и перекрестились слава тебѣ Тебѣ Господи—рядомъ и нашъ домъ. Работнику наказывали только меня проводить, да сейчасъ-же вернуться назадъ, да гдѣ тутъ мы такъ испугались, (да хоть что дай такъ не пошолъ бы онъ домой ночью, я и наказала ему, что какъ завтра пойдешь домой то посмотрѣлъ бы на то мѣсто гдѣ вечеромъ видѣли раскладенный пажокъ и кругомъ его есть-ли слѣды вчерашнихъ людей, которыхъ мы видѣли или это было привидѣніе. Вотъ поутру идя домой онъ зашолъ и на то мѣсто гдѣ мы видѣли сидящихъ людей—нѣтъ никого и слѣда не оказалось, а на томъ мѣстѣ гдѣ споткнулась лошадь только и остался слѣдъ. Полагаю что надъ намъ подшутила нечистая сила „полевики“ грѣлись да говенькой въ насъ и пустили).

Овинникъ.

Не забыть мнѣ никогда какъ я разъ испугалась. Шла я это изъ поля домой невдалекѣ отъ своего овина, вижу мой мужъ тамъ работаетъ — вѣетъ ворохъ. Прихожу домой, а онъ сидитъ за столомъ и закусываетъ, я такъ и обмерла, едва опомнилась да и говорю: „батько, батько, я сейчасъ видѣла тебя работающимъ въ овинѣ“—„ну вотъ, что ты баешь, я дома какъ видишь, а пришолъ давненько“, кого видѣла такъ объ этомъ не калякай, это вѣрно нашей работѣ овинникъ молъ помогаетъ—худо бы не случилось“. А потомъ благодаря Бога бѣды никакой не сѣло.

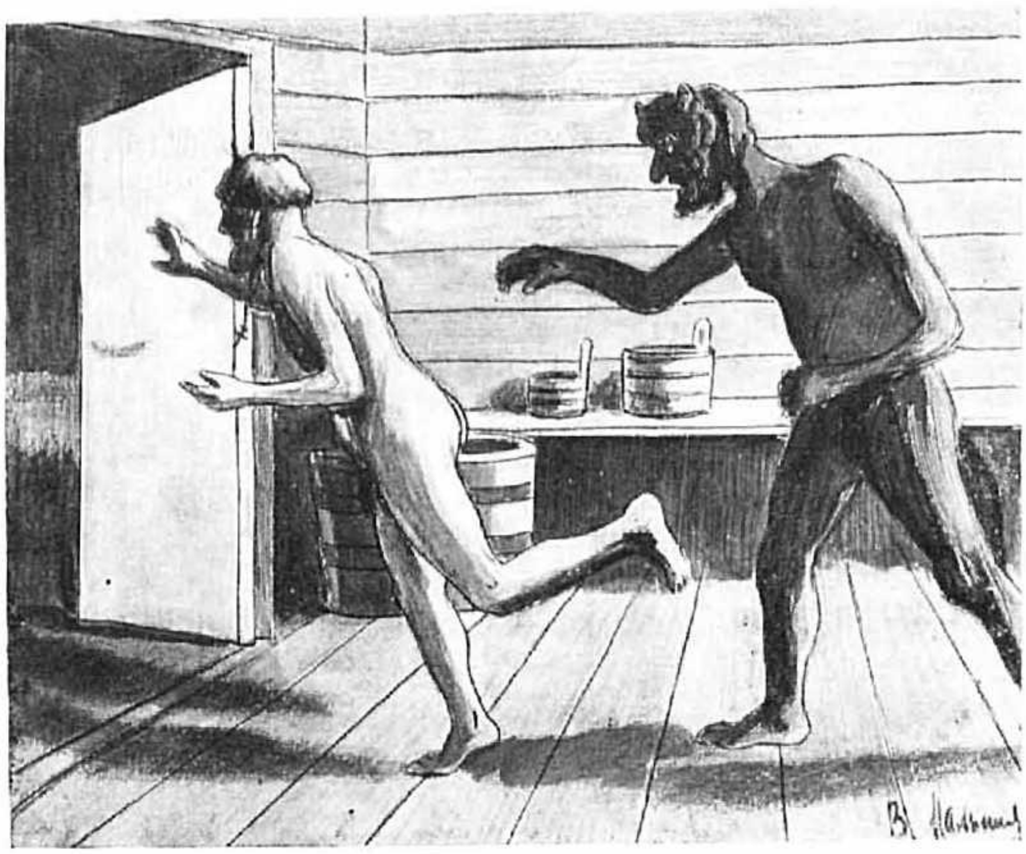
Кликуша.

У насъ въ селѣ Муравьевѣ жилъ крестьянинъ съ женой и дочкой и былъ такой матершинникъ и сквернословъ, что и на свѣтѣ не видно. Въ одинъ день

внезапно налетѣла черная туча, а дочка въ это время отдыхала въ пологу, жена и говоритъ своему мужу: „побуди ты дочку, а то она пожалуй испугается, а онъ началъ сквернословить на чемъ свѣтъ стоитъ, и принялся косарить матку и дочку. Вдругъ разразилась страшная буря, дочь испугалась, выскочила изъ полога, прибѣжала въ избу и давай богохульничать и сквернословить еще пуще отца,—значитъ въ нее вселился нечистый духъ. Ходили по многимъ монастырямъ съ ней, а пользы не было—все бьется о полъ да ругается. Спустя долгое время одна старуха ворожея помогла—теперь слава Богу здорова.

Банникъ—«Манъ».

Въ баню-то ходить надо во время, а ежели безо время-то, такъ съ опасочкой и благословясь; въ особенности страшно ходить послѣ третьяго пара. Неподалеку отъ насъ въ д. Степановкѣ одна старушка пошла послѣ всѣхъ ночью въ баню одна, какъ тамъ случилось неизвѣстно, только ее нашли утромъ въ банѣ мертвою—видно манъ ее задавилъ. Послѣ прiѣзжалъ становой—далъ похоронную: „запарилась должно быть бабка", а не отъ пару эдакъ садится, а отъ нечистаго духа, который живетъ въ банѣ за каменкой.

(Банникъ). Бросился вонъ изъ бани. Рисунокъ художника В. Малышева.

Банникъ.

Пріѣхалъ я это разъ вечеромъ съ путины выпивши. Въ баню пришлось идти послѣ всѣхъ ночью одному. Пришолъ въ баню, раздѣлся и только началъ мыться вдругъ кто-то меня сзади облапилъ и говоритъ: „теперь ты нашъ" я оробѣлъ и едва проговорилъ: „нѣтъ еще не вашъ", взялся рукою за шейный крестъ и пролепеталъ: „Да воскреснетъ Богъ"... державши меня ослабили я вырвался и опрометью бросился вонъ изъ бани; такъ голый и прибѣжалъ домой; сердце изъ пару у меня зашлось и я не одинъ часъ лежалъ безъ языка; сроду такой страсти не видалъ.

Колокольный манъ.

Въ нашемъ селѣ жилъ мужичекъ съ дочкою дѣвицею, которая считалась полудурочкою и была гораздо-непріятна не опрятна, подъ носомъ у нея висѣли возгри. Вотъ онъ однажды зазвалъ къ себѣ швецовъ для починки и шитья платья; шили они нѣсколько дней. Въ одинъ изъ вечеровъ—швецы начали надъ дѣвушкой подшучивать и называли ее трусихой и между прочимъ сказали, что ей не сходить ночью на колокольню, она заспорила, что можетъ сходить и даже позвонить, они начали ее еще больше подзадоривать,—она съ досады одѣлась и ушла, было около половины ночи. Приходитъ сначала на кладбищѣ, а потомъ приближается къ колокольнѣ, входитъ на первую лѣстницу и видитъ кто то тамъ сидитъ въ колокольнѣ — луна отсвѣчивала; она думаетъ либо это манъ, а то и покойникъ и говоритъ: „пусти меня на колокольню", манъ отвѣчаетъ: „не пущу" она ему съ угрозою: „я съ тебя сорву красный колпакъ", сдернула съ него и побѣжала домой. Приходитъ въ свою избу и съ насмѣшкою обращается къ швецамъ: „нате поглядите я была на колокольнѣ и сорвала съ кого-то красный колпакъ". Швецы переглянулись между собой и сказали: „ай-да дѣвка, молодецъ". Вдругъ подъ окномъ раздается голосъ: „отдай мой красный колпакъ, отдай мой красный колпакъ"; швецы и хозяинъ стремглавъ бросились кто на печку, кто на палати и тамъ притаились и шепчутъ оттуда: „поди отдай дура колпакъ"; голосъ за окномъ опять повторяетъ: „отдай мой красный колпакъ". Дѣвушка рѣшилась вышла въ сѣни, потомъ на крыльцо и протянула руку съ колпакомъ; манъ схватилъ ее за руку она сильно вскрикнула и замолкла. Ночью ни отецъ ни швецы не смѣли выйти, а утромъ нашли ее мертвою около дома.

«Полувѣрцы».

Однажды шелъ покойный Степанъ Тюлюковъ изъ села Гришкина, дошолъ до угольной ямы, яма-то была высокая, ему захотѣлось помочиться, онъ повернулся да въ прiямокъ-то и выссался, а и выходитъ оттуда баба въ кумашникахъ — сарафанъ красной да и говоритъ: „счастливъ дядюшка что мужа при мнѣ нѣту, я на половинѣ дороги къ Соловецкомъ шла, да вотъ придется воротиться, потому, что ты меня обманилъ.“ Баба эта „полувѣрка“ была. Эти самые полувѣрцы происходятъ отъ дѣтей не крещенныхъ, и дѣтей проклятыхъ родителями или заблудившихся и погибшихъ въ лѣсу людей. Всѣ эти души подпадаютъ подъ власть нечистой силѣ и считаются существами средними между нечистыми духами и людьми. Полувѣрцы даже ходятъ въ церковь, молятся до Херувимской пѣсни, а потомъ уходятъ, послѣ Херувимской до причастнаго стиха опять стоятъ, а затѣмъ уходятъ и являются къ молебну, идутъ изъ церкви пятясь задомъ; различить ихъ: застегиваются на лѣвую сторону.

Ворожба по Крестамъ.

У насъ въ одномъ семействѣ было три снохи; вотъ однажды пропали деньги. Свекоръ подумалъ на снохъ и сталъ допытываться никоторая не повинилась. Онъ собрался идти къ ворожеѣ, которая узнавала по крестамъ, взялъ у всѣхъ трехъ снохъ кресты и отправился, Приходитъ къ ворожеѣ—разсказалъ ей про дѣло, она взяла у него кресты побормотала надъ ними что-то и на голтонѣ одного изъ крестовъ завязала узелокъ и отдала ему обратно сказавъ: „на возьми, одна изъ снохъ повинится.“ Пришолъ онъ домой и зажалъ всѣ три креста въ горсть, и говоритъ снохамъ: узнавайте свои кресты, каждая во свои и впялась, а та сноха у которой на крестѣ оказался узелокъ тутъ-же и провинилась: я говоритъ украла—простите.

Дѣтоубiйство наказанное змѣями.

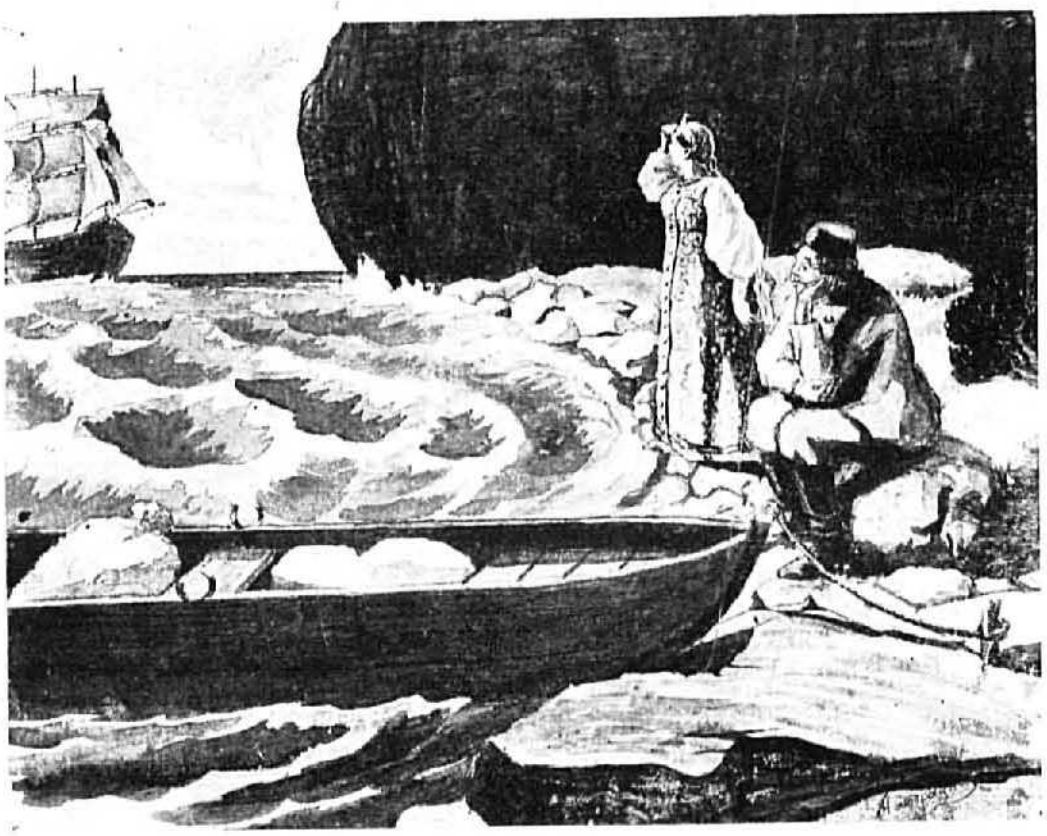
Въ одномъ селѣ жила дѣвушка, полюбила она парня и забеременѣла отъ него и начала скрывать это отъ всѣхъ. Когда пришло время, то она тайно родила живаго ребенка, снесла его въ лѣсъ и тамъ зарыла въ землю. Снова начала любить парня, черезъ нѣкоторое время почувствовала себя тяжелою: изъ стыда таилась ото всѣхъ, когда-же родила, то младенца снесла въ лѣсъ и на томъ-же мѣстѣ зарыла въ землю. Знакомство дѣвушки съ парнемъ продолжалась и она забременѣла въ третiй разъ, роды произошли тайно и опять она живаго ребенка отнесла въ лѣсъ и на томъ-же мѣстѣ зарыла въ землю. Только что

хотѣла идти домой, какъ почувствовала въ глазахъ темноту и ноги точно приросли къ землѣ, такъ что она не могла идти далѣе. Вдругъ слышитъ, что нѣчто живое, холодное начало скакать на шею и стало ползать по груди и по шеѣ. Зрѣніе у нея нѣсколько прояснилось и она ощупывая руками видитъ, что это ползаютъ три змѣя, двѣ изъ нихъ поползали по груди и присосались къ соскамъ грудей и начали высасывать молоко съ кровью, третья-же змѣя посо-

Наказанная дѣтоубіица. Рисунокъ В. Малышева.

валась посовалась и повѣсилась на шею, когда одна изъ змѣй насосалась и отпала, то начала сосать третья змѣя; когда они насытились то спокойно обвились во кругъ шеи и тогда получила возможность идти домой. Затѣмъ уже постоянно змѣи сосали у нея груди по нѣскольку разъ въ день; въ это время дѣвушка чувствовала смертельную тоску —это были невыносимые часы, потомъ змѣи укладывались во кругъ шеи спокойно, но отнять ихъ она никогда не могла и прикрывала ихъ платкомъ . . . Только въ банѣ они сваливались съ шеи, и пока она мыласъ, а они лежали на ея платьѣ. Покаялась она въ своемъ грѣхѣ людямъ и съ тѣхъ поръ давно уже ходитъ по монастырямъ, умаливая свой тяжкій грѣхъ и въ концѣ концовъ надѣясь на милосердіе Божіе.

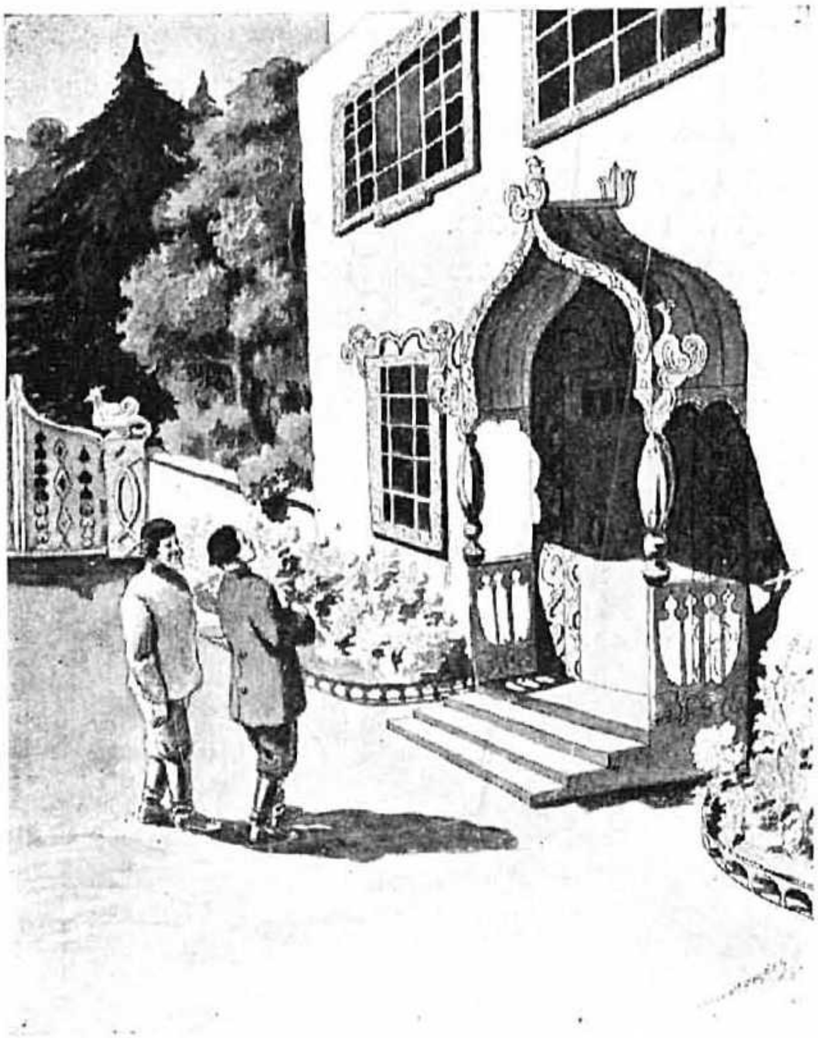
Два купеческихъ брата.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ въ одномъ городѣ жили два купеческихъ брата. Они занимались торговлей, ѣздили за моря въ далекія страны и обмѣнивали свои товары у купцовъ другихъ земель. Въ одно время поѣхали они съ товарами за море. Вдругъ судно ихъ остановилось и не можетъ сойти съ мѣста. На берегу стоялъ человѣкъ. „Нѣтъ-ли кого наняться въ работники!“ Одинъ изъ братьевъ согласился наняться въ работники за 1000 рублей въ годъ. Человѣкъ сходитъ съ горы, беретъ лодку и выводитъ съ корабля одного изъ братьевъ. Судно сошло съ мели и пошло дальше въ море. Незнакомецъ высадивъ купеческаго брата, приводитъ его въ свой домъ. Домъ у него былъ такой большой пребольшой и такой хорошій, что ни словомъ сказать, ни перомъ описать, ни въ сказкѣ выразить. Купеческій братъ, живетъ день, живетъ другой, живетъ недѣлю, живетъ мѣсяцъ и два, а все ему хозяинъ работы не даетъ; кормитъ же его такъ хорошо, что никогда онъ и дома не ѣдалъ и даже поитъ его разными заморскими винами. Въ одинъ день хозяинъ запрягаетъ въ коляску самолучшаго коня, а другаго привязываетъ сзади, но не такого хорошаго, а гораздо хуже. Работникъ и спрашиваетъ хозяина— для чего ты хозяинъ берешь другого коня худого? Хозяинъ отвѣчаетъ: вотъ увидишь. Проѣхали они нѣсколько времени, уви-

Человѣкъ подъѣзжаетъ на лодкѣ. Рисунокъ А. Полторацкой.

дали высокую гору, вершина которой касалась неба. Хозяинъ говоритъ: вотъ на этой горѣ часто видятъ привидѣнія. Они пріѣхали къ горѣ, выпрягли лошадь и стали отдыхать. Хозяинъ взялъ раньше изъ дому разныхъ винъ и закусокъ. Вотъ и говоритъ работнику: поѣшь хорошенько, да выпей стаканъ вина, а самъ влилъ туда сонныхъ капель. Времени намъ нечего терять, немного отдохнемъ и займемся дѣломъ. Когда работникъ выпилъ стаканъ вина, то сонъ началъ одолѣвать его. Онъ легъ и заснулъ крѣпко. Хозяинъ между тѣмъ зарѣзалъ худую лошадь, снялъ внутренности ея, положилъ вмѣсто нихъ спавшаго работника, а самъ отошелъ за кустъ и ожидаетъ что будетъ. Вдругъ налетѣли орлы, подхватили добычу и унесли на вершину горы и наѣвшись тамъ улетѣли въ свои гнѣзда. Работникъ просыпается и глазамъ своимъ не вѣритъ, что онъ на горѣ и какъ попалъ сюда. Посмотрѣлъ вокругъ себя, онъ увидѣлъ лошадиныя кости и говоритъ: „Господи, что со мною приключилось"? На горѣ онъ видитъ несмѣтное число золота и драгоцѣнныхъ камней. Онъ думаетъ: куда это все мнѣ, вѣдь я съ голоду помру и дикія птицы съѣдятъ меня. Вдругъ онъ услыхалъ человѣческій голосъ и узналъ голосъ своего хозяина, который говорилъ: бросай мнѣ подъ гору

Подходятъ къ роскошному дому, въ которомъ работникъ будетъ жить.

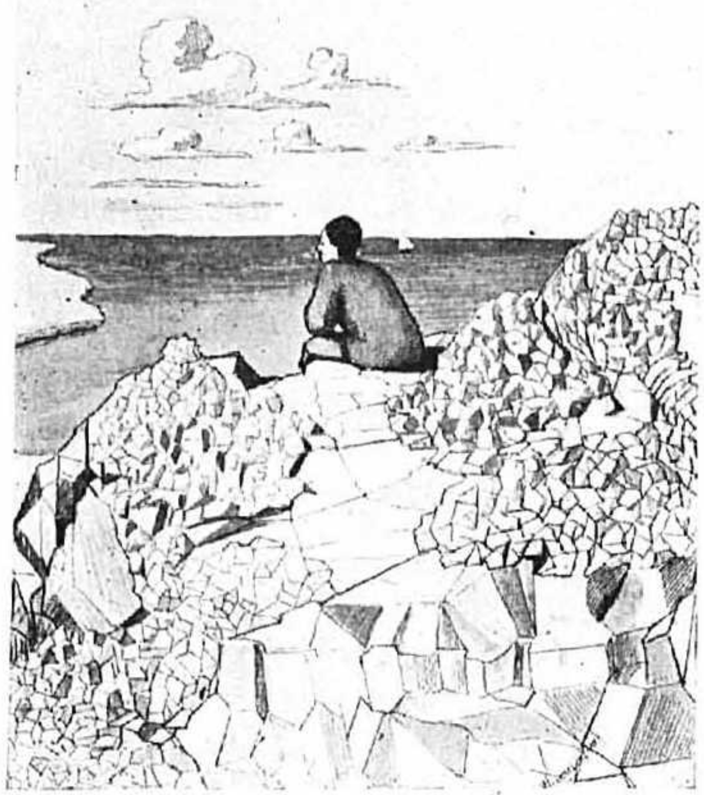
Рисунокъ А. Полторацкой.

Хозяинъ положилъ въ трупъ лошади имъ убитой работника и спрятался за кустъ ожидая, когда орлы подхватятъ лошадь и отнесутъ на гору.

Рисунокъ А. Полторацкой.

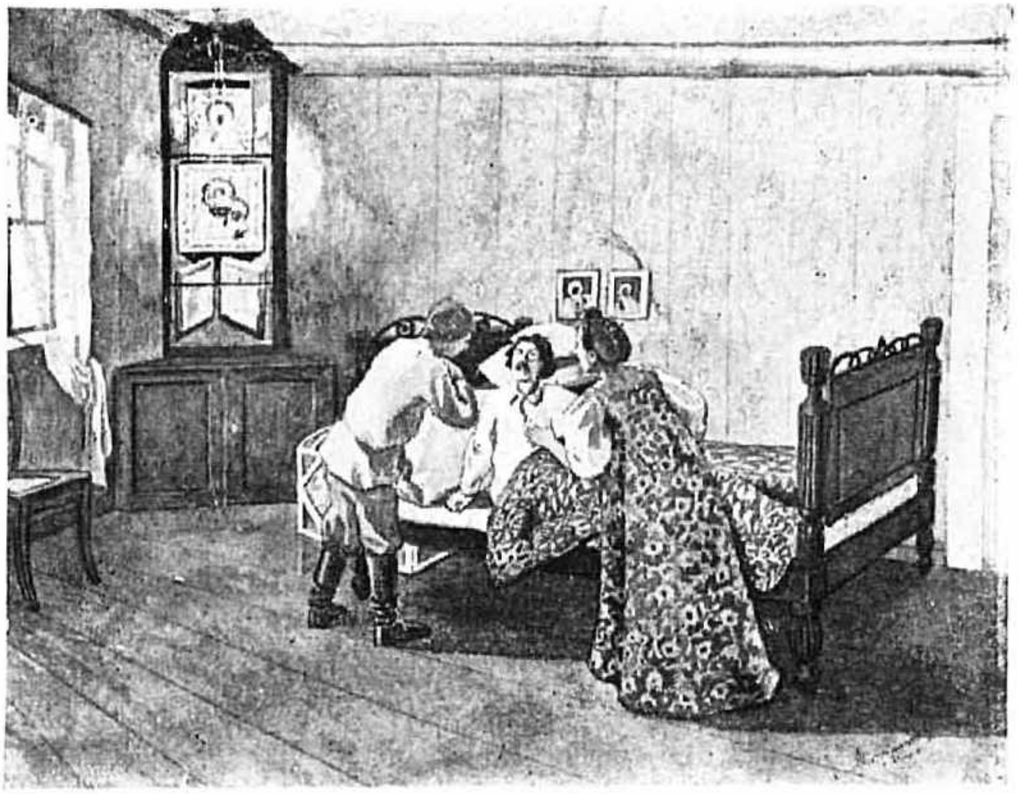
груду золота и драгоцѣнныхъ камней, а потомъ я тебя сниму. Какъ-же ты можешь меня снять, когда гора чуть не до неба? Не бойся работничекъ; велика твоя служба, но и я за тебя послужу, не оставлю на горѣ. Я тебѣ вѣдь говорилъ, что здѣсь есть привидѣнія и что мнѣ подвластна подземность; тутъ явятся люди снять тебя сейчасъ-же. Работникъ сбросилъ груду золота и камней и ожидаетъ какъ его будутъ снимать. Между тѣмъ хозяинъ, наклавъ все въ свою коляску, запрегъ лошадей и говоритъ своему работнику: ну спасибо добрый человѣкъ, не напрасно я тебя кормилъ и поилъ, оставайся тамъ, пей, ѣшь, веселись и помни, что я тебя наградилъ; у меня довольно такихъ молодцевъ положили своихъ костей и орловъ покормили. Онъ поѣхалъ домой. Вотъ проходитъ день, другой, а все еще работникъ сидитъ на горѣ и думаетъ: не умѣлъ я жить и богатѣть съ братомъ, а теперь

Работникъ на вершинѣ горы. Рисунокъ А. Полторацкой.

пришлось съ голоду помирать. Прошло нѣсколько времени, онъ захотѣлъ спать. Онъ взялъ въ руки три драгоцѣнныхъ камня, обошелъ съ ними три круга, обратился къ востоку и легъ спать. Во снѣ видитъ привидѣніе, будто-бы прилетѣла къ нему чудесная сила и уносила его на родину. Вдругъ онъ просыпается

и что же видитъ? Открываетъ глаза и видитъ, что онъ стоитъ дома возлѣ своей жены, а въ рукахъ оказывается золото и драгоцѣнные камни. Онъ глазамъ своимъ не вѣритъ, что дома братъ и жена уговариваютъ его, онъ почти съ

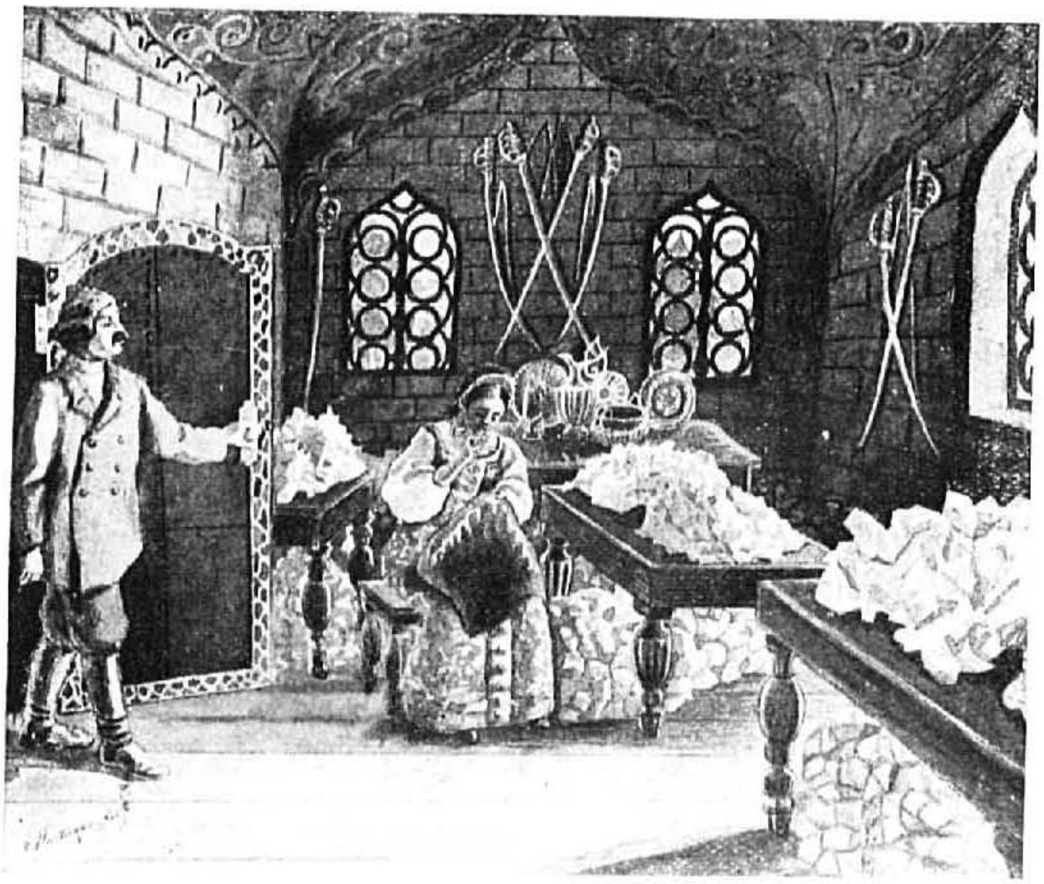

Во время сна вернувшиися домой не узнаетъ ни жены ни брата.

Рисунокъ А. Полторацкой.

ума сошелъ. Прошло нѣсколько дней, привезли лѣкарей и вылѣчили его Разсказалъ брату про случившееся и сталъ жить да поживать, да добра наживать. Живутъ они годъ, живутъ другой и позабыли про случившееся. Приходитъ лѣто и отправляются опять за море торговать. Справились и поѣхали. Ѣдутъ они день, ѣдутъ другой и видятъ на берегу моря огромную гору, а на той горѣ опять сидитъ человѣкъ и кричитъ кто-бы пожелалъ къ нему въ работу за 1000 рублей въ годъ. Тотъ братъ, который живалъ въ работникахъ, говоритъ: а что я опять пойду если тотъ-же хозяинъ; я его шельму проведу. Согласился и съѣхалъ на берегъ. Подъѣзжая къ берегу и видитъ тотъ же домъ и того же хозяина. Хозяинъ не призналъ его. Живетъ опять день, другой, мѣсяцъ и все дѣла нѣтъ; пьетъ и ѣстъ сытно, спитъ плотно, а самъ все думаетъ, какъ бы отомстить хозяину. Чрезъ нѣсколько времени хозяинъ уѣхалъ куда то по своимъ дѣламъ. Работникъ проводилъ хозяина и пошелъ осматривать хозяйскій домъ. Обходитъ его вокругъ. „Первый разъ“ сказалъ. Обходитъ его во второй разъ и сказалъ: „ну ну“. Обходитъ въ третій разъ и бросилъ камень на домъ. Потомъ входитъ въ домъ и видитъ въ стѣнѣ потаенную дверь, отворяетъ и вдругъ представилась глазамъ его удивительная картина: на полу лежатъ груды золота, по стѣнамъ сабли острыя, на столахъ груды камней драгоцѣнныхъ

а среди комнаты сидитъ красная дѣвица, шьетъ она золотомъ и плачетъ горючими слезами. Онъ говоритъ ей: красная дѣвица чья ты? Дому-ли хозяйка

Сидитъ красная дѣвица, шьетъ она золотомъ.

Рисунокъ А. Полторацкой.

или чужестранка? Она посмотрѣла на него и говоритъ: твой хозяинъ увезъ меня молча изъ моего дома и хочетъ на мнѣ жениться; вотъ уже три года какъ онъ все собираетъ эти драгоцѣнности и держитъ меня здѣсь въ стѣнахъ, не выпуская ни куда, старается уговорить меня и ослѣпить этимъ богатствомъ; я не соглашаюсь, но онъ хочетъ поступить насильно. Онъ простился съ ней и не говоря ни слова вышелъ изъ комнаты. Вечеромъ пріѣзжаетъ хозяинъ, поблагодарилъ его за сохраненіе комнатъ, отправился отдыхать. На другой день встали, поѣли, потомъ пошли осматривать дворъ. Ну, говоритъ хозяинъ, завтра пора и за работу. Вотъ поѣдемъ мы съ тобой къ высокой горѣ стрѣлять дичь, возьмемъ съ тобой разныхъ яствъ и напитковъ, чтобы было веселѣе. По утру запрягли хорошую лошадь въ карету, а другую худую взяли съ простою телѣгой, работникъ говоритъ: гдѣ же ружье хозяинъ? Вѣдь такъ то птицъ не поймать. Нѣтъ, другъ мой, у насъ тамъ есть подъ горой хижина, гдѣ все наобходимое· Ѣдутъ они часъ, другой; наконецъ пріѣзжаютъ къ высочайшей горѣ, у той горы въ ложбинѣ построена маленькая избушка. Ну, говоритъ хозяина; вотъ наше пристанише. Посмотри на эту гору; сколько тамъ дичи

а то вѣдь тамъ нужно ожидать, пока не слетитъ ниже. Вотъ и избушка; здѣсь и ружья и вообще все необходимое для охоты. Ну, слушай другъ мой, прежде чѣмъ заняться охотой, поѣдимъ и выпьемъ хорошенько, хозяинъ досталъ бутылку и наливаетъ стаканъ работнику, а самъ незамѣтно всыпаетъ туда порошекъ. Нѣтъ хозяинъ, говоритъ работникъ, сначала долженъ выпить самъ, а потомъ ужъ я. Дѣлать нечего, говоритъ хозяинъ, давай и я себѣ налью стаканъ. Когда хозяинъ налилъ стаканъ вина для себя и хотѣлъ пить, работникъ закричалъ: хозяинъ эвонъ кто летитъ. Хозяинъ оглянулся, а работникъ перемѣнилъ стаканы. Выпили они, по стакану. Ну теперь и вся дичь наша; давай и соснемъ немножко, а потомъ и за работу. Хозяинъ заснулъ крѣпкимъ сномъ,

Хозяинъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Рисунокъ А. Полторацкой.

работникъ между тѣмъ зарѣзалъ лошадь, снялъ внутренности, воткнулъ туда хозяина, зашилъ, а самъ легъ за кусты отдыхать. Прилетѣли орлы, подхватили добычу и улетѣли въ свои гнѣзда. Прошелъ день, другой проснулся хозяинъ и глазамъ своимъ не вѣритъ, удивляется какъ онъ попалъ на гору. Посмотрѣлъ вокругъ себя, видитъ несмѣтное количество золота и драгоцѣнныхъ камней. Вдругъ онъ услыхалъ голосъ работника: хозяинъ вставай", пора вставать, будетъ, поотдохнулъ, бросай золото и драгоцѣнные камни. Ну, добрый человѣкъ, отвѣчаетъ хозяинъ; изволь я тебѣ сейчасъ набросаю, сохрони только ихъ, когда перекладемъ вь карету; если ты и два раза, въ третій скажи „куна", иначе я не исполню твои желанія. Изволь,

отвѣчаетъ работникъ; все сдѣлаю, только ты будь вѣренъ своему слову. Хозяинъ набросалъ столько золота и драгоцѣнныхъ камней, что больше некуда было класть. Работникъ и говоритъ: ну довольно, я всего не могъ складть и оставляю тебѣ на свадьбу съ дѣвицей въ твоемъ домѣ; только съ играемъ свадьбу,—не то все пропадетъ. Ага, хозяинъ, не узналъ ты своего работника, сиди тамъ до марковкина заговѣнья, а тогда изъ тебя для орловъ хорошій столъ будетъ, запрегъ лошадь и уѣхалъ. Пріѣзжаетъ въ хозяйскій домъ, входитъ потайною дверью къ дѣвицѣ: я теперь хозяинъ, а намъ бывшій хозяинъ стрѣляетъ орловъ и соколовъ. Всѣ эти сокровища мы соберемъ и привеземъ домой; ты же, если хочешь быть женой моего брата, поѣдемъ на родину. Дѣвица согласилась. Они сложили всѣ драгоцѣнности, выѣхали на берегъ моря и увидали, что идетъ корабль. Стали они кричать, чтобы взяли ихъ съ собою. Корабельщики услыхали и перевезли на корабль. Корабль же былъ братній и возвращался изъ моря. Обрадовался и узнавъ о его житьѣ-бытьѣ, поблагодарилъ его. Когда увидалъ сокровища и невольно палъ брату на плеча и долго плакали оба. По прибытіи домой сыграли веселую свадьбу и стали жить, да поживать, да добра наживать.

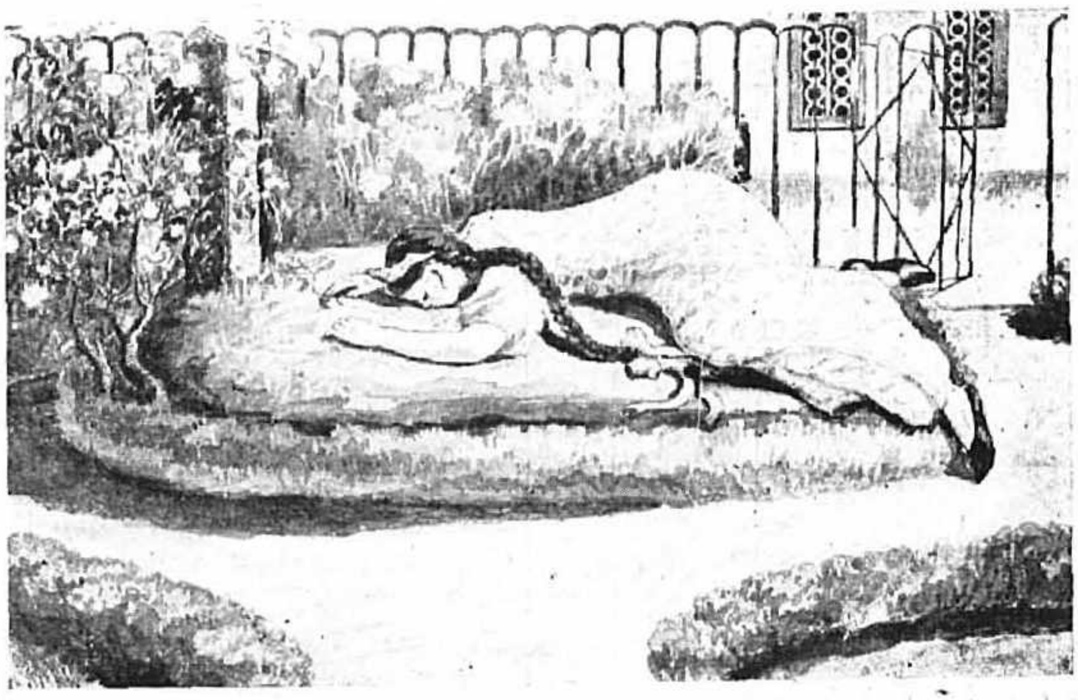
Марья царевна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили были царь да царица, а у нихъ была дочь красавица Марья царевна. Умерла мать, ее похоронили и стали жить, да поживать отецъ съ дочерью. Проходитъ годъ. Отецъ прельстясь красотою дочери и сталъ просить выйти за него замужъ. Дочь

Марья царевна на могилѣ матери.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Марья царевна проситъ мать заступиться.

Рисунокъ А. Полторацкой.

стала проситься на могилу матери и попросить благословенія. Приходитъ она на могилу, падаетъ на курганъ и говоритъ:

Матушка моя родимая;
Солнышко мое красное
Теплая запаручина,
Помоги родимая
Мнѣ въ моей бѣдѣ!

Отецъ зоветъ меня замужъ. Дай мнѣ благословеніе или прокляни меня. Мать отвѣчаетъ ей: проси отца, пусть онъ купитъ тебѣ золотой сарафанъ. Дочь пришла домой и выпросила у отца золотой сарафанъ. День живутъ, другой живутъ; опять царь сталъ просить руки дочери. Дочь опять выпросилась на могилу матери. Мать велѣла ей просить сарафанъ

Царь ухаживаетъ за дочерью. Рисунокъ А. Полторацкой.

серебряный. Отецъ купилъ ей сарафанъ серебряный. Живутъ день, живутъ другой. Отецъ въ третій разъ проситъ руки дочери. Дочь пошла на могилу, пала на землю и говоритъ:

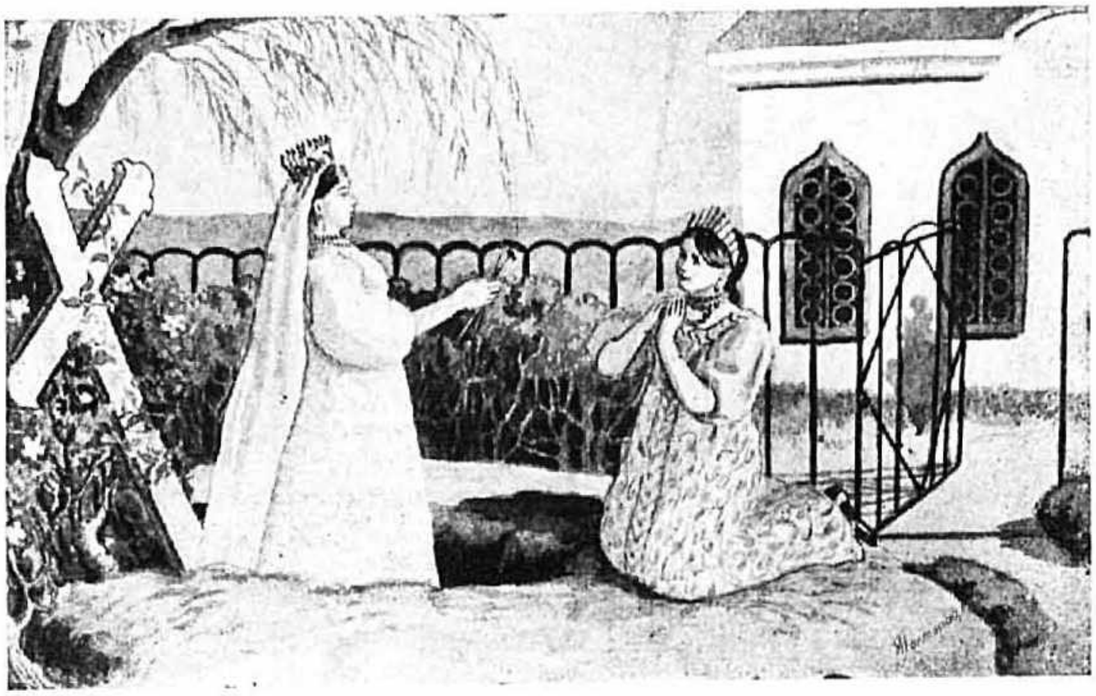
Разступись мать сыра земля,
Ты откройся гробова доска,
Развернись ты шелкова парча.
Ты встанька моя матушка,
Желанная моя кормилица,
Прими меня къ себѣ въ пазуху,
Ты согрѣйка меня солнышко,
У своей груди, у бѣлой груди,
Ты оставь теперь у себя меня
Ты не дай меня въ обидушку
Своему мужу, моему отцу,
Моему отцу, родимому батюшкѣ!

Мать отвѣчаетъ ей:

Ты желанная моя касатушка,
Ты золотая моя пташица,
Мнѣ принять тебя не можно,
Здѣсь въ могилѣ все враги сидятъ,
Все враги да разъяренные,
Они точатъ мою бѣлу грудь
Ни сосновый боръ разшумляется,
Гробовая доска раскрывается,
Отъ сна-смерти мать пробуждается
Своей дочери она наказъ даетъ:
Ты поди моя касатушка
Моя теплая запаручина

Къ своему родному отцу батюшкѣ
Ты поди скажи моя матушка,
Ты поклонъ земной отъ жены родной,
Чтобы онъ лихой не губилъ тебя,
Не губилъ тебя, да любилъ меня.

Мать распрощалась съ дочерью и дала ей двѣ палочки самофалочки для

Мать царица выходитъ изъ могилы и даетъ дочери двѣ чародѣйскія палочки.

Рисунокъ Полторацкой.

того, чтобъ какъ она пойдетъ гулять въ чистое поле, ударила-бы палочку объ палочку. Дочь приходитъ домой и проситъ у отца отдать свою волю подружкамъ въ чистомъ полѣ. Выходитъ въ полѣ, ударяетъ палочку объ палочку и являются у ней крылья, одно серебряное, другое золотое, а сама обращается въ голубучку и улетаетъ. Вотъ она летитъ день, летитъ другой и прилетаетъ въ другое царство. Въ этомъ царствѣ былъ у царя красивый сынъ Иванъ царевичъ. Прилетаетъ она на широкій дворъ и садится на точеный столбъ. Ивану царевичу случилось выйти на широкій дворъ. Увидѣвъ красавицу голубку, хотѣлъ поймать ее. Бросился на нее, схватилъ и отдалъ своимъ слугамъ на сохраненіе. Проходитъ нѣсколько времени, а голубка все живетъ еще у Ивана царевича. Въ одинъ день царь вздумалъ сдѣлать балъ и велѣлъ своимъ слугамъ напоить и накормить голубку какъ можно лучше и не выпускать никуда. Пришли слуги, чтобъ напоить и накормить голубку. Голубка и молвитъ имъ голосомъ:

Слуги мои, слуги вѣрные,
Вы царскіе послужницы.
Вы ночные караульщики,
Отпустите меня младую
Вочисто поле гулять,
Цареву балу видать.

Слуги услышавъ, что голубка говоритъ человѣческимъ голосомъ, выпустили ее на одинъ часъ. Она вспорхнула, вылетѣла на дворъ, садится на точеный

Царевна вышла въ чистое поле ударила палочкой о палочку и у нея выросли крылья.

Рисунокъ А. Полторацкой.

Иванъ Царевичъ поймалъ голубку.

Рисунокъ художника. Л. Альбрехтъ.

столбъ, колотитъ палочкой о палочку и превращается въ прекрасную Марью царевну. Проходитъ въ золотомъ своемъ сарафанѣ въ комнату и становится у печки. Всѣ царскіе гости встали и пригласили ее сѣсть за столъ. Марья царевна садится рядомъ съ Иваномъ царевичемъ. Иванъ царевичъ обронилъ за столомъ колечко. Марья царевна замѣтила это и подняла его. Во второй разъ Иванъ царевичъ обронилъ платокъ, Марья царевна подняла его, но Иванъ

Марья царевна подымаетъ платочекъ Ивана Царевича.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

царевичъ попросить его не смѣлъ, потому что не зналъ кто она такая. Когда гости начали разъѣзжаться, Марья цацевна вышла въ сѣни, ударила палочкой о палочку, превратилась въ голубку и полетѣла въ свою свѣтлицу. Иванъ царевичъ, возвратясь домой, спрашиваетъ слугъ не выпускали-ли голубку во дворъ. Слуги отказались и говорили, что не выпускали. Иванъ царевичъ приходитъ въ свѣтлицу и видитъ, что голубка пріуныла и вздумалъ ее выпустить. Голубка вспорхнула, вылетѣла во дворъ и обронила колечко, а потомъ платокъ и говоритъ Ивану царевичу, когда ты умѣлъ меня поймать, то умѣй и содержать, сама же ударилась о сырую землю и обратилась въ прекрасную Марью царевну, которой краше на свѣтѣ не было. Она на вѣчно полюбила Ивана царевича. Иванъ царевичъ беретъ ее за руку и ведетъ къ своимъ родителямъ. Всѣ, распросивъ ее чья она дочь, какихъ родителей, какъ въ ихъ царствѣ появилась, благословили ихъ. Иванъ царевичъ женился на Марьѣ царевнѣ. Онъ очень любилъ ее и они оба дожили до глубокой старости.

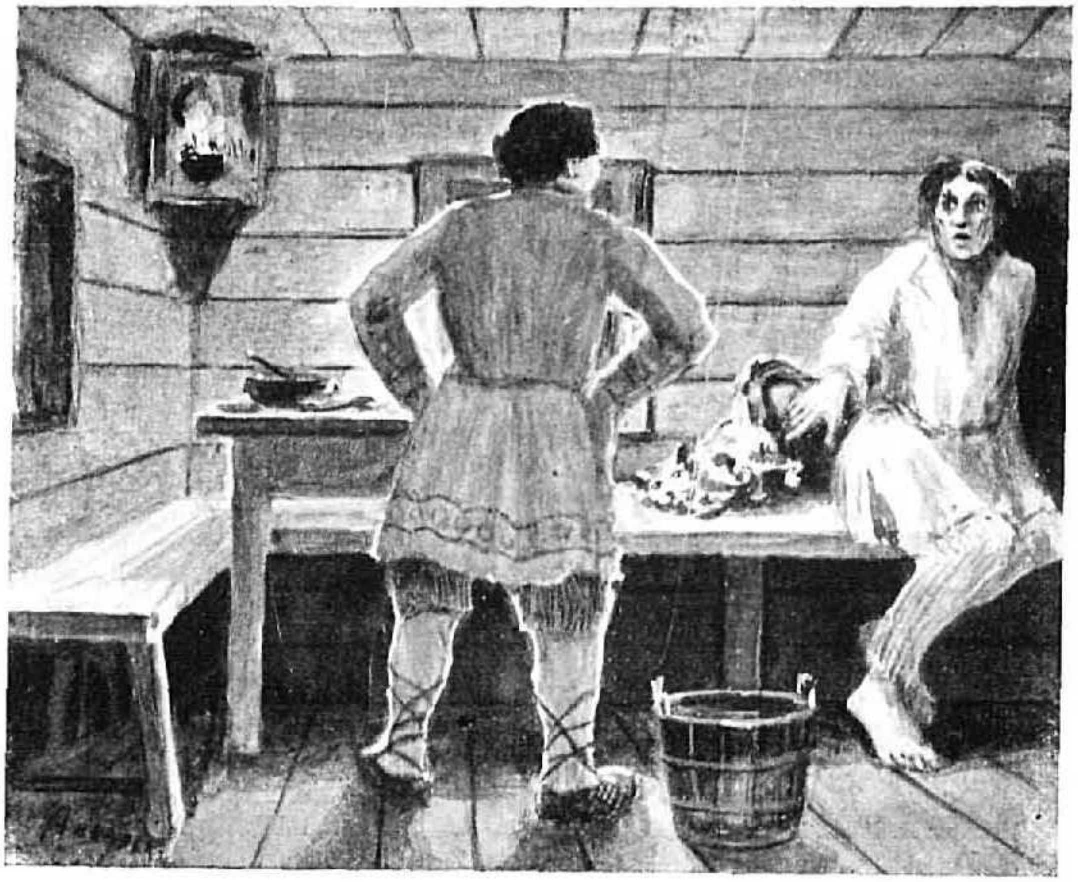
Бурлакъ.

Шелъ бурлакъ изъ Питера. Приходитъ вечеръ. Попросился онъ въ одной деревнѣ ночевать. Подходитъ къ одному дому стучится, хозяинъ услыхавъ стукъ, открылъ окно и спрашиваетъ: что тебѣ нужно прохожій человѣкъ. Пусти ночевать хозяинъ. Изволь, я пущу тебя, только вотъ съ какимъ условіемъ: я тебѣ

Пусти хозяинъ ночевать. Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ

загадаю три загадки, а ты ихъ разгадай. Если не разгадаешь, то за каждую загадку тебѣ по колотовкѣ. Бурлакъ подумалъ, подумалъ и согласился. Ну, говоритъ, три такъ три; вѣдь не на улицѣ же ночевать. Пришелъ въ домъ, сѣлъ на лавку. Ну, говоритъ хозяинъ, изволька выслушать три загадки и самъ вышелъ вонъ изъ избы. Вотъ идетъ онъ въ избу и несетъ ушатъ воды. Принесъ ушатъ и спрашиваетъ: эво, что? Вода, Врешь мошенникъ и бьетъ его по головѣ. Вотъ тебѣ и разъ за то, что не отгадалъ. Потомъ, немного погодя, приноситъ кошку. Ты мнѣ чего хозяинъ. Это вѣдь не загадка, но дѣлать нечего, сидитъ на лавкѣ и думаетъ—скажу кошка это. Хозаинъ положилъ кошку на лавку и говоритъ бурлаку: эво, что? Тотъ отвѣчаетъ—кошка. Вотъ тебѣ и опять колотовка. Наконецъ хозяинъ приноситъ огонь и показываетъ бурлаку, это что? Да что ты хозяинъ? Это вѣдь огонь. Ты вѣрно морочишь людей и хочешь меня обморочить, Хозяинъ и въ третій разъ билъ его по головѣ. Онъ говоритъ: ну дуракъ, слушай я тебѣ отгадаю. Бурлакъ сѣлъ къ лавкѣ поплотнѣе къ думаетъ. что

Хозяинъ положилъ кошку на лавку. Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Хозяинъ посмотри на свой домъ онъ горитъ. Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

еще дальше будетъ. Хозяинъ говоритъ: слушай. Вода—это благодать, кошка-чистота, а огонь-красота. Накормилъ, напоилъ мужика и спать повалилъ. Бурлакъ не спитъ, а думаетъ, какъ бы отомстить хозяину за три колотовки. Между тѣмъ хозяинъ рано по утру всталъ и ушелъ на гумно молотить. Бурлакъ взялъ кошку привязалъ къ хвосту головешку съ огнемъ, самъ же одѣлся, пошелъ въ сѣни и пустилъ кошку ни вышку и вышелъ за ворота. Идетъ онъ мимо гумна, гдѣ молотитъ хозяинъ. Вошелъ въ гумно и говоритъ: Богъ помочь хозяинъ! Спосибо, добрый человѣкъ. Ну, что и пошелъ? Да пошелъ. Да вотъ что, слушай-ка хозяинъ. Твоя красота подхватила чистоту и понесла на вышку и не достанетъ благодати, дыму не видать, хозяинъ посмотрѣлъ на свой домъ, а онъ горитъ.

Старикъ и злая жена.

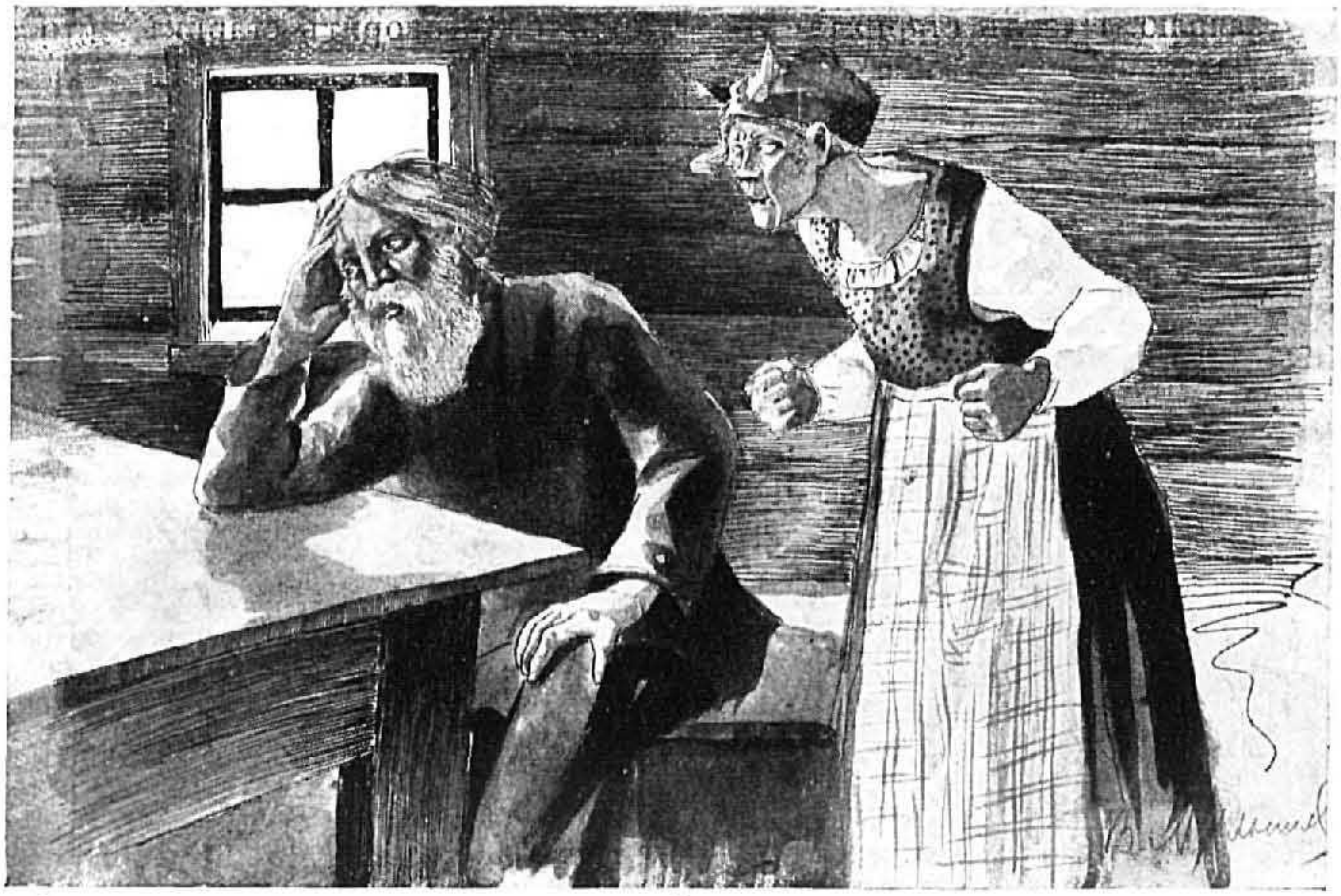
Жили да были старикъ со старухой. Старикъ былъ добрый и милостивый, а старуха злая презлая. Она бранила старика что онъ былъ милостивъ къ людямъ. Пошелъ однажды старикъ въ лѣсъ и думаетъ, какъ бы ему отъ старухи избавиться. Идетъ, а самъ все плачетъ. Попадается навстрѣчу мужикъ и спраши-

Старикъ плачетъ.

Рисунокъ художника В. Малышева.

ваетъ, что ты старикъ такой печальный. Да вотъ добрый человѣкъ, нѣтъ мнѣ житья отъ моей старухи, говоритъ старикъ. Когда я бываю дома она всячески меня ругаетъ, а когда въ лѣсъ или на работу пойду, то поѣсть не даетъ. Вотъ, что старичекъ, я вижу что ты добрый человѣкъ, горе твое я могу поправить.

Злая старуха. Рисунокъ художника В. Малышева.

Когда ты пойдешь въ лѣсъ, то говори старухѣ своей все напротивъ, что тебѣ нужно. Поблагодарилъ старикъ мужика и пошелъ домой. Пришелъ старикъ домой, старуха стала его бранить. Ну что же ты старуха худо бранишь? Я вотъ и не стану и замолчалъ. Сидитъ старикъ въ углу, а самъ ѣсть хочетъ и говоритъ: смотри: старуха; я сегодня ѣсть не хочу, столъ не накрывай и нечего не подавай. Старуха накрыла на столъ, налила щей, подала хлѣба и садитъ старика. Сѣлъ старикъ, а самъ говоритъ не стану я ѣсть. Старуха начала бранить старика. Поѣлъ старикъ, сѣлъ въ уголъ и думаетъ какъ бы извести старуху. Ложится старикъ спать и говоритъ старухѣ: я въ лѣсъ не пойду и ты пироговъ не пеки. Старуха разсердилась на старика и говоритъ ему: вотъ пойдешь, напеку пироговъ. Встала по утру старуха и напекла пироговъ, уложила въ корзинку и посылаетъ старика въ лѣсъ. Нечего дѣлать; взялъ старикъ корзинку съ пирогами и пошелъ въ лѣсъ. Пошелъ старикъ, а самъ пироги на колышки лѣпитъ. Пришелъ въ лѣсъ, положилъ въ силокъ рыбинку, вынувъ изъ силка тетеру. При-

шелъ домой и говоритъ старухѣ: я кладъ нашелъ; смотри, ты сама за нимъ не ходи и никому не говори, а то онъ тебѣ не покажется. Ахъ, ты такой сякой старый чертъ, веди меня въ лѣсъ и покажи, гдѣ ты нашелъ кладъ, а не то сейчасъ начальству заявлю. Павелъ старикъ старуху тою дорогой, гдѣ пироги на колышки были насажены. Увидала старуха и спрашиваетъ: что это пироги то на колышкахъ? Да вотъ говоритъ старикъ, пирожна туча, но чесь съѣла. Привелъ къ рѣкѣ и вынулъ изъ мережи тетеру. Потомъ пришелъ въ лѣсъ и вынулъ изъ силка рыбинку, а самъ сѣлъ. Посмотрѣла старуха и говоритъ: почему эта тетера попала въ рѣку, а рыба въ силокъ. Да отъ того, говоритъ старикъ, что кладъ то у насъ скрылся. Старуха раскричалась на старика, пойду къ становому. Пошла къ становому и пожаловалась на старика. Старика повели къ становому. Приходятъ.

Старикъ и старуха у станового Рисунокъ художника В. Малышева.

дятъ. Становой говоритъ: куда дѣвалъ кладъ? Никакого клада я не нашелъ Ваше Благородіе! какъ не нашелъ! говоритъ старуха. Помнишь, мы шли, а пирожная то туча была, въ рѣкѣ въ мережу тетерку изловилъ, а въ лѣсу изъ силка рыбу вынулъ. Видитъ становой, что старуха шальная и приказалъ ихъ выгнать. Пришли домой. Старуха заѣла старика. Видитъ старикъ, что совсѣмъ нѣтъ житья отъ старухи. Пошелъ къ рѣкѣ и началъ чрезъ глубокое мѣсто гнилыя жердочки бросать. Побѣжала старуха искать муженька. Пришла къ рѣкѣ

и спрашиваетъ что ты тутъ дѣлаешь старый чертъ? Да вотъ говоритъ старикъ: завтра праздникъ въ той деревнѣ и я съ тобой по этому мостику пойду, а тебя на мостъ не возьму. Ахъ ты старый чортъ, говоритъ старуха и сама бросилась къ мостику. Говоритъ старикъ старухѣ, не ходи, потонешь! А вотъ пойду и пошла по мосточку. Не трясись старуха! А вотъ потрясусь и бултыхъ въ воду. Вотъ она захлебывается и все кричитъ, а вотъ потрясусь, да такъ и утонула. Пошелъ старикъ домой и началъ жить одинъ.

Воръ.

Былъ воръ во градѣ. Многіе этого вора знали и ничего у него не покупали. Случилось этому вору мимо деревни идти и вздумалось ему къ одному крестьянину зайти, Замѣтилъ воръ у крестьянина одну животинку, одну корову самую стельную, корову здорову. Задумалъ воръ какъ бы эту корову со

Иллюстр. къ сказкѣ „Воръ." Рисунокъ художника В. Малышева.

двора свести и хозяину хлопотъ не нанести. Черезъ часъ задумалъ спать, а черезъ нѣкоторое время вору вздумалось и встать. Пошелъ во дворъ, взялъ корову за рога и увелъ въ лѣсъ, а въ лѣсу къ дереву привязалъ. Прибѣжалъ обрат-

но, легъ спать и никто не могъ плутней его узнать. По утру встаетъ, хозяина *благодаритъ, что переночевать пустилъ.* Куда походишь братъ. Во ближайшій градъ. *Пойдемъ братъ вмѣстѣ во ближайшій* градъ; былъ хозяинъ тому и радъ. *Воръ хозяину и говоритъ: постой* братъ, здѣсь у меня въ деревнѣ за мужикомъ домъ есть, хотя не деньгами, а чѣмъ нибудь взялъ. Вдругъ воръ бѣжитъ *и корову тащитъ. Хозяинъ говоритъ:* воля твоя, а буренушка моя. Мало-ли есть, *похоже человѣкъ на человѣка, а не то, что скотина. Хозяинъ говоритъ* вору: куда хочешь положить ее, продать *или самъ держать.* Ну, братъ сведи и продай въ ближайшемъ градѣ. Свелъ *хозяинъ корову въ ближайшій* городъ продалъ и деньги отдалъ. Воръ его *благодаритъ.* двадцатью алтынама даритъ. Скоро домой, поетъ шагаетъ, а *жена его на дорогѣ съ* дѣтьми, встрѣчаетъ. Тятенька, тятенька у насъ дома *не здорово, пропала наша бурая корова!* Охъ дѣточки, воръ мошенникъ, обманулъ въ глазахъ и въ недавнихъ порахъ.

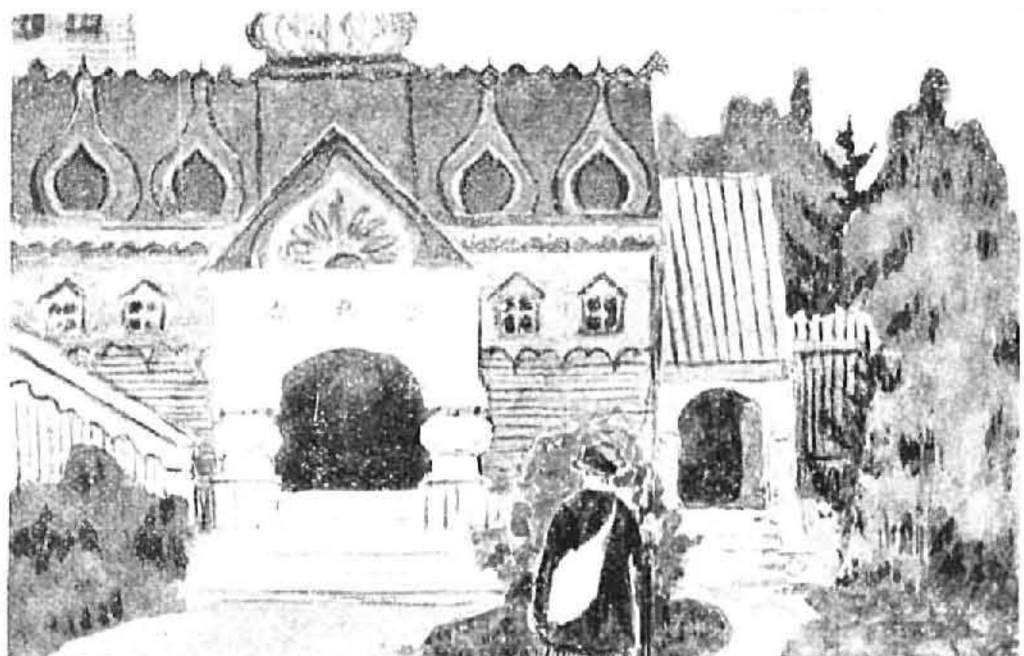
Незнайка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ давнымъ давно мужичекъ со своею женою. Дѣтей имъ Богъ долго не давалъ. Въ пожилыхъ лѣтахъ у нихъ родился сынъ весьма красивый. Когда онъ выросъ, то сталъ проситься у своихъ родителей благословить его по путешествовать по бѣлу свѣту. Родители, не желая разстаться съ единственнымъ сыномъ, отказали ему въ благословеніи и увольненіи. Онъ по страсти къ путешествію ушелъ отъ нихъ тайно ночью. Ночками шелъ онъ неизвѣстными дорогами и дошелъ до какого то царства. Подходя къ царскимъ конюшнямъ, бѣглецъ видитъ, что девять солдатъ стерегутъ царскаго коня, у котораго изъ глазъ искры сыплются, изо рта пламя машетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, шерсть на шеѣ, что серебро сіяетъ. Бѣглецу вздумалось какъ нибудь обмануть сторожей царскихъ и угнать отъ нихъ завиднаго коня. Онъ покупаетъ девять ведеръ вина и до безпамятства напаиваетъ сторожей. Во время ихъ сна онъ уводитъ коня въ лѣсъ, строитъ ему конюшню, а самъ отправляется въ городъ сбирать милостыню. Неоднократно ходилъ онъ и во дворецъ царскій. Въ одной царской комнатѣ жила младшая дочь царя Елена Прекрасная. Молодецъ прельстился ея красотой и задумалъ на ней жениться. Не зная съ чего начать дѣло, ѣдетъ онъ въ лѣсъ къ коню и проситъ его: помоги ты мнѣ любезный конь жениться на Еленѣ Прекрасной, я безъ нея жить не могу. Вотъ ты что вздумалъ, сказалъ конь, довольно это трудно сдѣлать. Я выплюну тебѣ сейчасъ нѣжное платье, вдѣнься въ него и ходи. Всякому встрѣчному отвѣчай — „не знаю“ и женишься на Еленѣ Прекрасной. Она стала спрашивать: кто онъ? откуда пришелъ? и получала одинъ отвѣтъ: „не знаю“. Ца-

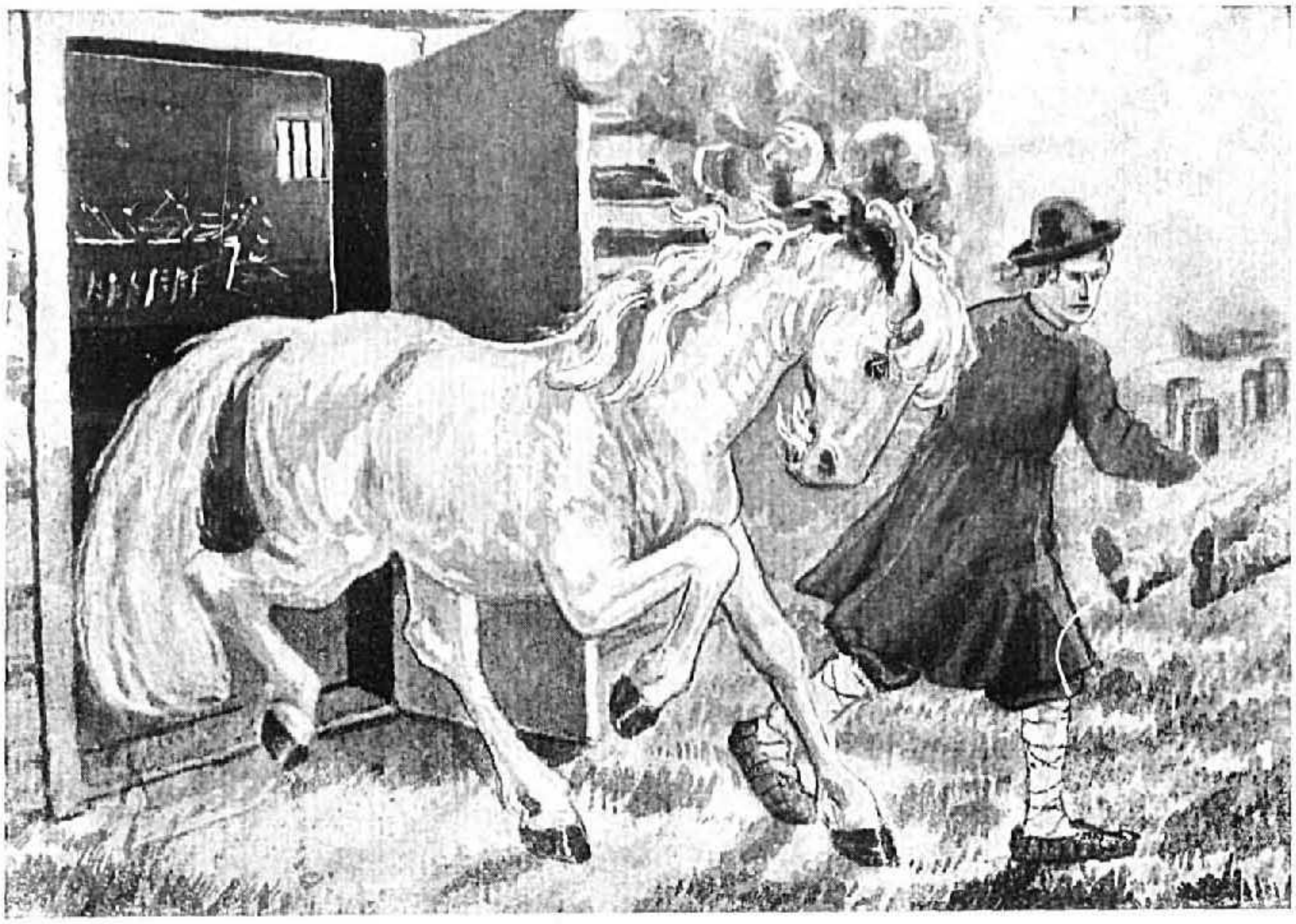
Незнайка. Онъ, по страсти къ путешествію ушелъ отъ нихъ тайно ночью.

Рисунокъ художника В. И. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

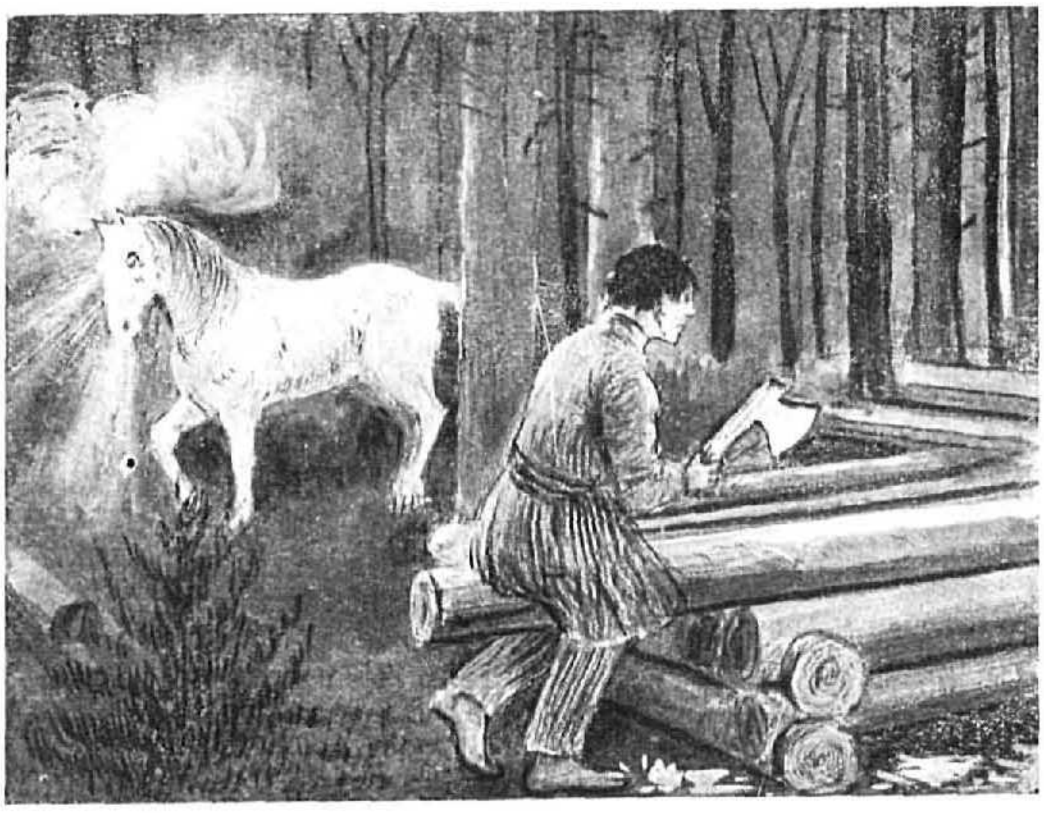
Незнайка у царскихъ конюшенъ.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Во время сна сторожей онъ уводитъ коня. Иллюстр. къ сказкѣ „Незнайка."

Рисунокъ художника В. Ткаченко.

„Незнайка строитъ конюшню."

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

ревна сказала про это чудо отцу. Отецъ велѣлъ провести его въ свои комнаты. Здѣсь всѣ предлогали ему разные вопросы и получали одинъ отвѣтъ — „не знаю". Къ ночи царь приказалъ Незнайку отвести въ садъ. Незнайка ночью снялъ нѣжныя платья, повредилъ въ саду всѣ деревья, многія съ корнями вырвалъ

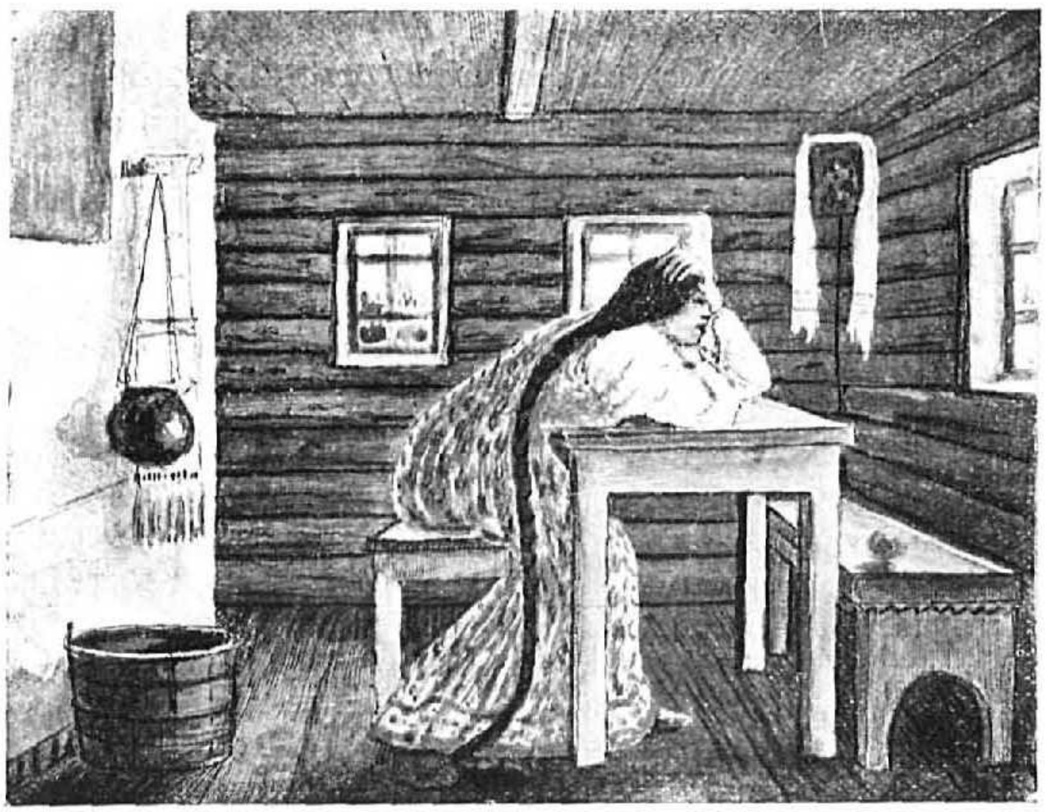
„Незнайка вырываетъ деревья." Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

изъ земли. По утру царь послалъ въ сада лакея посмотрѣть что дѣлаетъ Незнайка. Лакей осмотрѣвъ поврежденіе сада, доноситъ царю, что садъ весь испорченъ, деревья повреждены и многія даже съ корнями выдернуты изъ земли. Царь велѣлъ привезти проказника и объявилъ ему свой приговоръ: если ты Незнайка не исправишь сада въ слѣдующую ночь, не приведешь его въ прежнее положеніе, завтра же я прикажу тебѣ отрубить голову. Отвѣтомъ на это было одно заученное—„не знаю", что приводило въ замѣшательсто всѣхъ говорившихъ съ нимъ людей. Незнайку опять отвели въ садъ. Ночью онъ опять сходилъ къ коню и повѣдалъ ему о своей участи. Чародѣйственный конь мигомъ привелъ садъ въ другой видъ; онъ сдѣлалъ его вдевятеро плодовитѣе прежняго. Незнайка опять входитъ въ садъ и ходитъ въ немъ въ своихъ цвѣтныхъ платьяхъ. По утру царь посылаетъ слугу осмотрѣть садъ. Лакей находитъ садъ вдевятеро лучше прежняго и обо всемъ доноситъ царю. Незнайка заблаговременно набралъ виноградныхъ ягодъ, сносилъ къ коню, чтобы онъ наговорилъ на нихъ присушительныя слова. Этотъ виноградъ онъ посылаетъ къ Еленѣ Прекрасной. Та лишь только поѣла, тотчасъ почувствовала сильную любовь къ Незнайкѣ. Въ это время пріѣхалъ къ царю иностранный князь сватать Елену Пре-

Царь сильно разгнѣвался.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Царевна ни въ чемъ не находила утѣшенія.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Незнайка бросился на врага.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

красную. Царь хотѣлъ выдать за него дочь, но къ своему изумленію услыхалъ отъ нея рѣшительный отвѣтъ: любезный родитель, хоть убей меня, а я пойду взамужъ за Незнайку. Царь сильно разгнѣвался на Елену Прекрасную. Хотя онъ выдалъ ее за Незнайку, но приданнаго ей не далъ, кромѣ клубка шелковыхъ нитокъ; жить велѣлъ не въ дворцѣ, а въ грязной избушкѣ. Живя здѣсь въ крайней бѣдности, царевна ни въ чемъ не находила утѣшенія. Когда она хотѣла раздѣлить съ мужемъ горькую участь и хотѣла съ нимъ поговорить — получала одинъ отвѣтъ: „не знаю". Въ это время царю была объявлена война Нечистомъ духомъ, который шелъ на царство, чтобы взять въ плѣнъ дочерей царскихъ. Ихъ было трое и всѣ замужемъ. Всѣ онѣ отправились на войну со своими мужьями и только одна Елена Прекрасная отправилась на войну безъ мужа. Она звала его, но получила отказъ. Когда онѣ ушли изъ дворца, Незнайка снялъ нѣжныя платья, пошелъ къ коню, далъ ему ведро вина, мѣру пшеницы; самъ также выпилъ ведро, вошелъ коню въ правое ухо, вышелъ въ лѣвое и сдѣлался такимъ красавцемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать и отправился къ непріятелю. Когда онъ ѣхалъ на него, то увидѣлъ за 3 версты какъ пламя валитъ изъ ноздрей коня, дымъ столбомъ къ небу поднимается и какъ изъ глазъ коня искры сыплются. Налетѣлъ богатырь на демона, храбро бьетъ онъ непріятеля, а конь вороной топчетъ его копытами. Не по силамъ пришлось злому воителю. Онъ обратился въ бѣгство и уѣхалъ. Незнайка поворотилъ коня; только его и видѣли. Царь закричалъ держи, имай, какъ ужъ и слѣдъ простылъ и видно въ далекѣ какъ отъ лошади дымъ валитъ, точно облоко. Пріѣхалъ Незнайка къ своей конюшнѣ, сыпнулъ коню пшеницы, а самъ побѣжалъ въ дворцовую царскую избушку. Возвратились царедворцы домой и говорятъ чей такой былъ на войнѣ красавецъ; кабы завтра пріѣхалъ онъ и спасъ среднюю царевну, это бы диво было. Вечеромъ сдѣлалъ царь пиръ для старшей дочери. На пиру всѣ веселились. Призвали сюда для потѣхи Незнайку. Онъ ѣлъ пряники и конфекты и сбивалъ всѣхъ съ толку своимъ „не знаю". Елена Прекрасная плакала въ своей хижинѣ. На другой день царь опять пошелъ на непріятеля за среднюю дочь. Всѣ изъ дворца отправились на войну. Елена Прекрасная звала мужа, но получила отказъ и ушла одна. Между тѣмъ Незнайка пошелъ къ коню, выпилъ два ведра вина, коню далъ столько же. Зашелъ къ коню въ правое и вышелъ въ лѣвое ухо и сдѣлался красавцемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать и отправился на непріятеля. Когда онъ ѣхалъ войска за 6 верстъ увидѣли какъ пламя валитъ изъ ноздрей конскихъ, дымъ столбомъ къ небу поднимается и какъ изъ глазъ коня искры сыплются. Налетѣлъ богатырь на демона; храбро бьетъ онъ непріятеля, конь вдвойнѣ бьетъ его копытами. Не по силамъ пришлось злому воителю: онъ бросился въ бѣгство и ушелъ. Назнайка повернулъ коня; только его и видѣли. Царь закричалъ: держи, имай!, а его ужъ и слѣдъ простылъ, только видно было вдали, какъ дымъ отъ конскихъ ушей валитъ, точно облоко. Пріѣхалъ Незнайка къ своей конюшнѣ, оставилъ коня и побѣжалъ въ свою дворцовую избушку прежнимъ чучелой. Пришли царедворцы

домой и говорятъ: чей это такой былъ богатырь? Вотъ ужъ двухъ царевенъ спасъ! На вечерній пиръ для увеселенія гостей позвали и Незнайку. Онъ подбиралъ пряники и конфекты и сбивалъ съ толку всѣхъ своимъ „не знаю". На третій день пошелъ на непріятеля уже за третью дочь Елену Прекрасную. Всѣ изъ дворца отправились на войну. Видя, что изъ дворца всѣ ушли, Незнайка снялъ нѣжныя платья и пошелъ къ лошади. Далъ ей три ведра вина, самъ выпилъ столько же и по прежнему, войдя въ одно ухо и выйдя изъ другого, сдѣлался могучимъ и красивымъ богатыремъ. Когда онъ ѣхалъ, войска увидѣли его за 9 верстъ. Налетѣлъ богатырь прямо на демона. Въ три раза у него храбрости прибыло, а конь топталъ своими копытами. Вдругъ богатырь промахнулся и получилъ хорошую оплеушину; изъ раны у него кровь ручьемъ потекла. Елена Прекрасная подала ему единственный головной платочекъ. Онъ перевязалъ рану и съ ожесточеніемъ бросился на врага. Онъ съ такою силою бросился на противника,

Нечистый духъ. Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

что отъ удара его захрустѣли кости. Кости и брызги крови полетѣли по всему свѣту. Незнайка повернулъ коня и только его и видѣли. Царевна закричала „держи, имай; а его ужъ и слѣдъ простылъ, только и видно вдали, какъ отъ лошади дымъ столбомъ валитъ, точно облако. Пріѣхалъ Незнайка къ своей конюшнѣ, оставилъ здѣсь коня и побѣжалъ въ дворцовую царскую избушку прежнимъ чучелой. Возвращаются царедворцы и по прежнему хвалятъ богатыря. Елена царевна не плачетъ, не радуется. Чудовище лежитъ въ углу и твердитъ „не знаю". Онъ изъ прежняго платья оставилъ окровавленный платочекъ жены своей и часть козырька богатырской фуражки. Елена царевна замѣтила это. Когда она пота-

щила свой платокъ, Незнайка вдругъ встряхнулъ, нѣжныя платья съ него спали и онъ сдѣлался тѣмъ же самымъ богатыремъ, который бился за жизнь трехъ царевенъ. При его превращенiи изъ чучелы въ богатыря и сама хата сдѣлалась невиданнымъ дворцомъ. Въ немъ явилась золотая мебель, цвѣты и зеркала, царевна одѣта вь бархатъ, осыпанный бриллiантами. Она отъ испуга упала въ обморокъ. Мужъ потомъ привелъ ее въ чувство и послалъ ее звать отца и мать на пиръ. Зови, говоритъ, въ гости со слезами и не хвались своимъ счастьемъ, иначе меня только и видишь. Елена царевна три раза ходила звать своихъ родителей и каждый разъ получала одинъ отвѣтъ: чѣмъ ты будешь угощать насъ? Вѣдь у тебя нѣтъ ничего. Иди, любуйся своимъ Незнайкой. Наконецъ богатырь въ гнѣвѣ самъ зашелъ къ тестю и тещѣ, связалъ ихъ волосами вмѣстѣ и привелъ ихъ въ свои комнаты. Тѣ отъ удивленiя и страха готовы были сквозь землю провалиться. Зять разсказалъ гостямъ исторiю своей жизни, пречудно принялъ ихъ и отпустилъ съ великою радостiю. Царь хотѣлъ сдѣлать зятя царемъ, но онъ отказался отъ этой чести. Взялъ онъ жену, посадилъ ее на своего вѣрнаго коня, сѣлъ съ ней рядомъ и отправился къ

Незнайка со своей супругой возвращается на родину.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

своимъ родителямъ. Царь далъ за дочерью половину своего царства и имущества и отправилъ вслѣдъ за тѣмъ на девяти жеребцахъ. Молодые съѣхали въ деревню къ родителямъ и нашли ихъ въ преклонной старости. Всѣ они стали вмѣстѣ жить да быть, добра наживать и теперь живутъ.

Послѣдствія родительскаго проклятія.

(Разсказъ крест. Ивана Васил. Карасева).

Лѣтъ двадцать тому назадъ, у насъ въ селѣ Кошелевѣ въ одной семьѣ крестьянина одна изъ снохъ была сердитая, пресердитая, а тутъ еще на грѣхъ ребятишки каждый годъ родились у ней. Да и доставалось имъ бѣднымъ: клянетъ бывало, на чемъ свѣтъ стоитъ. Но, знать, Господь терпѣлъ до поры до времени. Вотъ родилась у ней шестая дѣвочка да такая Богъ съ ней, крикливая, что хоть бѣжи изъ дома. Разъ качаетъ Авдотья дѣвочку (Акулькой звали)

„Авдотья качаетъ Акульку."

Рисунокъ художника Л. Злотникова
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

а та кричитъ а та кричитъ. Да будь ты проклята. Чтобы тебя черти взяли. Сказала этакъ, качнула люльку, а сама вышла изъ избы. Немного прогодя приходитъ—люлька качается, а дѣвочка смирно лежитъ, уставалась на нее, молчитъ. Давно бы тебя такъ проклятую угомонило, сказала она въ сердцахъ. На другой день дѣвочка была покойна. Удивляется мать, а все-таки рада, что ее Акулька перестала безпокоить. Прошелъ годъ—пора бы ходить, а Акулька

лежитъ, какъ колода, молчитъ и не двигаетъ ни руками, ни ногами. Да такъ то семнадцать лѣтъ пролежала. И чего ни дѣлали: и къ знахарямъ возили и молебны служили — не помогаетъ. Плачетъ Авдотья: видитъ что ея грѣхъ. она прокляла дочь, да ужъ не воротишь. Вотъ, какъ то разъ, зимой, заѣхалъ къ нимъ переночевать человѣкъ, такой изъ себя ражiй, видно сразу, что дошлый человѣкъ. Вошелъ это онъ, а Акулина лежитъ на лавкѣ. Это, говоритъ, что такое? Да вотъ дѣвушка, говорятъ, немощная, семнадцать лѣтъ ей а она, какъ лежала бывало въ люлькѣ, такъ и теперь лежитъ. Какая этого, говоритъ дѣвушка? Развѣ вы не видитѣ, что это осиновое полѣно лежитъ. Какъ сказалъ

Развѣ вы не видите, что это осиновое полѣно лежитъ.

Рисунокъ художника Л. Злотникова. Изъ собранія А. Е. Бурцева.

онъ это, ажно мурашки на спинѣ пошли. Они и ну его проситъ — видятъ что не простой человѣкъ: помоги, добрая душа, вѣкъ будемъ помнить. Хорошо, говоритъ, истопите баню. А баня то была на огородѣ. Истопили. Велѣлъ онъ перенести Акульку въ баню, а самъ остался съ ней. Долгонько таки онъ съ ней возился. Стали ужъ безпокоиться: не случилось бы чего? А онъ строго на строго заказалъ, чтобы не подглядывали, а то никакой помощи не будетъ.

Наконецъ пришелъ и говоритъ: „ступайте, возьмите теперь ужъ не полѣно, а настоящую дѣвку.“ Пошли, принесли въ избу. Дѣвка кубыть (какъ будто) веселѣй стала: все поглядываетъ на этого молодца и усмѣхается. На другой день дѣвка сама встала, переступать начала. Да какая еще дѣвка вышла. Потомъ ее выдали замужъ.

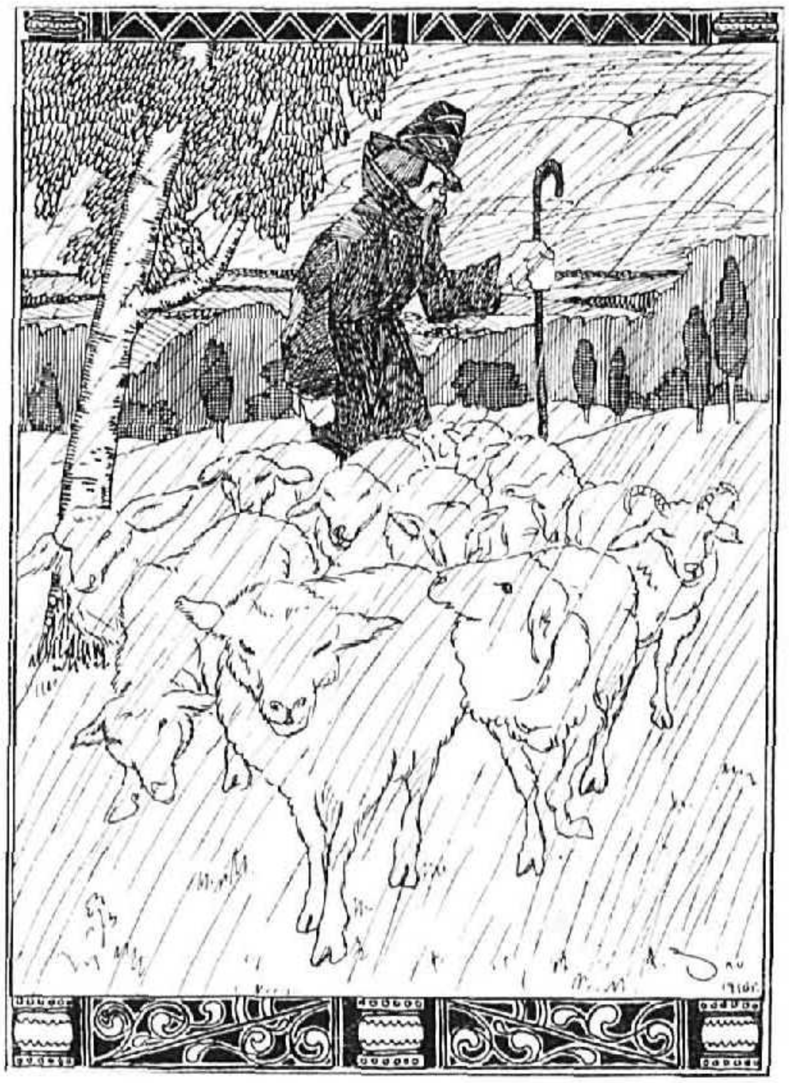
Разсказъ
крестьянина Ивана Васильева Калашникова.

Это было когда мы стояли въ крѣпостной зависимости у помѣщика Львова. Жилъ у насъ крестьянинъ Иванъ Ждановъ, было у него два сына, жили хорошо: семь паръ быковъ было, лошадей 15-ть, коровъ 5-ть, а на гумнѣ по десяти лѣтъ стояли одоньи хлѣба оемолочен — малина—не житье. Одно только было нехорошо: любилъ Иванъ выпить, а во хмѣлю бывало начнетъ ругать и колотить кого попало. Разгонитъ всю семью, (а въ семьѣ 15 душъ было) по сосѣдямъ

Иванъ любилъ выпить. Рисунокъ художника Л. Злотникова.

да и имъ не дастъ покою. Терпѣли, терпѣли, да и надумали пожаловаться бурмистру. А тогда на этотъ счетъ строго было. Пошелъ къ бумистру старшій сынъ Михайло и разсказалъ ему, что житья нѣтъ отъ пьянаго отца. Призываетъ бурмистръ Ивана: — ты говоритъ, такой сякой буянить. Я тебѣ, говоритъ, покажу Кузькину мать. Да и запятилъ Ивана къ барскимъ овцамъ

Пастухъ. Рисунокъ художника Л. Злотникова.

пастухомъ. Живетъ нашъ Иванъ недѣлю, живетъ другую, почесываться сталъ: одолѣли вши. А тутъ къ его несчастью пошли дожди да холода. И вотъ разъ какъ, промокшій до ниточки, пришелъ онъ въ людскую погрѣться. Мужики трунятъ надъ нимъ, „аль, говорятъ, не сладко за чужими за овцами ходить? Небось объ Маланьи соскучился? небосъ приласкалъ бы? (А къ нему изъ домашнихъ никого не допускали). Полѣзъ Иванъ на печь, да и скажи въ сердцахъ то: „будь проклятъ тотъ, кто меня сюда посадилъ, чтобы ему вѣкъ не видитъ малыхъ дѣтей.“ И что же? Вѣдь сбылось проклятіе, вскорѣ старшій сынъ Ивана Михайло сговорился съ товарищами не ходить на барщину. Гонитъ бурмистръ, а они къ нему съ кулаками. Схватилъ ихъ ми-

лыхъ дружковъ, да и упекли въ Сибирь. Такъ Михайло и умеръ не видавши своихъ дѣтей, а у него ихъ было четверо.

Такъ Михаилъ и умеръ не выдавши своихъ дѣтей.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.

Разсказъ крестьянина Василія Ланкина.

Я жилъ въ работникахъ въ селѣ Романовкѣ Балашовскаго уѣзда у крестьянина Королева. Какъ разъ на третій день масляницы сноха хозяина Марья уговорила мужа ѣхать въ роднымъ въ село Кошелево. Я поѣхалъ съ ними за кучера. Дорогой грудной ребенокъ Марьи раскричался и удержу ему нѣтъ, ужъ она и такъ и сякъ—не унимается, да и только. Пріѣхали. Я выпрягъ лошадей, вхожу въ избу, а ребенокъ Марьинъ заливается на всѣ голоса. И что ему ни дѣлали—кричитъ и кричитъ. Призвали бабку, что отъ крику лечитъ. Взяла она его, пошептала, внесла во дворъ курамъ подъ насѣстъ, а потомъ,

въ чело печки головой пихала—не помогаетъ, — еще пуще кричитъ. Взяла опять Марья ребенка тѣшитъ (качаетъ его на рукахъ, ходитъ по избѣ. Кое-

А потомъ въ чело печки головой пихала—не помогаетъ.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.

какъ поужинали, легли спать. Марья положила ребенка въ люльку, качаетъ, —а онъ то реветъ. Не вытерпѣла мать, да и скажи что бы тебя черти забрали проклятаго. Послѣ этого ребенокъ тише сталъ плакать, а потомъ и заснулъ. Не помню долго ли я спалъ, — только вдругъ, слышу, голосъ Марьи: „Мамынька“. Просыпаюсь, смотрю Марья теребитъ мужа: вѣдь Аксютки то нѣтъ. Я вскочилъ. Марья плачетъ. Всѣ повскакивали, суетятся: кто на палати, кто подъ печку заглядываетъ. Вышли во дворъ, стали искать и все молитву творимъ. Вошелъ это я въ хлѣвъ, гдѣ лошади стояли—Господи Іисусе,—въ саняхъ

Вышли во дворъ. *Рисунокъ художника Л. Злотникова.*

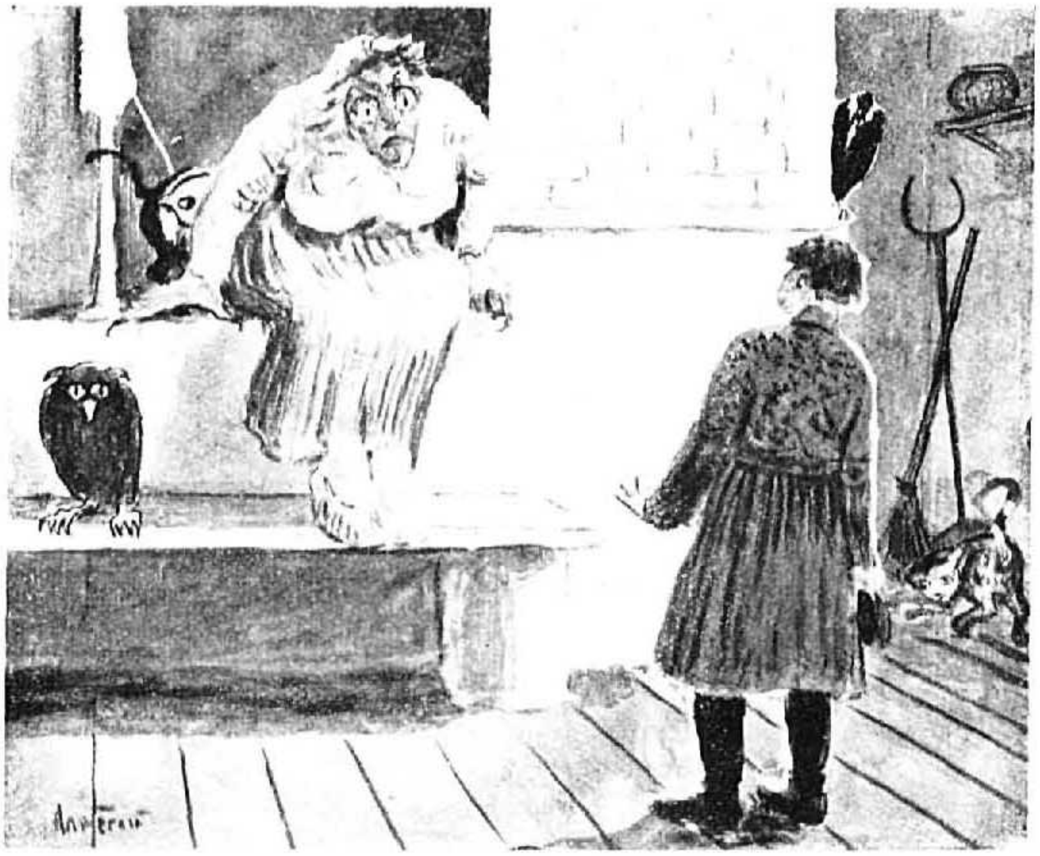
лежитъ ребенокъ, завернутый въ пеленкахъ, и только всхлипываетъ. Схватилъ я его принесъ въ избу. — Вотъ, говорю, Марья, вѣдь загубила бы ты ребенка. А она схватила ее и залилась горькими слезами. Вѣкъ, говоритъ, не буду и другу и недругу закажу. Вотъ какое оно проклятіе то.

Что видно на лунѣ?

На лунѣ видны два человѣка: Каинъ и Авель. Каинъ стоитъ и его легко можно видѣть во время полнолунія, а Авеля разобрать трудно и вотъ почему. Когда Каинъ убилъ своего брата Авеля и въ сердцахъ изрубилъ тѣло его въ куски. Богъ узналъ объ этомъ и проклялъ Каина. Проклятіе это, сказалъ Господь, будетъ лежать до тѣхъ поръ на небѣ, пока ты изъ разрубленныхъ частей Авеля соберешь тѣло. И вотъ каждый мѣсяцъ Каинъ трудится надъ этой задачей, но выполнить до сихъ поръ не можетъ: какъ только онъ соберется приложить послѣднюю часть тѣла, тотчасъ начинается „шпяхъ" (ущербъ—измѣненіе фазы луны) и трудъ его пропадаетъ, такъ какъ тѣло брата снова распадается на части. И такъ Каинъ будетъ трудиться попусту до страшнаго суда.

Что видно на лунѣ. Рисунокъ художника Л. Злотникова.

Иванъ царевичъ и богатырь Аркадьковичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, у царя и царицы былъ прекрасный сынъ Иванъ царевичъ. Когда царевичъ пришелъ въ возрастъ, родители женили его на одной прекрасной дѣвушкѣ. Былъ сдѣланъ пиръ по всему царству. Цѣня свою красоту, молодая гуляла однажды по своимъ бѣлокаменнымъ палатамъ и сказала своимъ приближеннымъ: я думаю, что красивѣе меня никого нѣтъ на свѣтѣ! Приближенные отвѣтили ей: ты еще совсѣмъ не красавица, а какъ за моремъ у богатыря Аркадьковича младшая сестра,—такъ вотъ ужъ совершенная красавица. Иванъ царевичъ такъ же какъ и его молодая, одинъ разъ хвалился передъ народомъ своею силою. Сильнѣе меня никого нѣтъ на свѣтѣ. Ты еще совсѣмъ не силенъ; есть за моремъ богатырь Аркадьковичъ; онъ такой сильный, что если поздоровается съ кѣмъ, у того рука посинѣетъ. Услыхалъ такія слова, Иванъ царевичъ, рѣшился во что бы то ни стало, посмотрѣть богатыря Аркадьковича и отправился на совѣтъ къ бабушкѣ задворенкѣ. Скажи, бабушка, какъ бы мнѣ увидать богатыря Аркадьковича? Не дѣло ты затѣваешь Иванъ царевичъ; много людей ходило къ Аркадьковичу, да мало оттуда возвращалось. Если желаешь къ нему идти, то скуй изъ желѣза три пудовыя калоши

Молодая гуляла по своимъ бѣлокаменнымъ палатамъ.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Я думаю, что красивѣе меня никого нѣтъ на свѣтѣ.

Рисунокъ В. Малышева.

Скажи бабушка, какъ бы мнѣ увидать богатыря Аркадьковича.

Рисунокъ художника В. Малышева.

Видитъ—стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ.

Рисунокъ В. Малышева.

и три пудовыхъ посоха и иди съ Богомъ. Больше не знаю сказать тебѣ ничего. Иванъ царевичъ велѣлъ сковать калоши и посохъ и отправился въ путь, обувъ однѣ калоши и подпираясь посохомъ. Долго, долго шелъ; уже первыя калоши и посохъ износились. Видитъ стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на веретенной пяткѣ. Хочется войти въ нее, а она все воротится крыльцомъ отъ него. Избушка, избушка, сказалъ онъ,—стань ко мнѣ крыльцомъ, туда лицомъ, усталому на почлегъ. Избушка повернула къ нему крыльцомъ, впустила его въ избу. Когда Иванъ царевичъ вошелъ въ избу, видитъ сидитъ огромная баба на печкѣ и

Видитъ,—сидитъ на печи огромная баба...
Глаза какъ солонка титьки, какъ ведро.

Рисунокъ В. Малышева.

прядетъ; голова у ней какъ буракъ, титьки какъ ведро, глаза какъ солонки. На него свирѣпа баба взглянула и вскричала: фу-фу-фу, русскій духъ, слыхомъ неслыхано, видомъ не видано, а теперь пришелъ русскій духъ, человѣкъ, Иванъ царевичъ! Не тронь меня бабушка, сказалъ Иванъ царевичъ. Бабушка накормила его и уложила спать. По утру она спрашиваетъ: далеко ли идешь Иванъ царевичъ? Онъ сказалъ, что идетъ посмотрѣть богатыря Аркадьковича. Не дѣло ты задумалъ Иванъ царевичъ; много людей шло туда, да мало возвращалось оттуда. Впрочемъ, если хочешь туда идти, то одѣнь другія желѣзныя

калоши и возьми другой посохъ. Одѣлъ Иванъ царевичъ другія калоши, взялъ другой посохъ и отправился въ путь. Долго, долго онъ шелъ; калоши износились и посохъ издержался. Видитъ онъ передъ собой избушку на курьихъ ножкахъ, на веретенной пяткѣ и хочетъ онъ въ нее войти, а она воротится отъ него. Онъ сталъ молить избушку: избушка, избушка, стань ко мнѣ крыльцомъ, туда лицомъ, усталому на ночлегъ. Избушка повернула къ нему крыльцо и впустила его въ избу. Иванъ царевичъ вошелъ въ избу, видитъ сидитъ огромная баба, голова у ней какъ буракъ, титьки какъ ведра, глаза какъ солонки. На него баба свирѣпо посмотрѣла и закричала: фу, фу, фу, русскій духъ; слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а теперь пришелъ русскій человѣкъ, Иванъ царевичъ. Не тронь меня бабушиа, сказалъ ей Иванъ царевичъ. Баба накормила Ивана царевича и уложила спать. По утру она спрашиваетъ его: далеко ли идешь Иванъ царевичъ. Онъ отвѣчаетъ, что идетъ посмотрѣть богатыря Аркадьковича. Не дѣло ты задумалъ Иванъ царевичъ; много людей шли къ нему, а мало воротились оттуда; впрочемъ, если хочешь идти къ нему, то обуй третьи желѣзныя калоши и возьми третій посохъ. Когда издержешь ихъ, то придешь къ третьей сестрѣ моей старшей, живущей подобно мнѣ по дорогѣ, она остальное тебѣ накажетъ. Обулъ Иванъ царевичъ третьи желѣзныя калоши, взялъ третій посохъ

Увидѣлъ Иванъ царевичъ голову богатырскую.

Рисунокъ В. Малышева.

и отправился въ путь. Когда калоши износились и посохъ издержался, Иванъ царевичъ увидѣлъ на пути избушку. Избушка повернулась къ нему крыльцомъ и онъ вошелъ въ нее. Здѣсь жила третья сестра. Она накормила Ивана царевича и уложила спать. По утру послѣ многихъ разговоровъ, стала ему наказывать. Когда издершись третьи калоши и третій посохъ, тогда подойдешь ты къ царству богатыря Аркадьковича. Не доходя до города 2 верстъ, ты увидишь, что вплоть до города земля утыкана кольями и на каждомъ колу голова человѣка; ты устрашишься. Если рѣшился идти, то не бойся, только вотъ что сдѣлай. Первая тебѣ попадется голова богатырская. Ты покланись ей три раза въ землю, три въ поясь, она тогда скажетъ тебѣ, что надо сдѣлать дальше, а я дальше не знаю. Дошелъ Иванъ царевичъ, калоши и посохъ издержались. Показался и городъ богатыря Аркадьковича; весь онъ точно огнемъ горитъ; пространство вокругъ города на двѣ версты утыкано кольями съ человѣческими головами. Увидѣлъ Иванъ царевичъ и огромную голову богатырскую. Испугался тогда Иванъ царевичъ; поклонился онъ тогда богатырской головѣ трижды въ землю, въ поясъ три раза. Богатырская голова учтиво ему въ отвѣтъ поклонилась и сказала человѣческимъ голосомъ: знаю я твою душу Иванъ царевичъ и перечить не буду. Когда пойдешь ты въ городъ Аркадьковича, увидишь о дорогѣ конюшню. Въ этой конюшнѣ есть двѣ двери—одни хрустальныя, другія желѣзныя. Ты сломай эти двери, увидишь въ конюшнѣ лошадь, она тебѣ все скажетъ, я же больше ничего не знаю. Пошелъ Иванъ царевичъ къ самому городу. О дорогѣ онъ видитъ конюшню съ двойными дверями. Когда онъ выломалъ хрустальныя двери—слышитъ, что внутри конюшни лошадь изъ всѣхъ силъ ломитъ желѣзныя двери. Иванъ царевичъ вошелъ въ конюшню и увидалъ тамъ чудную лошадь; на ней одна шерстинка была золотая, другая серебряная, а третья и оцѣнить нельзя. Долго не являлся ты Иванъ царевичъ. Я ждала тебя тридевять годовъ и насилу дождалась; теперь пусти меня погулять. Прежде чѣмъ отпущу тебя на волю, скажи мнѣ лошадка, какъ мнѣ увидить богатыря Аркадьковича. Иди Иванъ царевичъ въ бѣлокаменные покои богатыря Аркадьковича-же не бойся. Ты увидишь тамъ качаютъ въ люлькѣ мать богатыря Настасью Арковну. Встань на колѣни передъ нею и проси у нея прощенія въ отпускѣ меня на волю и проси вотъ такъ: прости меня Настасья Арковна! Долга она будетъ спрашивать за что простить. Ты одно это и тверди, а провину не говори, пока она не проститъ; иначе она тебя велитъ казнить. Пошелъ Иванъ царевичъ въ домъ богатыря Аркадьковича. Аркадьковичъ въ это время воевалъ съ врагомъ, Копыломъ Неписаннымъ. Всталъ царевичъ въ высокую комнату, прошелъ хрустальныя двери и вступилъ въ прелестныя комнаты богатырскія. Въ углу комнаты была повѣшена огромная люлька, въ которой качалась мать Аркадьковича. Иванъ царевичъ, немного думая, падаетъ на колѣни и слезно проситъ прощенія у матери богатыря. Она предлагаетъ ему разные вопросы. Кто ты? Откуда ты? Какая вина твоя. Иванъ царевичъ въ отвѣтъ твердитъ только прости меня Настасья Арковна до тѣхъ поръ, пока она, выйдя изъ терпѣнія, не про-

Иванъ царевичъ падаетъ на колѣни и слезно проситъ.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

стила его и не усыновила. Иванъ царевичъ объявилъ ей свою вину. Настасья Арковна отвѣчаетъ: если бы я знала, что ты отпустишь на волю лошадь заразъ бы велѣла тебя повѣсить, теперь ужъ поздно Вечеромъ прiѣдетъ сынъ мой Аркадьковичъ, выйдутъ встрѣчать его всѣ придворные со всѣми музыкантами и ты Иванъ царевичъ иди съ ними. Онъ будетъ съ тобою здороваться, пожметъ твою руку; рука твоя посинѣетъ отъ боли. Онъ предложитъ тебѣ выпить два ведра вина и самъ выпьетъ столько же. Тебѣ двухъ ведеръ не выпить; выпусти черезъ отверстiе вино на дно посудины, оставь столько, сколько тебѣ требуется. Наступилъ вечеръ, прибылъ съ войны богатырь Аркадьковичъ. Какъ сказала Настасья Арковна, такъ и сбылось. Придворные встрѣтили богатыря со всѣми музыкантами. Аркадьковичъ поздоровался съ Иваномъ царевичемъ, у него рука посинѣла; выпилъ богатырь два ведра вина и предложилъ тоже сдѣлать Ивану царевичу. Иванъ царевичъ сдѣлалъ такъ какъ научила его Настасья Арковна. Богатырь Аркадьковичъ, называя братомъ Ивана царевича, говоритъ, намъ обоимъ завтра надо идти противъ Копыла Неписаннаго. Если удастся побѣдить его, то навсегда кончимъ съ нимъ войну: если не удастся, то каждый день нужно воевать еще. Вотъ тебѣ братецъ девять ключей отъ моихъ кладовыхъ. Осмотря шесть кладовыхъ, а въ три остальныя не заглядывай. Иванъ царевичъ осмотрѣлъ шесть кладовыхъ и видѣлъ въ нихъ всѣ произведенiя ума

Аркадьковичъ поздоровался съ Иваномъ царевичемъ.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

Лишь только отворилъ дверь, какъ былъ пораженъ красотою дѣвицы.

Рисунокъ художника В. Малышева.

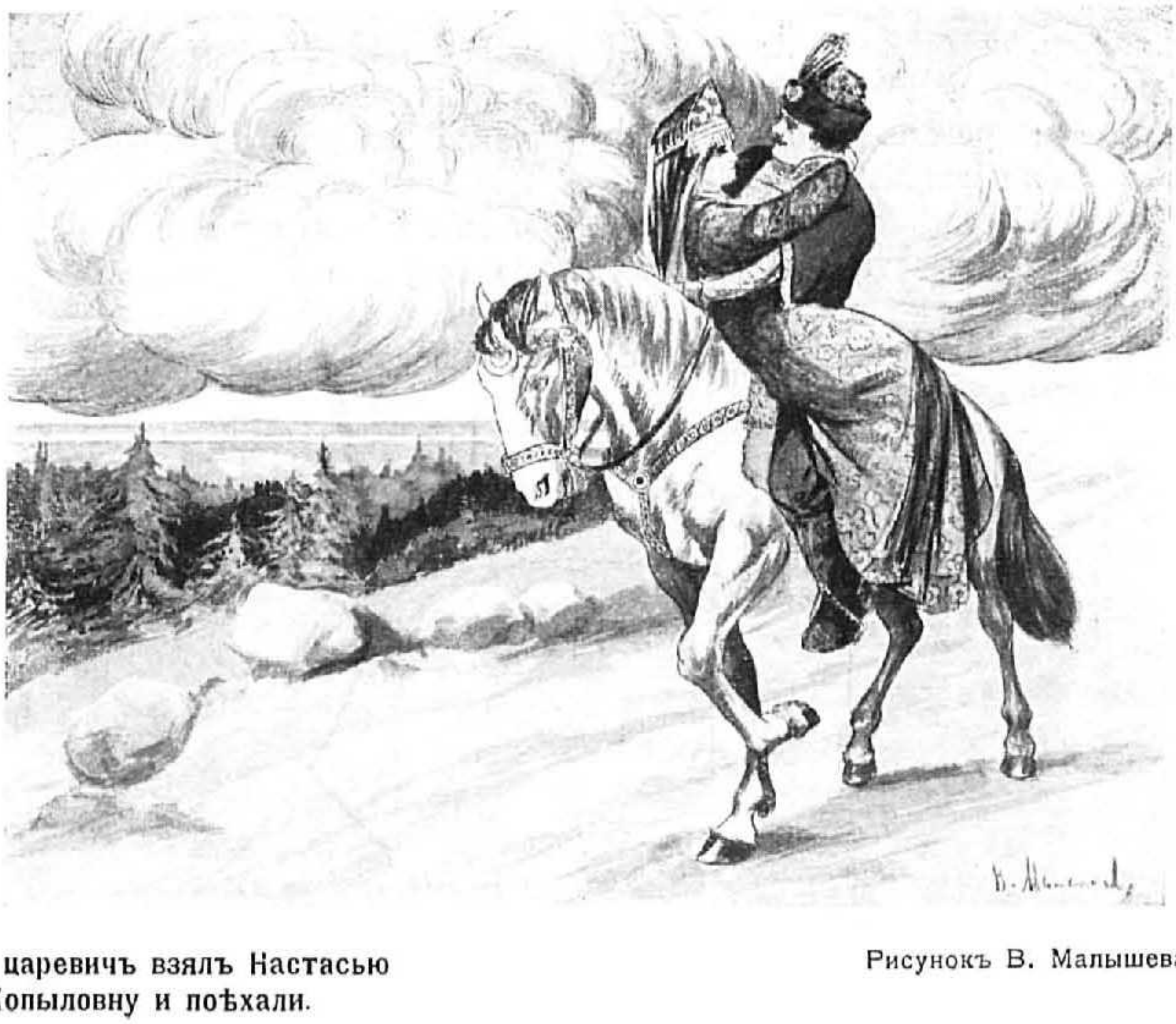
человѣческаго. Не утерпѣлъ царевичъ, посмотрѣлъ и въ остальныя кладовыя. Въ первыхъ двухъ видѣлъ двухъ старшихъ сестеръ, вышивающихъ золотомъ ковры; каждая изъ нихъ, при его приходѣ, проворно вскакивала съ своего мѣста и подносила ему жаркую оплеушину. Онъ запиралъ кладовыя и отправлялся къ послѣдней. Лишь только отворилъ дверь, какъ былъ сильно пораженъ красотою дѣвицы. Она быстро вскакиваетъ изъ за своего рукодѣлья и хочетъ ударить царевича по щекѣ, но онъ упрашиваетъ ее, обѣщаясь взять за себя замужъ. Замыкаетъ онъ и эту красавицу по старому. Чтобы побѣдить Копыла Неписаннаго, Иванъ царевичъ пошелъ къ своей лошади и сталъ ее умолять: сдѣлай ты меня, лошадушка, сильнымъ завтра; мнѣ нужно идти на войну противъ Копыла Неписаннаго. Конь велѣлъ Ивану царевичу зайти въ правое ухо и выйти изъ лѣваго. Царевичъ вошелъ въ правое ухо и вышелъ изъ лѣваго и сдѣлался такимъ могучимъ и красивымъ богатыремъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. На другой день, отправляясь на войну, Аркадьковичъ выпилъ два ведра вина, а Иванъ царевичъ выпилъ ужъ три. Прибыли на мѣсто сраженія. Является Копылъ Неписанный. Завязалась ужасная драка. Копылъ нанесъ Аркадьковичу смертельную рану въ сердце, отчего онъ и умеръ. Долго плакалъ Иванъ царевичъ по своемъ названномъ братѣ и рѣшился погубить самого Копыла. Съ поля сраженія онъ отправляется на своемъ любимомъ конѣ и догоняетъ непріятеля. Ѣхалъ, ѣхалъ и доѣхалъ до отверстія въ землю, ко-

Копыловна говоритъ ему: ты возьми этотъ мечъ.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

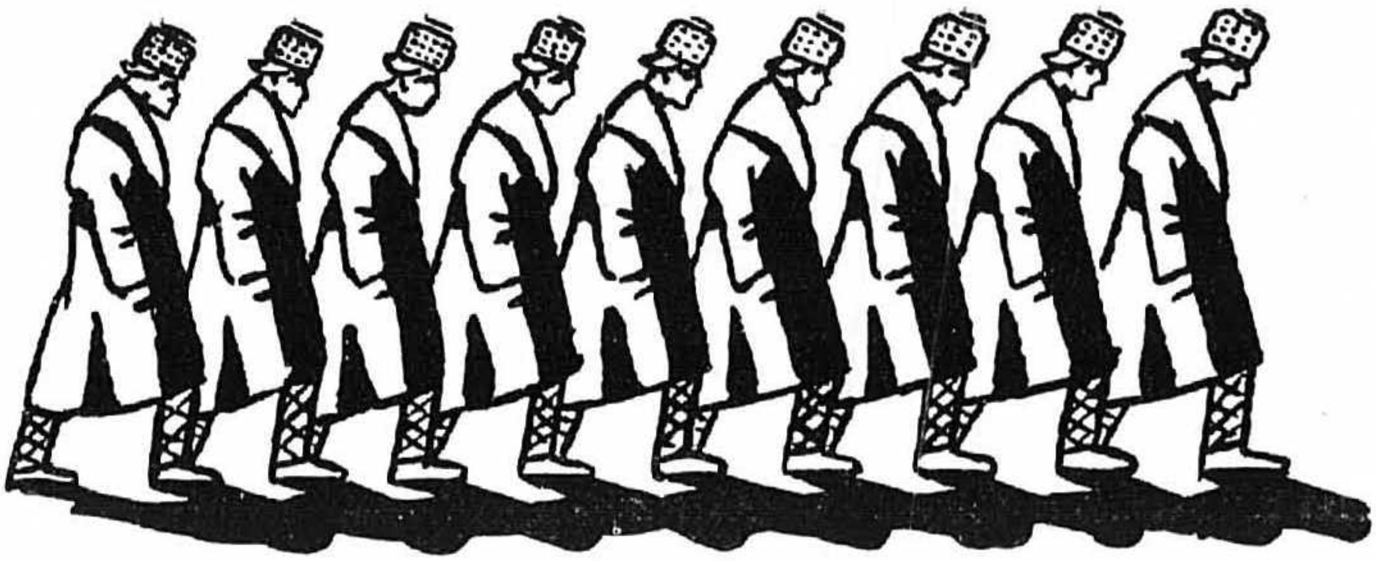
торое ведетъ въ подземелье Копылова царства. Пришелъ онъ въ Копылова царство, забрался и во дворецъ. Только успѣлъ войти въ комнаты, дочь Копылова Настасья Копыловна (украшенная) хватаетъ мечъ и хочетъ его убить. Иванъ царевичъ уговорилъ ее не убивать его, а обѣщалъ взять ее за себя замужъ. Копыловна смиряется передъ царевичемъ и говоритъ ему: теперь батюшка мой Копылъ Неписанный крѣпко спитъ; ты возьми этотъ мечъ и если можешь безъ повтореній отрубить ему три головы, то руби. Убить ты не убьешь его, а только наведешь на него вѣчный сонъ. Онъ будетъ кричать тебѣ: ударь и второй разъ, ты не ударяй, иначе онъ оживетъ и убьетъ меня и тебя. Иванъ царевичъ такъ и сдѣлалъ; разомъ отнялъ Копылу три головы. Онъ сталъ молить царевича ударить вторично, но получилъ отвѣтъ: въ нашей вѣрѣ разъ ударяютъ. Иванъ царевичъ взялъ Настасью Копыловну и поднялся съ нею на землю изъ отверстія. Онъ сѣлъ на своего добраго коня, стоявшаго у отверстія, посадилъ Копыловну и поѣхалъ къ трупу брата Аркадьковича. Чтобъ оживить брата Копыловна посовѣтывала Ивану царевичу убить свою лошадь, внутренности выкинуть, а самому скрыться въ лошадиную шкуру. Иванъ царевичъ такъ

Иванъ царевичъ взялъ Настасью Копыловну и поѣхали.

Рисунокъ В. Малышева.

и сдѣлалъ. Прилетѣли вороны и стали клевать лошадиныя внутренности. Схватилъ царевичъ одного вороненка, на выручку прилетѣла мать его и стала упрашивать Ивана царевича отпустить сына на волю. Царевичъ сказалъ, что не отпуститъ на волю, пока она не достанетъ изъ за моря мертвой, живой и красивой воды. Ворона говорила, что не достать ей воды, потому что стерегутъ ее птицы съ желѣзными носами; на послѣдокъ улетѣла. Черезъ девять дней ворона принесла въ привязанныхъ корзинкахъ троякую воду, а украла ее въ то время, когда онѣ дремали. Иванъ царевичъ раздернулъ вороненка за ноги, спрыснулъ его, онъ сошелся вмѣстѣ; окропилъ живой и красивой водой, онъ встрепенулся и полетѣлъ. Тоже сдѣлалъ Иванъ царевичъ съ конемъ и братомъ Аркадьковичемъ. Они ожили и сдѣлались такими же, какими были прежде. Аркадьковичъ вскачилъ на ноги и вскричалъ: ахъ, какъ я долго спалъ. Ко мнѣ ходятъ 40 наложницъ разными животными и твоя, братъ, жена ходитъ ко мнѣ сорокой. Желаешь ли, я всѣхъ ихъ отпущу, а сороку удержу? Ты брось въ нее палкой; поврежденную часть тамъ послѣ у нея увидимъ. Иванъ царевичъ согласился По свисту Аркадьковича мгновенно явились къ нему 40 разныхъ животныхъ. Онъ отпустилъ всѣхъ, кромѣ сороки. Иванъ царевичъ бросилъ въ нее палкой и повредилъ ногу. Она съ крикомъ улетѣла. Аркадьковичъ сталъ просить Ивана царевича Настасью Копыловну за себя замужъ, а взамѣнъ ее обѣщалъ отдать ему меньшую сестру свою. Настасья Копыловна, послѣ долгого упорства неохотно согласилась отстать отъ Ивана царевича и выйти замужъ за Аркадьковича. Иванъ царевичъ женился на меньшой сестрѣ Аркадьковича, на красавицѣ изъ красавицъ, получилъ въ приданое полцарства и полъ имущества и отправился домой съ молодою женою. Навстрѣчу ему выходитъ прежняя жена и клюкою подпирается. Увидавъ ее, Иванъ царевичъ ясно понялъ вину ея и тотчасъ велѣлъ слугамъ прогнать ее вонъ со двора, самъ же сталъ да жить, да быть, добра наживать, лиха избѣгать со своею красавицей женою.

Дѣвушка, отыскивающая братьевъ.

Гдѣ-то, когда-то жилъ-былъ мужикъ съ женою. У нихъ было девять сыновей и ни одной дочери. За это сыновья сердились, и когда мать опять сдѣлалась беременна, они удалились изъ дому, думая, что она и теперь родитъ сына; скрылись въ дремучій лѣсъ и состроили себѣ избушку. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ нихъ отправился въ родительскій домъ, чтобы узнать, какъ тамъ живутъ и кто родился: братъ или сестра. Однако онъ вскорѣ возвратился, потому что мать еще не родила и приказалъ ей: „поставь прялку на ворота, если родишь дочь; а если сына родишь, такъ поставь топорище. Когда я на воротахъ увижу топорище. я даже не взойду въ избу; а когда увижу прялку, такъ я взойду и возьму съ собою отца, мать, сестру и всѣхъ другихъ“.

Въ эту же ночь жена родила дочь и на вороты выставила прялку, а Баба-Яга вмѣсто прялки положила на ворота топорище. Братья между тѣмъ послали одного изъ нихъ узнать, что на воротахъ. Онъ очень жалѣлъ, когда увидѣлъ топорише и не взошелъ въ избу, а воротился къ братьямъ и разсказалъ имъ все. Съ тѣхъ поръ родители сыновей и видомъ не видали и слыхомъ не слыхали. Когда дочь сдѣлалась взрослою, мать разсказала ей, какимъ образомъ черезъ обманъ Бабы-Яги пропали ея девять братьевъ. Дѣвушка горевала о нихъ, стала плакать день и ночь. Мать всячески старалась успокоить ее, а она всетаки не переставала плакать и быть грустною. Когда ужъ ничто не помогало, мать накапала слезы дочери въ сосудъ (чашу), сдѣлала изъ нихъ и муки лепешку и сказала: „не плачь, дитя мое, еслибы ты только достала себѣ вѣрнаго спутника, тогда ты могла бы идти искать своихъ братьевъ“. А у дѣвушки была собака, которая очень

любила ее и всегда ходила съ ней. Она рѣшилась взять эту собаку и не желала другаго спутника. Мать благословила ее на дорогу, дала лепешку, испеченую изъ

Мать благословила ее на дорогу дала лепешку, испеченною изъ ея слезъ.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.

ея слезъ, и приказала катить ее передъ собою, такъ она будетъ показывать дорогу.

Дѣвушка пустилась въ путь вмѣстѣ съ собакой, покатила лепешку и говорила, приводя ее въ движеніе:

Катись, моя лепешечка,
Къ девяти моимъ братьямъ.
Къ сыновьямъ одной матери.

Шла она за лепешкой и вскорѣ встрѣтилась съ Бабою-Ягою, которая присоединилась къ ней. Черезъ короткое время имъ стало жарко ходить, потому что это было въ самое жаркое время лѣта. Подлѣ нихъ было озеро и Баба-Яга сказала дѣвушкѣ: „пойдемъ голубка, купаться, а то слишкомъ жарко становится". Дѣвушка хотѣла-было согласиться, но собака помѣшала ей и сказала: „не ходи, Баба-Яга тебя обманетъ". Она послушалаеь собаки, которую Баба-Яга изъ злости толкнула ногой такъ, что у ней одна нога переломилась. Дѣвушка пожалѣла о своей собакѣ, но не смѣла сказать ни слова Бабѣ-Ягѣ, потому что сама боялась ее; и опять покатила лепешку.

Баба-Яга сказала дѣвушкѣ: пойдемъ голубушка купаться.

Рисунокъ В. Ткаченко.

Дѣвушка и Бага-Яга опять пошли за лепешкою; собака не отставала отъ нихъ и все шла за ними. Баба-Яга снова просила искупаться, а собака опять сказала: „не ходи; Баба-Яга тебя обманетъ". Дѣвушка послушалась собаки, а Яга опять переломила ногу у собаки. Когда собака въ третій разъ помѣшала Ягѣ въ ея намѣреніи, она переломила у ней третью ногу; а въ четвертый разъ до того разсердилась, что убила ее. Вдвоемъ онѣ теперь отправились дальше и скоро опять пришли къ озеру. Яга снова стала уговаривать дѣвушку искупаться и она согласилась, потому что ей стало ужъ слишкомъ жарко и никого не было, ктобы могъ помѣшать ей. Купаясь, Баба-Яга сказала дѣвушкѣ: „брызни мнѣ въ лицо воды, а я брызну тебѣ". Дѣвушка сперва не хотѣла, а Яга все просила ее брызгать, покуда та не согласилась. Тогда Яга брызнула ей воды въ лицо и сказала: „твое лицо мнѣ, мое тебѣ". А дѣвушка была очень хороша собой, а Баба-Яга—ужасъ, какъ дурна. Оттого дѣвушка тотчась стала безобразной, а Яга прекрасной. Она взяла также у дѣвушки умъ и голосъ, чтобъ никто не узналъ обмана и потомъ мнѣ опять продолжали путь.

Лепешка опять катилась, катилась и наконецъ остановилась у избы братьевъ.

Баба-Яга спрятала лепешку у себя и взошла съ дѣвушкой въ избу. Братья стали спрашивать, откуда онѣ пришли. Дѣвушка хотѣла разсказать имъ все; но не могли, потому что голоса у ней не было: Баба-Яга вмѣсто того отвѣчала: „здравствуйте, братья мои! Я ваша сестра, десятое дитя нашей матери; вы меня совсѣмъ не знаете". Братья удивились и спросили, почему въ такомъ случаѣ было выставлено топорище. Яга объяснила, что непріятели выставили его и что она рѣшилась искать братьевъ, когда узнала отъ матери, что они по случаю этого обмана, разстались на вѣки съ родительскимъ домомъ и что она съ помощію лепешки попала къ нимъ.

Братья повѣрили ей и стали почитать ее сестрою. Потомъ спросили, зачѣмъ она привезла съ собой дурную дѣвушку. „Она хоть въ пастушки годится"— отвѣчала Яга, и больше объ ней не говорили. Дѣвушка жалѣла о томъ, что не могла объясниться съ братьями; но что сдѣлать, когда у ней голоса и ума не было. Она должна была молчать и слушать, какъ врала Баба-Яга. Яга стала хозяйничать у братьевъ, какъ въ своемъ домѣ; а дѣвушка принуждена была проводить дни въ лѣсахъ пастушкою и заниматься всякими трудными работами. Рано по утру Яга провожала ее до изгороды и давала ей голосъ и умъ, чтобъ она могла смотрѣть за стадами; а по вечерамъ она тамъ же встрѣчала ее и отнимала. Такимъ образомъ долго жила дѣвушка въ домѣ своихъ братьевъ и Яга всячески мучила ее. Когда она напримѣръ, пекла дѣвушкѣ лепешки, она всегда клала камень внутри, и только немного тѣста кругомъ, и потомъ отсылала ее въ лѣсъ. Тѣмъ лучше жила сама Баба-Яга. Братья не отказывали ей ни въ чемъ, потому что она была хороша собой. Напротивъ, пастушку они не могли бы терпѣть въ своемъ домѣ, если бы Баба-Яга не удерживало ее. По ночамъ она всегда была нѣма, а въ лѣсу умна по прежнему. Тамъ она сѣтовала на свою судьбу и грустно пѣла о своемъ насчастьи.

Братья часто слышали ея пѣнье и удивлялись, что она въ лѣсу всегда поетъ. а дома никогда ни слова не говоритъ; но ея непріятная наружность была причиною того, что они не заботились узнать отчего это. Но въ одинъ прекрасный и тихій вечеръ пѣніе ея такъ понравилось младшему брату, который въ то время работалъ въ лѣсу, что ему захотѣлось непремѣнно увидѣть дѣвушку, которая такъ славно пѣла. Онъ оставилъ работу, приблизился къ ней и спросилъ: „зачѣмъ ты, душечка, всегда поешь только тогда, когда ходишь по лѣсамъ, а дома ничего не говоришь?" – Тутъ дѣвушка разсказала ему, что она собственно его сестра и что Баба-Яга только обманывала братьевъ, а ее мучила. Братъ тотчасъ призналъ ее своею сестрой, поцѣловалъ ее нѣжно, не смотря на то, что она была дурна собою и сбѣгалъ за другими братьями. Вскорѣ они всѣ собрались туда и дѣвушка снова разсказала имъ свое несчастье. Они стали придумывать, какимъ бы образомъ возвратить сестрѣ прежнее лицо и воспрепятствовать Бабѣ-Ягѣ опять отнять у ней умъ и голосъ. Наконецъ согласились, чтобъ сестра возвратилась бы домой уже днемъ, закрыла бы глаза и сказала, что они болятъ, и чтобъ

Всѣ братья собрались и придумываютъ, какимъ бы образомъ возвратить сестрѣ прежнее лицо.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.

братья спѣшили бы къ ней на помощь и поймали Бабу-Ягу.

Дѣвушка сдѣлала, какъ условились; раньше пошла домой, такъ что Яга не встрѣтила ее, и такимъ образомъ взошла въ избу. Яга тотчасъ сердито спросила. зачѣмъ она такъ рано возвратилась. „Не могу ходить по лѣсамъ, глаза болятъ"— отвѣчала дѣвушка и громко зарыдала. Въ тоже мгновеніе братья взошли въ избу, пожалѣли о бѣдствіи дѣвушки и сказали: „плюнь. сестрица, ей въ глаза, чтобы они выздоровѣли и она могла работать". Баба-Яга не могла показать свой гнѣвъ передъ ними и плюнула дѣвушкѣ въ глаза. А та не зѣвала и въ туже минуту сказала: „твое лицо тебѣ, мое мнѣ". И тотчасъ стала хорошею и прекрасною, какъ и прежде; а Баба-Яга сдѣлалась дурною и отвратительною, какою она собственно и была.

Теперь рѣшились наказать Бабу-Ягу. Истопили баню, подъ поломъ выкопали яму, наполнили ее горячею смолою и закрыли досками, которыя скрывали огонь, а полъ бани и дорогу въ нее обложили чернымъ сукномъ. Двое изъ братьемъ пошли за Бабою-Ягою, чтобы проводить ее въ баню. Она сперва не хотѣла идти за ними, а наконецъ согласилась; они взяли ее подъ руки и повели по сукну. Когда они пришли къ две-

рямъ, Баба-Яга не хотѣла идти по полу и сказала: „отсюда я прыгну на полокъ“, но братья приказали ей идти по доскамъ, на что она наконецъ согласилась. Какъ скоро она только пошла по полу, доски попадали и Баба-Яга упала въ горячую яму. Братья тотчасъ затворили дверь и баня сгорѣла; а Баба-Яга, умирая, кричала изъ ямы: „пусть будетъ вмѣсто меня изъ моихъ глазъ саранча; изъ ушей вороны и изъ волосъ сороки и пусть онѣ клюютъ людей и ѣдятъ ихъ припасы“.

Дѣвица, выходящая изъ волнъ.

Жили-были старикъ со старухой. У нихъ были сынъ и дочь; оба прехорошенькіе. Мальчикъ нанялся у царя въ пастухи, а сестра осталась у стариковъ родителей, Скоро мальчикъ сталъ скучать о своихъ и только и думалъ, что о родинѣ. Однажды онъ нарисовалъ на древесной губкѣ лицо сестры и привезъ ее (губку) во дворецъ. Царевичъ увидалъ рисунокъ; и прекрасная дѣвица

Царевичъ увидалъ рисунокъ его сестры. Рисунокъ художника В. Ткаченко.

тотчасъ понравилась ему. Онъ и говоритъ мальчику: „привези сюда твою сестру! Если она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша собой, я женюсь на ней, а ты будешь первымъ послѣ меня". Мальчикъ отправился домой и сталъ уговаривать сестру идти съ нимъ во дворецъ и выйти замужъ за царевича. Но дѣвица, подъ разными предлогами, не хотѣла согласиться на его предложеніе. Однако братъ устранилъ всѣ препятствія такъ, что она наконецъ одѣлась въ лучшія свои платья и пустилась съ нимъ въ путь.

Дорога во дворецъ шла водою. Когда они сѣли въ лодку, вскочила туда же и собака этой дѣвицы. Отправились. Черезъ нѣсколько времени Баба-Яга, которая шла вдоль берега, и кричитъ имъ „дѣти, возьмите и меня съ собой!" Мальчикъ хотѣлъ было взять ее въ лодку, но сестра запретила, и онъ послушался. Недалеко оттуда Баба-Яга опять явилась на берегу и просила снова, чтобъ взяли ее въ лодку. Не смотря на предостереженіе дѣвицы, мальчикъ однакожъ позволилъ Бабѣ-Ягѣ сѣсть въ лодку. А какъ только она взошла въ лодку, такъ обоихъ ихъ и сдѣлала глухими. Вскорѣ увидали они въ дали царскій дворецъ; мальчикъ и говоритъ сестрѣ: „сядь, сестрица, выше! Вонъ гдѣ дворецъ!" Дѣвица не могла разслышать и спросила, что онъ сказалъ. Баба-Яга отвѣчала ей: „онъ приказалъ тебѣ пере-

Дѣвушка прыгнула въ воду. Рисунокъ В. Ткаченко.

стать гресть и прыгнуть въ воду".—Дѣвушка хоть не послушалась, но перестала гресть; и Баба-Яга сѣла на ея мѣсто.

Черезъ нѣсколько времени братъ повторилъ сестрѣ свое приказаніе, а она все не слышитъ, что онъ говоритъ. Тогда Баба-Яга объяснила ей, что онъ приказалъ ей раздѣться и прыгнуть въ воду. Дѣвушка раздѣлась, но въ воду еще не прыгнула. Въ третій разъ приказываетъ ей братъ сѣсть выше, потому что они были недалеко отъ дворца. Тогда Яга сказала ей братъ приказываетъ тебѣ выколоть себѣ глаза, переломить руки и прыгнуть въ море."— „Вѣдь, мнѣ должно послушаться брата", подумала дѣвушка и прыгнула въ воду. Мальчикъ хотѣлъ было тотчасъ ухватить ее, но Яга помѣшала ему.— „Не безпокойся, говоритъ; я, вѣдь, на нее похожа." Она стала гресть; дѣвушка осталась за ними и утонула. Мальчикъ не смѣлъ явиться во дворецъ безъ невѣсты и потому хотѣлъ было уже возвратиться домой, но лукавая Баба-Яга сказала ему: „вези меня во дворецъ и скажи, что я твоя сестра, а я награжу тебя за это." Онъ согласился, потому что не зналъ, какъ выбраться изъ столь затруднительнаго положенія. Баба-Яга одѣлась въ прекрасныя платья дѣвушки и они продолжали свой путь. Скоро они пріѣхали ко дворцу. Царевичъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и когда увидѣлъ безобразную Ягу, спросилъ мальчика: „это ли твоя сестра?"—Эта, отвѣчалъ мальчикъ. Царевичъ взялъ Ягу себѣ въ невѣсты, потому что не хотѣлъ измѣнить своему слову, хотя привезенная дѣвушка оказалась далеко не такъ красивою, какъ онъ думалъ. А на мальчика онъ все-таки разсердился и приказалъ бросить ему въ яму, полную змѣй. Приказаніе царевича было исполнено; но на слѣдующее утро мальчикъ былъ найденъ невредимымъ. Доложили объ этомъ царевичу: — „Удивительно въ самомъ дѣлѣ, царевичъ, прежде змѣй въ одну ночь съѣдали человѣка, а этого старшій змѣй только облизываетъ." — Оставьте его; авось завтра съѣдятъ—отвѣчалъ царевичъ и приказалъ доложить себѣ о мальчикѣ на слѣдующее утро.

Между тѣмъ дѣйствительная сестра мальчика находилась на глубинѣ моря и ее тамъ назначили въ невѣсты сыну водяного царя. Жилось ей тамъ очень хорошо, потому что тамъ находились всякаго рода богатства; но она боялась за своего брата, полагая что царевичъ накажетъ его за обманъ Бабы-Яги. Поэтому она начала вышивать золотомъ и серебромъ платокъ и просила, чтобъ ей позволили снести его въ подарокъ царевичу, этимъ она надѣялась избавить брата отъ змѣй. Ее отпустили, но заковали въ серебряныя цѣпи, чтобъ она не могла убѣжать. А собака цѣлый день бѣгала по дворцу, хозяйки своей не нашла и не знала къ кому привязаться; вечеромъ она побѣжала на берегъ, гдѣ была лодка мальчика, и легла въ нее спать. Недалеко оттуда находился домъ одной вдовы, и отъ него до берега шелъ каменный мостъ. Ночью утопленная дѣвица въ цѣпяхъ вышла изъ волнъ и сѣла на этотъ мостъ. Она была красива также, какъ и прежде и великолѣпно одѣта. Когда она замѣтила свою собаку, она позвала ее къ себѣ и приказаза ей сходить до дворецъ, но такъ тихо и осторожно, чтобъ

Мальчика приказалъ бросить въ яму полную змѣй.

Рисунокъ В. Ткаченко.

никто не слыхалъ, и положить платокъ подъ изголовье царевича для того, чтобъ онъ избавилъ брата ея отъ змѣй. — Собака удачно исполнила порученіе и потомъ опять возвратилась къ хозяйкѣ на берегъ. Тогда дѣвушка спросила ее: гдѣ ея братъ и какъ живутъ во дворцѣ? Собака отвѣчала, что мальчикъ въ ямѣ среди змѣй, а Баба-Яга лежитъ возлѣ царевича. — Тогда дѣвушка спросила собаку являться на берегъ еще двѣ ночи; и потомъ она опять исчезла въ воду.

Утромъ царевичъ проснулся и нашелъ платокъ. Онъ никакъ не могъ догадаться, откуда платокъ явился. Баба-Яга тогда солгала ему, что она вышивала платокъ въ то время, когда онъ спалъ, однако царевичъ не повѣрилъ ей и подумалъ про себя: „нѣтъ, не ты его вышивала; такого (платка) въ одну ночь

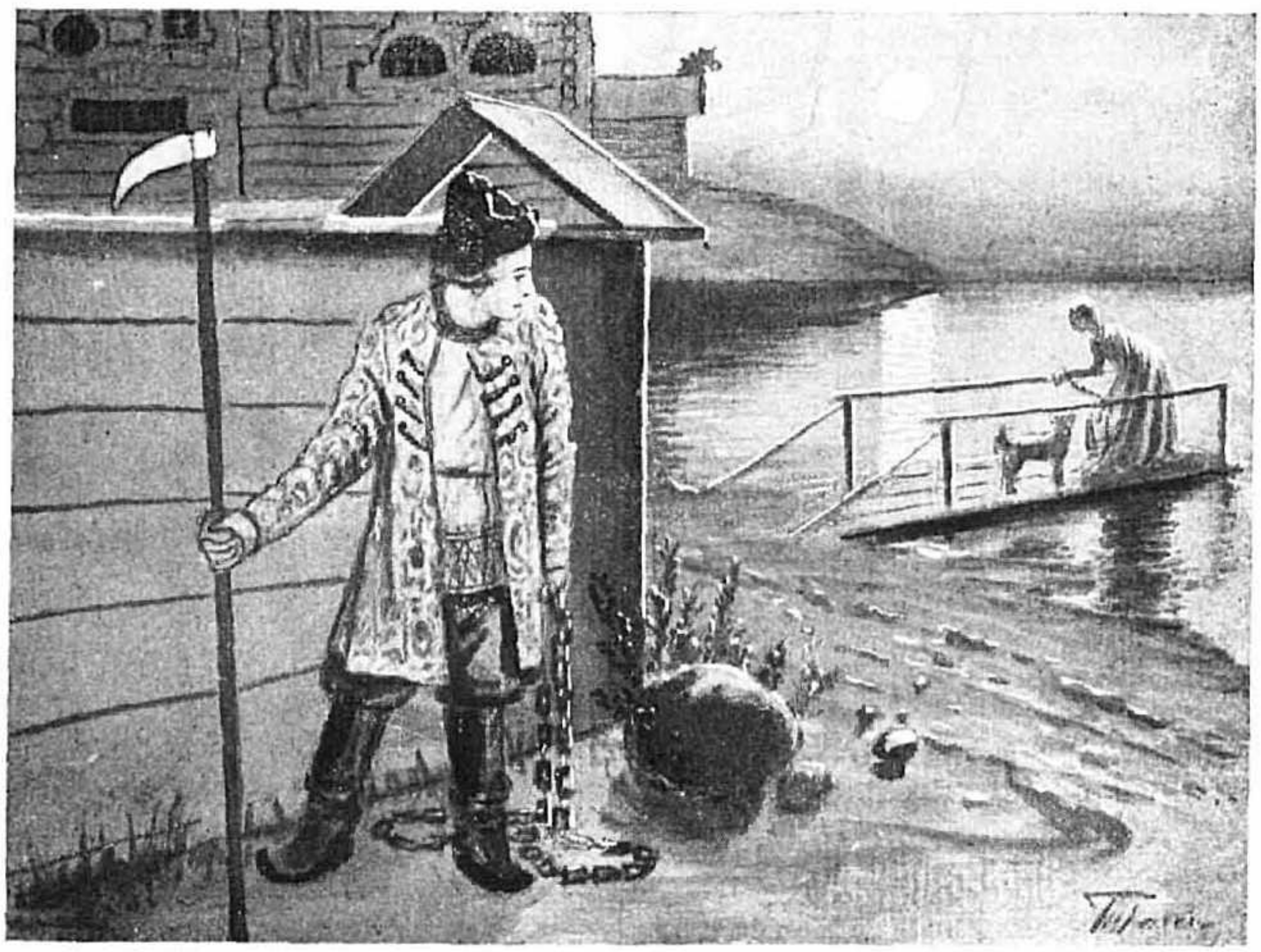
не вышьешь." Спросили у дворцовыхъ сторожей: не входилъ ли кто-нибудь ночью во дворецъ? Однако ничего не узнали, и никто не присвоилъ себѣ платка. Дѣло такъ и осталось не выясненнымъ. — Царевичъ вспомнилъ о мальчикѣ между змѣями и приказалъ слугамъ собрать его кости, если змѣи уже съѣли его. Слуги отправились, но вскорѣ возвратились и доложили царевичу, что мальчикъ все еще живъ. Царевичъ опять удивился, отправился ко вдовѣ и спрашиваетъ: „отчего змѣи въ двѣ ночи не съѣдаютъ человѣка, котораго я велѣлъ бросить имъ въ яму: прежде они съѣдали человѣка въ одну ночь?"—А за что ты велѣлъ бросить его въ яму? — спросила вдова. — Царевичъ разсказалъ ей, что онъ нанималъ себѣ въ пастухи красиваго мальчика, который сказалъ ему, что сестра его еще красивѣе и что ему тогда захотѣлось жениться на ней, что мальчикъ привезъ сестру, но что она была безобразна и поэтому онъ захотѣлъ наказать обманщика и велѣлъ бросить его въ яму къ змѣямъ.—„Вѣдь это не его сестра—возразила вдова—его сестра въ водѣ, откуда она прислала тебѣ платокъ, чтобъ только ты избавилъ мальчика. Твоя невѣста ни кто иная, какъ Баба-Яга."—Когда царевичъ узналъ это, онъ отправился домой и весь день обдумывалъ объ открывшемся преступленіи Яги, и о томъ что ему теперь слѣдуетъ дѣлать; за этими размышленіями его застала ночь.

Между тѣмъ дѣвушка опять получила позволеніе отправиться на землю и снести въ подарокъ царевичу, вышитую ею золотомъ и серебромъ рубаху. Ее опять заковали въ серебрянныя цѣпи и она снова вышла возлѣ моста, сѣла на него и приказала своей собакѣ снести рубаху во дворецъ и положить ее подъ изголовье царевича, но при этомъ наказала, чтобъ сдѣлано было все это какъ можно осторожнѣе, чтобъ никто ничего и не слыхалъ. Собака въ точности исполнила порученіе дѣвушки. Утромъ царевичъ нашелъ рубаху и спросилъ, кто положилъ ее ему подъ изголовье.—Милостивый царевичъ—отвѣчала тогда Баба-Яга, — я сама сплю, но руки мои не спятъ, онѣ все шьютъ и вышиваютъ въ то время, какъ ты отдыхаешь." Тутъ явились слуги и говорятъ: „царевичъ! мальчикъ въ ямѣ не умретъ: старшій змѣй все только облизываетъ его."—Такъ вытащите его, коли не съѣдятъ—отвѣчалъ царевичъ. Потомъ приказалъ слугамъ выйдти, надѣлъ на себя прекрасную рубаху и отправился ко вдовѣ, думая про себя: „такой работы моя жена не сдѣлаетъ." Пришедши ко вдовѣ, онъ сказалъ ей: „вотъ что удивительно, любезная: въ первую ночь явился подъ мое изголовье золотой платокъ, а во вторую золотая рубаха."—Удивительно тоже—отвѣчала она—что ночью всегда изъ волнъ выходитъ молодая дѣвушка возлѣ воротъ моихъ; одѣта вся въ золото и серебро, и такъ хороша собой, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; она всегда приноситъ что нибудь тебѣ въ подарокъ. И она-то и есть собственно твоя невѣста, а Баба-Яга теперь у тебя женой.

Тогда цесаревичу захотѣлось видѣть дѣвушку, которая принесла ему такіе подарки, и потому онъ сказалъ вдовѣ:

„какимъ образомъ я могу достать эту красавицу, если она еще разъ выйдетъ изъ волнъ?" — Она еще принесетъ тебѣ послѣдній подарокъ—отвѣчала вдова; а потомъ она должна выйдти за сына водянаго царя. Поди потому въ кузницу, закажи себѣ косу и длинную желѣзную цѣнь и приходи ночью сюда караулить. Когда замѣтишь, что она выходитъ, схвати ее цѣнью и отруби косою серебряную цѣпь, въ которую она закована; и не отпускай ее, во что бы она не превратилась и все поруби косою такъ, что она наконецъ опять обратится въ дѣвушку. Царевичъ отправился въ кузницу, заказалъ себѣ косу и цѣпь, и вечеромъ пришелъ караулить возлѣ моста.

Долго онъ ждетъ; она все не выходитъ. Наконецъ въ полночь слышитъ онъ шумъ отъ ея серебряной цѣпи, и изъ волнъ выходитъ прекрасная дѣ-

Царевичъ караулитъ возлѣ моста. *Рисунокъ художника В. Ткаченко.*

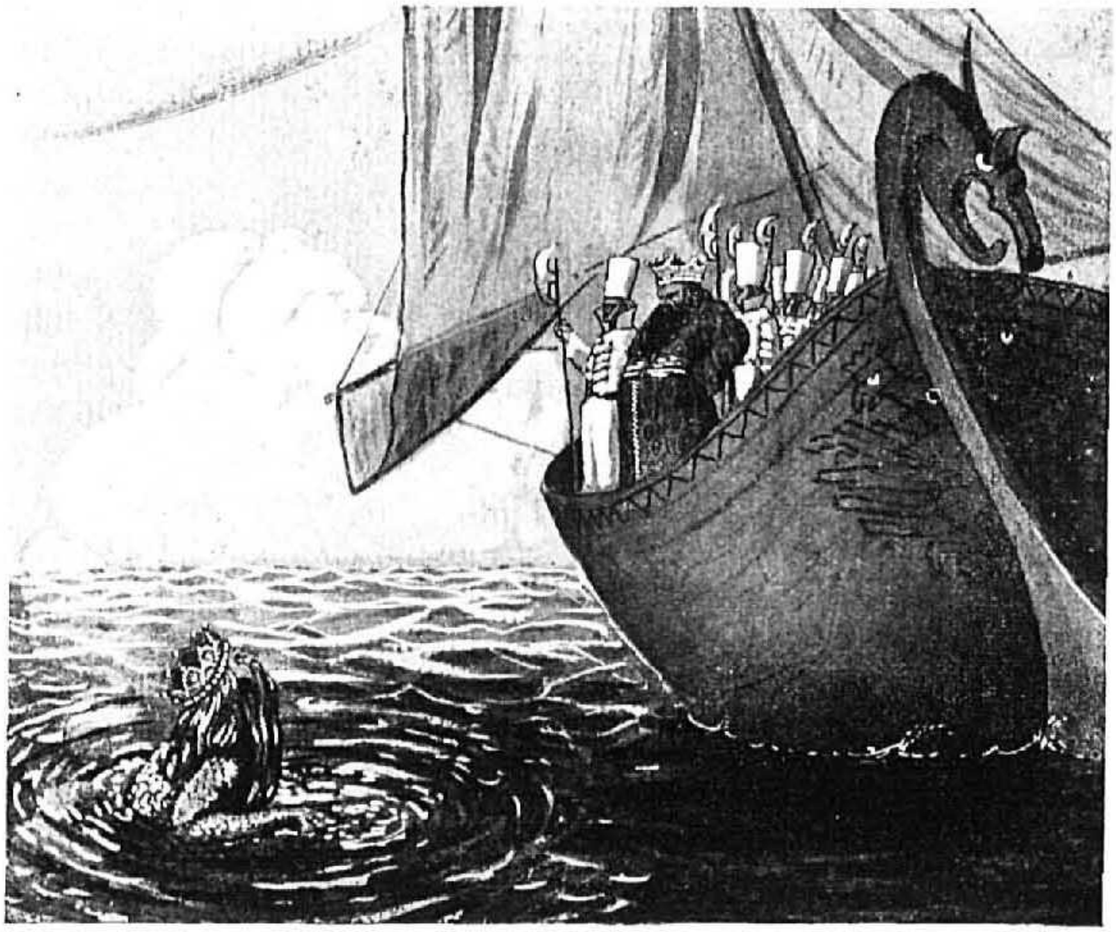
вушка. Она садится на мостъ и говоритъ своей собакѣ: „ступай отнеси эти брюки подъ изголовье царевича!" Тогда царевичъ выходитъ изъ своей засады, чтобъ поймать дѣвушку, какъ ему приказала вдова, Дѣвушка хотѣла было прыгнуть въ воду, но онъ схватилъ ее своей цѣпью и отрубилъ ея серебряную цѣпь. Дѣвушка всетаки хотѣла бѣжать отъ него и превращалась въ змѣю, комара, ящерицу, ворону и т. д.; но царевичъ порубилъ поочередно всѣхъ и не

отпустилъ ее до тѣхъ поръ, пока она опять превратилась въ дѣвушку. „Чего вы отъ меня хотите, царевичъ? Вѣдь Баба-Яга съѣстъ меня" — сказала дѣвушка.—. Не бойся, отвѣчалъ царевичъ; она уже больше не останется у меня во дворцѣ; я поведу тебя къ твоему брату, я его ужъ избавилъ отъ змѣй." Потомъ онъ повелъ дѣвушку ко вдовѣ и тамъ *они провели ночь*. Утромъ царевичъ одинъ возвратился во дворецъ. Баба-Яга стала спрашивать его, гдѣ онъ былъ такъ долго. — „Не безпокойся; больше не буду оставлять тебя!" отвѣчалъ царевичъ; а слугамъ приказалъ: „истопите желѣзную баню, выкопайте подъ поломъ яму въ глубину три сажени, наполните ее смолою и огнемъ и накройте ее темнымъ сукномъ!" Слуги исполнили приказаніе, и потомъ по прежнему стали провожать жену царевича въ баню. У дверей Баба-Яга сказала: „я въ васъ больше не нуждаюсь; отсюда я прыгну на порогъ, а потомъ на полокъ." Но слуги уговаривали ее идти по сукну, на что она и согласилась. Тогда она упала въ яму и сгорѣла. Умирая, она кричала: "будьте изъ моихъ волосъ комары, черви и змѣи на вѣковѣчную казнь человѣкамъ!"

Царевичъ послѣ этого отправился ко вдовѣ, перевезъ прекрасную дѣвушку во дворецъ и они сыграли свадьбу. Брата же невѣсты онъ сдѣлалъ высшимъ послѣ себя и далъ ему половину своего богатство за его красавицу сестру.

Дѣти, обѣщанныя водяному царю.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь съ царицей; а дѣтей у нихъ не было и они объ этомъ очень горевали. Однажды царь отправился на море, а корабль посреди море сѣлъ на мель. Думали, работали: все напрасно; корабль не трогается съ мѣста. Начали уже терять надежду, тогда изъ волнъ является водяной царь и говоритъ тому царю: „если ты обѣщаешь мнѣ отдать того, кто у тебя дома теперь родился, тогда я тебѣ освобожу, а то во вѣкъ не освободишься." Царь подумалъ, что жеребенокъ, теленокъ или ягненокъ родился, и потому охотно обѣщалъ это водяному царю. Корабль опять поплылъ *и царь возвратился домой*. Тамъ на встрѣчу ему первая вышла царица съ сыномъ на одной и съ дочерью на другой рукѣ, и радостно поздоровалась съ нимъ. Царь очень обрадовался, но въ тоже время припомнилъ обѣщаніе, которое онъ далъ водяному царю, сталъ грустить о томъ, что онъ долженъ будетъ отдать ему единственныхъ своихъ дѣтей. Однако царицѣ онъ ничего не сказалъ о своемъ обѣщаніи, а пошелъ въ лѣсъ, началъ копать яму и придумалъ спрятать въ нее дѣтей. Въ ямѣ онъ устроилъ избушку, куда собралъ всякаго рода кушанья. Потомъ спряталъ дѣтей, чтобъ водяной царь не досталъ ихъ.

Изъ волны является водяной царь и *говоритъ тому царю.*

Рисунокъ художника В. Ткаченко.

Вскорѣ тотъ явился и потребовалъ исполненія обѣщанія. Царь сперва предлагалъ жеребенка, потомъ теленка, наконецъ ягненка, но водяной царь все отказывается и требуетъ дѣтей, которыхъ родила царица. Тогда царь купилъ двоихъ чужихъ дѣтей и отдалъ вмѣсто своихъ. Водяной царь отправился домой, но на дорогѣ спросилъ у дѣтей: „что слаще всего?"— Медъ отвѣчали дѣти. „А что легче всего?"— Пуховая подушка.— „Что жестче всего?"— Камень.— „Что горьче всего?" — Жидкая смола.— „Нѣтъ, сказалъ водяной царь, вижу, что вы не царскія дѣти". Отвезъ ихъ назадъ во дворецъ и сталъ отыскивать царскихъ дѣтей. Ищетъ, ищетъ, а все не можетъ найти. Наконецъ взошелъ въ кузницу: пожалуй еще, тамъ они. И тамъ ихъ не нашелъ, а молотъ и сталъ говорить: „царь ковалъ мной и въ будни и въ праздникъ, потому не грѣхъ измѣнить ему. Возьми меня на плечо, куда я упаду, тамъ отыщешь дѣтей". Водяной царь взялъ молотъ на плечо и пошелъ. Молотъ упалъ на то мѣсто, гдѣ царь выкопалъ яму. Въ ней водяной царь нашелъ царскихъ дѣтей, взялъ ихъ и пошелъ домой. На дорогѣ царевичъ ему и говоритъ: „когда ты утащилъ насъ изъ родительскаго дома, такъ убей насъ скорѣе или дай намъ ѣсть". Водяной царь прервалъ его и спросилъ у нихъ: „что слаще всего?"—Матернее молоко—отвѣ-

чали они. — „Что мягче всего?“ — Лоно матернее. — „Что жестче всего?“ — Отцовское сердце. Послѣ этихъ отвѣтовъ водяной царь повезъ дѣтей къ себѣ домой и сдѣлалъ ихъ своими слугами. Живутъ они; дѣти ростутъ и не думаютъ, какъ оттуда избавиться. Дѣвушка влюбилась въ водяного царя, и они стали жить какъ мужъ и жена. Это мальчику не нравилось, и онъ сталъ очень грустить объ этомъ. Разъ ночью пошелъ онъ на заднiй дворъ оплакивать свое горе. Прибѣжалъ туда волкъ и говоритъ: "зачѣмъ ты плачешь, мальчикъ? Если хочешь бѣжать отсюда, такъ сядь на меня!“ — Мальчикъ отвѣчалъ: я бы охотно убѣжалъ отсюда, но желалъ бы тоже взять съ собою сестру. „Такъ иди скорѣе за мною“ — сказалъ тогда волкъ — „я васъ обоихъ избавлю“. — Мальчикъ пошелъ за сестрою, а она спала съ водянымъ царемъ. Это ему ни почемъ, онъ вытащилъ сестру изъ постели, посадилъ ее вмѣстѣ съ собою на спину волка и давай бѣжать. Волкъ приказалъ мальчику сказать ему, если увидитъ сзади водяного царя. Немного погодя, мальчикъ и кричитъ: „идетъ, идетъ!“ — Хорошо, отвѣчалъ волкъ; возьми изъ подъ моего хвоста ремень, брось его за нами и скажи: „пусть будетъ кремнистая гора до облакъ, чрезъ которую кругомъ, сквозь и подъ которой не возможно пробраться и крылатымъ и пѣшимъ“. — Мальчикъ такъ и сдѣлалъ; тогда за ними поднялась высокая гора и загородила путь водяному царю. Онъ поспѣшилъ домой, взялъ оттуда заступъ и рѣзецъ, возвратился къ горѣ и прорубилъ себѣ черезъ нее скважину. Хотѣлъ онъ инструменты свои спрятать въ яму, а синица съ вѣтви поетъ: „я вижу, другимъ скажу“. — Нечего дѣлать, долженъ былъ нести ихъ домой. Потомъ онъ опять пустился за бѣглецами, догналъ и увезъ домой. Жизнь у водянаго царя нравилась дѣвушкѣ, а братъ все скучаетъ и не знаетъ, какъ теперь бѣжать. Однажды ночью онъ опять пошелъ на заднiй дворъ и плачетъ; тутъ къ нему пришелъ широкоголовый, черный медвѣдь и говоритъ: „хочешь ли сѣсть мнѣ на спину и бѣжать отсюда?“ — Очень радъ отвѣчалъ мальчикъ; но у меня есть сестра. „Такъ бѣги за нею и долго не оставайся!“ — Мальчикъ опять вытащилъ сестру изъ постели, въ которой она попрежнему лежала подлѣ водяного царя; посадилъ ее потомъ медвѣдю на спину, и побѣжали оттуда. Медвѣдь приказалъ имъ сказать, когда замѣтятъ, что водяной царь гонитъ за ними. Спустя нѣсколько времени, мальчикъ и кричитъ: „идетъ“. — Не пугайтесь — возразилъ медвѣдь — возьми изъ-подъ моего хвоста щетину, кинь ее за нами, скажи: „будь изъ этой щетины высокая гора!“ (и проч.) Мальчикъ такъ и сдѣлалъ, какъ приказалъ ему медвѣдь; тотчасъ возвышающаяся до облакъ гора снова заградила путь водяному царю. Онъ опять побѣжалъ домой за инструментами; потомъ прорубилъ себѣ путь и хотѣлъ спрятать ихъ въ яму, а синица опять ааставила его отнести ихъ домой. Снова пустился онъ за бѣглецами, наконецъ догналъ ихъ. „Если, говоритъ, еще разъ попробуете бѣжать, я васъ съѣмъ.“ — Возвратились и стали жить по прежнему: а мальчикъ все скучаетъ и не знаетъ, что дѣлать. Разъ онъ опять пошелъ плакать на заднiй дворъ; тутъ къ нему подходитъ лиса и говоритъ: „не хочешь ли сѣсть на мою спину и бѣжать отсюда?“ — Мальчикъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось

Бѣгство отъ водяного царя. Рисунокъ художника В. Ткаченко.

бы освободить и сестру свою: лиса приказала ему идти скорѣе за нею. Мальчикъ по прежнему схватилъ ее изъ постели, а она проснулась и не хотѣла идти за нимъ. Тогда онъ насильно понесъ ее къ лисѣ на спину и давай скорѣе бѣжать. Черезъ короткое время мальчикъ и говоритъ лисѣ: „водяной царь за нами!“—Лиса отвѣчаетъ: „подъ моимъ хвостомъ огниво, брось его за нами; увидишь, что будетъ“. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Тотчасъ за ними огнедышущая рѣка, черезъ которую водяному царю проѣзду нѣтъ. Началъ онъ выть по берегу, какъ волкъ, а бѣглецамъ ничего не могъ сдѣлать.

Когда мальчикъ увидалъ, что водяной царь уже не можетъ имъ вредить, онъ состроилъ себѣ хату, гдѣ они стали жить совсѣмъ какъ дома. Черезъ нѣсколько времени волкъ приходитъ, смотритъ хату и говоритъ мальчику: „пусти меня къ себѣ въ пай!“—Изволь, будетъ веселѣе

вмѣстѣ. Вскорѣ явились медвѣдь и лиса; мальчикъ принялъ и ихъ къ себѣ въ пай. Живутъ нѣсколько времени; мальчикъ отправился однажды съ товарищами въ лѣсъ. Дѣвушка между тѣмъ поспѣшила къ рѣкѣ и стала помогать водяному царю перейти ее. Въ самомъ дѣлѣ онъ пробрался черезъ рѣку и всю ночь провелъ съ дѣвушкой, а при разсвѣтѣ онъ превратился въ иглу, которую дѣвушка спрятала въ щель, чтобы братъ не нашелъ. Днемъ онъ (братъ) возвратился; товарищи его тоже взошли въ избу и тотчасъ стали обыскивать стѣны. Дѣвушка испугалась и просила брата остановить ихъ. Онъ запретилъ имъ, и они смирно легли въ уголъ.

На другой день братъ опять отправился съ товарищами въ лѣсъ и ночевалъ тамъ. Тогда водяной царь принялъ свою наружность и сталъ опять жить съ дѣвушкой по прежнему; а когда замѣтили, что братъ возвращается, онъ снова превратился въ иглу, которую дѣвушка спрятала въ постель. И что-же? — Какъ только спутники брата вошли, они тотчасъ стали рвать постель. Мальчикъ удивился этому, а сестра говоритъ; „запрети имъ!“ — Онъ унялъ ихъ.

На слѣдующій день онъ опять ушелъ съ товарищами и возвратился только на другой день. Тогда сестра притворилась больною и говоритъ: „пошли, милый братъ, своихъ товарищей за девять желѣзныхъ дверей достать мнѣ мази, я очень захворала“. Братъ думалъ, что она говоритъ правду, послалъ товарищей, а

Медвѣдь напалъ на водяного царя. Рисунокъ художника В Ткаченко.

самъ сталъ ходить за больною. Лишь только товарищи его ушли туда, какъ двери сами собой заперлись и имъ нельзя никуда выйти. Тогда въ избу взошелъ водяной царь, схватилъ мальчика и говоритъ: „ну, больше не убѣжишь изъ моихъ рукъ: теперь я тебя съѣмъ!“ Сестра истопила баню и начали парить мальчика, чтобъ онъ сдѣлался мягче. Между тѣмъ его товарищи стараются пробраться подъ порогами, а еще осталось четыре двери. Водяной царь беретъ мальчика въ руки и говоритъ: „теперь ужъ готовься!“ А воронъ сидитъ на крышѣ и каркаетъ: мальчикъ, помѣшкай еще немного. Тогда мальчикъ сопротивляется и вырывается изъ рукъ водяного царя; тотъ опять поймалъ его и уже хотѣлъ было ѣсть, какъ вдругъ товарищи его (мальчика) бросились въ избу, напали на водяного царя и растерзали его. Потомъ мальчикъ сжегъ его тѣло въ пепелъ, поблагодарилъ товарищей за спасеніе своей жизни и щедро угощалъ ихъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того отправились они опять въ лѣсъ.

Тогда сестра взяла сито, пошла процѣживать пепелъ и нашла въ немъ косточку водяного царя, принесла ее домой, спрятала въ подушку брата. Тотъ возвратился очень усталый и тотчасъ

Это были отецъ и мать дѣтей, а они уже постарѣли и не могли больше узнать дѣтей.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.

легъ. Когда онъ спалъ, косточка изъ подушки проскользнула въ его голову и онъ умеръ. Сестра похоронила его тѣло. Товарищи, которые уже давно не видали его, начали искать его и въ самомъ дѣлѣ нашли, хотя и мертвымъ. Они тотчасъ стали думать, какъ бы оживить его: замѣтили косточку водяного царя у него въ головѣ, и догадались, что отъ ней-то онъ и умеръ. Тогда медвѣдь сказалъ: „положу свою голову прямо противъ этой косточки, пусть она въ нее проскользнетъ". Такъ и сдѣлалъ. Тогда косточка проскользнула изъ головы мальчика въ медвѣжью. Мальчикъ проснулся и говоритъ: „ахъ, какъ я долго спалъ". — Точно такъ — отвѣчали волкъ и лиса; если бы насъ не было, то бы и теперь еще спалъ — и разсказали ему все. Тогда волкъ приложилъ свою голову къ головѣ медвѣдя, и косточка тотчасъ перешла въ нее; тогда волкъ умеръ, а медвѣдь ожилъ. Тутъ лиса подумала: „не поможетъ ли мнѣ хитрость и въ этомъ случаѣ?" Положила свою голову къ волчьей, а какъ скоро косточка стала шевелиться, тотчасъ подалась въ сторону, и косточка попала въ сосну, которая тотчасъ высохла. „Пусть сохнетъ! Вѣдь сосенъ въ лѣсу довольно!" — сказала лиса и обрадовалась, что косточка не попала въ нее. Волкъ ожилъ; пошли они домой, взяли сестру хозяина и отправились отыскивать родину.

Долго они шли. Наконецъ увидали церковь передъ собой, которая была такъ стара, что вся крыша покрыта мохомъ. Въ ней были священникъ и два человѣка, которые молились Богу. Это, слышь были отецъ и мать дѣтей, а они ужь постарѣли и не могли больше узнать дѣтей. Тогда царевичъ взялъ живой воды, взбрызнулъ ею родителей и они тотчасъ помолодѣли и узнали своихъ дѣтей. Обрадовались очень и всѣ вмѣстѣ отправились во дворецъ, гдѣ царевичъ разсказалъ царю, что онъ за сестру едва-едва не лишился жизни. — Царь разсердился и велѣлъ разстрѣлять ее изъ пушекъ, а товарищей царевича всевозможнымъ образомъ угощали. Царевичъ теперь сталъ хозяйничать въ отцовскомъ домѣ.

Сказать тебѣ сказку; связать тебя въ вязку, бросить подъ лавку, лежать тебѣ три дня, и съѣдятъ тебя мухи съ комарами.

Неотворяемый ящикъ.

Жилъ былъ старикъ со старухою и съ женатымъ сыномъ. Однажды сынъ, возвращаясь изъ лѣсу, увидѣлъ на деревѣ глухаря и хотѣлъ застрѣлить его. Но глухарь началъ говорить человѣческимъ голосомъ: „не стрѣляй, другъ мой; дай мнѣ еще пожить." Онъ удивился этому, усумнился сперва немного, а потомъ опять сталъ цѣлить въ глухаря. Не успѣлъ еще онъ выстрѣлить, какъ тотъ опять проситъ его: „не стрѣляй меня, голубчикъ; я тебя награжу." Человѣкъ снова смутился, но разгорячился и въ третій разъ прицѣлился въ глухаря. Тогда глухарь сталъ еще грустнѣе просить его: „не стрѣляй меня, дружекъ мой; возьми меня лучше живаго къ себѣ домой. Покорми меня годъ, я тебя за то награжу." Мужикъ согласился на это, взялъ глухаря съ де-

рева и понесъ его домой; тамъ онъ разсказалъ отцу всю исторію и что глухарь просилъ, чтобъ его кормили годъ, и за то обѣщалъ награду. „Такъ корми его; онъ вѣдь немного ѣстъ," отвѣчалъ старикъ. Мужикъ сталъ кормить глухаря опредѣленное время, а между тѣмъ у этого глухаря на хвостѣ росло мѣдное перо. Черезъ годъ перо упало, а глухарь улетѣлъ. „Вотъ тебѣ за кормленье" сказала жена и смѣялась надъ мужемъ; но вечеромъ глухарь возвратился и опять проситъ его: „покорми меня еще годъ!" Мужикъ согласился, и въ это время у глухаря росло серебряное перо. Черезъ годъ перо упало и глухарь опять улетѣлъ, а вечеромъ снова возвратился и проситъ: „покорми еще третій годъ!" Мужикъ согласился опять и теперь на хвостѣ глухаря росло золотое перо, которое тоже черезъ годъ упало, и глухарь сново улетѣлъ, но не на долго. Вечеромъ онъ возвратился, какъ и прежде, и говоритъ мужу: „теперь получай награду за трехлѣтіе кормленье; садись *ко мнѣ на спину!*" Мужикъ сѣлъ и глухарь полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Мало-по-малу онъ поднимался, потомъ спросилъ у него: какъ тебѣ теперь кажется, на что море похоже?" На дно сита—отвѣчалъ мужикъ. Тогда глухарь сбросилъ мужика со спины, но подхватилъ его прежде, нежели онъ успѣлъ пасть въ воду, и

Глухарь сбросилъ мужика со спинки въ море.

Рисунокъ художника В. Малышева.

сказалъ: „я тоже такъ испугался, когда ты въ первый разъ хотѣлъ застрѣлить меня!“ Полетѣлъ опять къ небу и спросилъ: „какимъ теперь тебѣ море кажется?“ Какъ кольцо—отвѣчалъ тотъ и упалъ со спины глухаря. Но тотъ опять его поднялъ, такъ что тотъ не успѣлъ промочиться, и опять сталъ подниматься. Черезъ нѣсколько времени глухарь опять спросилъ: „какимъ кажется море?“ Какъ ушко, отвѣчалъ мужикъ и въ ту же минуту стремглавъ упалъ со спины глухаря и утонулъ бы, если-бы глухарь не поднялъ его снова. Тогда глухарь сказалъ ему: „я также испугался, когда ты во второй и въ третій разъ цѣлилъ въ меня.“ Не бросай меня больше! просилъ мужикъ. „Нѣтъ, не брошу!“ отвѣчалъ глухарь; „ты вѣдь то-же сжалился надо мною.“ Полетѣлъ потомъ далеко и наконецъ спросилъ у мужика: „видишь-ли ты что нибудь?“ Вижу что-то похожее на мѣдный столбъ, отвѣчалъ мужикъ—только онъ еще далеко. „Теперь я туда полечу,“ сказалъ глухарь— „тамъ живетъ младшая моя сестра; когда она у тебя спроситъ, что ты хочешь за то, что ты меня кормилъ, такъ проси у ней неотворяемый ящикъ.“

Вскорѣ они прилетѣли къ мѣдному замку; тутъ глухарь привратился въ человѣка и они взошли. Сестра привѣтствовала брата и спрашиваетъ: „гдѣ ты, братецъ, былъ уже три года?“ Вотъ этотъ человѣкъ меня кормилъ—отвѣчалъ онъ. „А какъ тебя наградить за это?“ спросила хозяйка замка у него.—Дайте мнѣ неотворяемый ящикъ! отвѣчалъ тотъ; но ему отвѣчали: „бери чего хочешь: золота или серебра, а ящика не могу тебѣ дать.“ Что-жъ дѣлать? отвѣчалъ мужикъ и повторялъ, что ничего другаго не желаетъ въ награду, кромѣ ящика; и она удалилась. Братъ хозяйки снова превратился въ глухаря, взялъ мужика на спину и полетѣлъ снова. Онъ летѣлъ долго и наконецъ спросилъ у мужика: видитъ-ли онъ что-нибудь? Тотъ отвѣчалъ, что видитъ серебряный столбъ. „Тамъ живетъ средняя моя сестра,“ сказалъ глухарь“—проси у ней въ награду неотворяемый ящикъ.“ Вскорѣ прибыли въ замокъ; но и здѣсь тоже не дали ящика и они должны были отправиться дальше. Черезъ нѣсколько времени мужикъ замѣтилъ вдали золотой столбъ. „Тамъ живетъ старшая моя сестра“ сказалъ глухарь „отправимся туда; авось тамъ дадутъ ящикъ.“

Здѣсь наконецъ сбылось слово глухаря. Хозяйка золотого замка привѣтствовала своего брата, который теперь снова превратился въ человѣка; напоила-накормила обоихъ и дала мужику неотворяемый ящикъ за то, что онъ такъ долго кормилъ ея брата. Отдохнувъ нѣсколько, они простились съ хозяйкой замка; глухарь взялъ мужика и ящикъ на спину и улетѣлъ снова. Долго глухарь леталъ, наконецъ усталъ, высадилъ мужика вмѣстѣ съ ящикомъ на высокую гору, а самъ улетѣлъ. Мужикъ не зналъ куда идти, да притомъ и ящикъ былъ слишкомъ тяжелъ: „не понесу тебя“—сказалъ онъ и бросилъ ящикъ на земь. Тогда ящикъ отворился и вдругъ на его мѣстѣ сталъ дворецъ, кушанье, напитки, господа, слуги и все, что нужно для пиру. Онъ удивился, сѣлъ за столъ и наѣлся, но потомъ началъ скучать о своемъ домѣ. Когда онъ хотѣлъ уйдти, къ нему подошелъ человѣкъ и сказалъ:

„если дашь мнѣ то, что родилось у тебя дома, такъ провожу тебя домой.“ Онъ подумалъ: если кобыла или корова отелилась, такъ могу обѣщать; навѣрно не жена моя, потому что она никогда не рождала.“ Онъ обѣщалъ то, что родилось въ его отсутствіи, чтобы только достигнуть своего дома. „Такъ бери съ собою ящикъ“ сказалъ провожатый „и отправимся!“ Скоро мужикъ былъ готовъ и въ одно мгновенье очутился у себя дома. Здѣсь жена его родила прекраснаго ребенка и вмѣстѣ съ нимъ она привѣтствовала мужа. Въ горести бѣднякъ просилъ провожатаго оставить ребенка у матери еще на нѣсколько лѣтъ. Тотъ согласился на предложеніе и сказалъ: „пусть сынъ твой останется здѣсь; а когда я пришлю за нимъ, такъ отдай, а не то—бѣда.

Прошло нѣсколько лѣтъ; мальчикъ выросъ и сдѣлался такимъ сильнымъ: какъ только до кого дотронется, такъ и убьетъ. Когда онъ узналъ, что отецъ обѣщалъ его нечистому, онъ сѣлъ на коня и отправился искать его. Онъ все ѣздилъ, пока конь не усталъ; но онъ не думалъ кормить коня, а пѣшкомъ отправился дальше. Наконецъ онъ пришелъ къ къ морскому берегу, вблизи котораго находилось озеро и между ними былъ небольшой перешеекъ. Возлѣ озера росъ дубъ; вокругъ него и на всемъ перешейкѣ было открытое мѣсто. Мальчикъ взлѣзъ на дубъ. Съ него онъ увидѣлъ корабль, который плылъ къ берегу въ заливъ; изъ корабля вышла толпа молодыхъ дѣвушекъ и отправилась купаться въ озеро. Онѣ положили свои платья у корня дуба и пошли въ воду. Мальчикъ тихонько слѣзъ съ дуба, утащилъ платье лучшей дѣвицы и съ нимъ опять влѣзъ на дерево.

Вышли дѣвушки изъ воды и каждая взяла свое платье, а самая хорошая не нашла. Ищутъ ихъ вездѣ; наконецъ замѣтили мальчика на дубѣ. Тогда дѣвица обѣщала выйдти за него замужъ, если онъ отдастъ ея платье. Услышавъ это, мальчикъ слѣзъ съ дерева, отдалъ ей плать и узналъ; что она дочь того нечистаго, которому отецъ обѣщалъ его. Тотчасъ онъ спросилъ ее, гдѣ ея отецъ. Тогда дѣвица сказала ему: „возлѣ горы у дворца въ землѣ ломъ, съ кольцомъ на концѣ; кто его не вытащитъ, тотъ не взойдетъ во дворецъ. Все-таки попробую свою силу, возьми этотъ платокъ; онъ сдѣлаетъ тебя невидимымъ и будетъ доставлять тебѣ всякую пищу. Если взайдешь во дворецъ, такъ сперва зайди ко мнѣ, тогда я твоя невѣста.“

Они разстались, а дѣвица съ своими подругами возвратились на корабль; мальчикъ спряталъ платокъ дѣвицы и отправился ко дворцу такъ, какъ она ему велѣла. Онъ шелъ нѣсколько дней и доставалъ себѣ кушанья посредствомъ платка, подареннаго дѣвицей; наконецъ онъ пришелъ къ горѣ и нашелъ ломъ съ кольцомъ на концѣ. Земля вокругъ лома была очень истоптана, потому что многіе уже пробовали вытащить его и хотѣли взойти во дворецъ, но никто еще не былъ въ силахъ вытащить его. Однако мальчикъ не отчаявался, хотѣлъ попробовать свою силу и сразу поднялъ ломъ и застучалъ имъ о стѣну дворца такъ, что кругомъ раздавалось. Нечистый услышалъ это и сказалъ другимъ:

Онъ сѣлъ на коня и отправился искать.

Рисунокъ художника В. Малышева.

Мальчикъ тихонько слѣзъ съ дуба и взялъ платье.

Рисунокъ художника В. Малышева.

„когда такой шумъ раздался, значитъ, гости пріѣхали". Потомъ пошелъ къ воротамъ посмотрѣть, кто могъ надѣлать этотъ шумъ и на своемъ ли мѣстѣ ломъ; но онъ никого не засталъ, а выдернутый ломъ валялся возлѣ стѣны. „Можетъ быть, уши обманули, когда здѣсь никого нѣтъ", подумалъ нечистый—„но кто тогда вытащилъ ломъ? Въ самомъ дѣлѣ удивительно".

Между тѣмъ мальчикъ отыскалъ дѣвушку. Онъ надѣлъ платокъ, который она ему подарила, и такимъ образомъ пробрался въ ея комнату такъ, что его никто не замѣтилъ. Дѣвушка приказала ему идти переговорить съ отцемъ; мальчикъ явился къ нему, просилъ его дочь въ супруги и сказалъ: „меня обѣщали тебѣ, потому я теперь сватаюсь къ твоей дочери. Какія ты дашь мнѣ задачи?" Не торопись, другъ мой—отвѣчалъ тотъ—во-первыхъ, можешь построить дворецъ *ни на небѣ, ни на землѣ.* Потомъ ты долженъ въ одну ночь вспахать, посѣять, сжать, смолотить, смолоть и испечь мнѣ хлѣба на пищу, А наконецъ достать мнѣ на завтракъ трехъ глухарей съ желѣзными клювами изъ-за девяти морей. Когда мальчикъ разсказалъ это своей невѣстѣ, *она ему отвѣчала:* „въ конюшнѣ девять лошадей; переломи ноги у семи изъ нихъ; на остальныхъ мы убѣжимъ отсюда". Мальчикъ сдѣлалъ, какъ она приказала, и они убѣжали. Нечистый все-таки вскорѣ пустился вслѣдъ за ними, но дѣвица перечеркнула землю своимъ платкомъ и тутъ тотчасъ возникла такая гора, что нечистый долженъ былъ возвратится домой за топоромъ. Потомъ онъ опять преслѣдовалъ ихъ, а дѣвушка превратила одну лошадь въ церковь, другую въ колокольню, а сама превратилась въ священника, мужъ въ пономаря. Нечистый не узналъ ихъ, взошелъ въ церковь, спросилъ: не видали-ли они, не прошелъ-ли кто нибудь? „Они уже давно на той сторонѣ рѣки", отвѣчали священникъ и пономарь. Бѣсъ тогда возвратился домой и увидѣлъ изъ своихъ книгъ, что они были въ той церкви, хотя онъ и не узналъ ихъ. Онъ снова пустился за бѣглецами, но дѣвица платкомъ сдѣлала такую рѣку, что онъ не могъ переправиться черезъ нее. Мальчикъ привелъ свою невѣсту домой.

Сказка про строя.

Жили старикъ, да старуха. У нихъ было двое маленькихъ дѣтей: сынъ Иванушко, а доць Марьюшка. Они пожили, пожили, да и умерли, а ребятъ-то однихъ и оставили, а хлѣба-то имъ оставили мало. Они пожили, пожили, да хлѣбъ-то весь и съѣли. Што дѣлать? Сидятъ, да и плацутъ, потому што ись стало ницево. Ну, Марьюшка-то и говоритъ Иванушку: „што-же мы станемъ дѣлать-то? ись нецево, а ись охота; пойдемъ-ко въ поле. Сидятъ на дорожкѣ, сидятъ, да и плацутъ. Она и говоритъ Иванушку: „братецъ, давай-ко я у тебя въ головушкѣ поищу". Стала искать и говоритъ ему: „у Иванушки глазокъ спи, другой

спи. Иванушко, увесь усни. Иванушко и уснулъ. А тутъ около ихъ стоявъ пенекъ. Она встала на пенекъ-отъ, да и говоритъ: „пенекъ выше, лѣсокъ ниже: Вдругъ пенекъ-отъ и поднявсе, выросъ до неба, а небо-то, а тамъ стоитъ строй: зубы желѣзные, поварежка въ жопѣ, мутовка въ ротѣ глаза на спинѣ, а около ево стоятъ жернова, онъ стоитъ да на ихъ мелетъ; какъ вернетъ этими жерновами-то: блинъ, да шаньга калаць да пряникъ. Ну, Марьюшка-то и наклала цѣлый мѣшокъ блиновъ-то, да шанегъ, калацей, да пряниковъ; наклала, да и встала опять на пенекъ-то съ мѣшкомъ и говоритъ: „пенекъ ниже, лѣсокъ выше; пенекъ ниже, лѣсокъ выше; пенекъ ниже, лѣсокъ выше“. Ковды она это проговорила, пенекъ-отъ лишь опустивсе до земли; а Иванушко-то всетъ спитъ. „Иванушко, Иванушко, братецъ, говоритъ она, вставай-ко, што я тебѣ принесла-то“. Иванушка разбудивсе, вставъ, да какъ обрадовавсе, захохотавъ, перекрестивсе, да и ставъ ись. Поили маленько, а все остальное унесли домой, Ну, опять стали жить. Жили, жили, да опеть все и съили; потомъ опеть нецево стало ись; опеть сидятъ и плацутъ. „Што-же, Марьюшко говоритъ Иванушко, мы станемъ ись-то? Опеть надо идти гулять. Пойдемъ-ко въ поле, опеть погуляемъ, и пошли. Пошли въ поле, вышли за поле и сѣли на дорогу. Сидятъ, да опеть и плацутъ. Она и говоритъ: „Иванушко, братецъ, дай-ко я у тя поищу въ головушкѣ“. Стала искать и говоритъ: „У Иванушки глазокъ спи. Иванушко весь усни, а и не сказала, што другой глазокъ спи,—забыла. А пенекъ-отъ опеть ужъ около ихъ стоитъ. Она думала, што Иванушко-ко крѣпко спитъ, она лишь встала на пенекъ-то и говоритъ: „пенекъ выше, лѣсокъ ниже: пенекъ выше, лѣсокъ ниже; пенекъ выше, лѣсокъ ниже“. Иванушко-то лишь услыхавъ и заревѣвъ: „ой Марьюшка, сестрица, и я съ тобой пойду“. „Ну да говоритъ, иди и ты ужъ со мной и взяла и его съ собой. Оба встали на пенекъ-то; пенекъ-то лишь опеть поднявсе до неба. Ну небо-то опеть открылось, они оба туда и зализли, а тамъ опеть стоитъ строй, стоитъ, да и мелетъ. Иванушко-то и увидѣвъ, што такой страшной стоитъ, да мелетъ, испугавсе, заревѣлъ и говоритъ Марьюшкѣ-то сестрицѣ: „Ой Мзрьюшка, говоритъ, я боюсь... Хы-хы-хы... Строй-отъ и услышавъ. Услышавъ, да лишь сфативъ Иванушка-то къ себѣ. Охъ-тимнехонько, сфативъ, да и хоцетъ ево зарѣзать. Ну, Марьюшка-то и заревѣла а у строя-то кабыть топилась пець Ковды пець-то истопилась, строй-отъ и говоритъ Марьюшкѣ-то: „дѣвка, говоритъ, садись-ко, давай, на лопату“. „Ой нѣтъ, нѣтъ, говоритъ я не умію“. Ну-ко, ты укажи мнѣ, какъ нада садитце-то, садись-ко снацаво самъ“. Онъ взявъ, да и сѣлъ на лопату-то. „Вотъ, говоритъ, какъ надо садитце-то“. „Да, какъ, говоритъ, я не знаю; ну-ко, ты, говоритъ хорошенько усядьсе, да ужмись, штобы льзя было продти въ жье-то пецки“. Лишь онъ сѣвъ, да и ноги подъ себя положивъ, а самъ согнувсе, штобы продти въ пець-то. Марьюшка-то взяла, да лишь на лопатѣ-то ево шорнула въ пець лишь скорѣе пець-ту заслонкой закрыла и приперла крѣпко на крѣпко; а изъ пеци-то на шестокъ изъ строя-то лишь потекъ ясиръ-сало. Иванушко-то водбѣжавъ, да взявъ и лизнувъ пальцемъ ясиру-то-лишь оцудивсе барашкомъ и

заблѣявъ. „Ой, говоритъ, Марьюшка, сестрица, ножи тоцатъ, котлы кипятъ; барашка рѣзать хотятъ“. Строй-отъ лишь изъ пецки-то выскоцивъ, да Иванушка-то и зарѣзавъ, а Марьюшка-то опеть встала на пенекъ, да на землю и спустилась.

